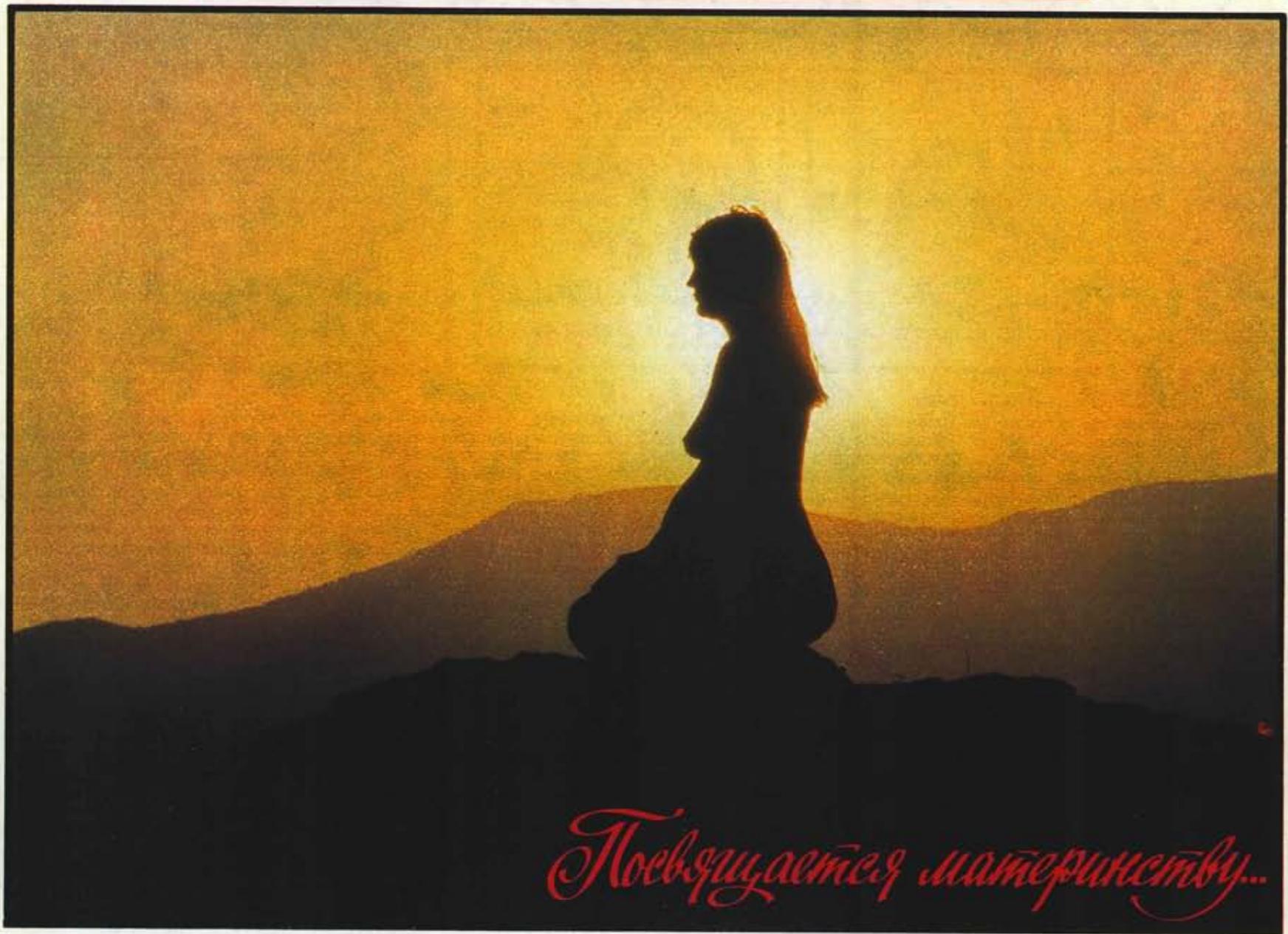

СМЕНА 5

МАРТ'87

Посвящается материнству...

- Нина Переверзева. Голос в защиту жизни
Делегат съезда комсомола — чемпионка мира
В семью пришла помощница. Новая услуга
Затмение совести. Командировка по письму
Футбол. Международный турнир на приз «Смены»
Майя Плисецкая. Автобиография
Динара Асанова. Возьмемся за руки, друзья!
Алла Пугачева и Юlian Семенов. Начистоту
Что касается женщин... Монолог мужчины
Фантастический роман Джона Уиндема

Герой Социалистического Труда,
член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР

Нина Переверзева

СЛОВО МАТЕРИ

Слонским нашим полем, на котором работаю, вся моя жизнь, вся моя судьба связана. Отсюда, с этого поля, ушли на войну мой отец и старший брат. Оба не вернулись... А я это поле помню совсем не таким — некрасивым, ужасным, исковерканным. Это было в моем детстве.

Детство мы не особенно видели. Отец с братом на войне, старшая сестра замужем, а мы — трое с мамой — глядим, как на нас война катится. Наверное, мы все-таки играли тогда, и смеялись, ведь без этого же совсем нельзя, но в основном мы работали. Рядом с мамами, вместе с ними, то с косами, то боронили на своих коровках. И самая главная, даже единственная мечта была — наесться хлеба. Хлеб, он постоянно нас преследовал. Вот все эти довоенные запахи, запахи свежего хлеба, пышек, пирожков, они весь день нас преследовали и в сны приходили. Мне было двенадцать лет, когда война началась. Фашист пришел в сорок втором, и началась нежить. Я тогда просто не понимала, почему мамка меня всегда старалась спрятать в огороде, чтобы я там в кустах просидела весь день. Я ж тогда, глупая, порой даже в обиде на нее была. Иногда вздрогнешь только от одного воспоминания, как они, фашисты, кричали — просто так, они ж никогда не говорили, только кричали, пугали, им так нравилось. Перестреляли всю нашу птицу, коровок, ни у кого в селе коров не осталось. Мало он у нас похозяйничал, быстро его выбили, а все же много людей перестрелял — и женщин с детишками тоже.

А мы, детвора, тайком на

могилочку одной застреленной женщины ходили, и так было жалко ее, сил нет, просто будто кто-то родной тут был застреленный. Мамка охала, плакала, что я куда-то бегаю. Хоть хлеба не было, но от воздуха нашего я выглядела свежо, краснощеко, теперь я понимаю ее тревогу. Сто сорок три дня мы были в оккупации, а не забыть их никогда, даже иногда и не верится, сколько зла можно принести людям за такой малый срок.

А как выбили фашиста, вернулся к нам в колхоз один трактор ЧТЗ. Мы его так и называли «царь полей» за его единственность, да и мощный он был по тем-то временам.

Так я устроила, что попала на прицеп, к Егору Андреевичу, дяде Жоре Архипову. Его по брони в колхозе оставили, он понимал, что за него другие воюют, вот он за всех других и работал. И нас учил. Ну, всяко приходилось. За ночь, пожалуй, ни разка и не передремлешь — поля ж засоренные, а он, дядя Жора, таскал два спаренных плуга по пять лемехов. Нас было две девчушки у него. Это я сейчас только понимаю, какое ему надо было иметь мастерство, а пуще того — терпение, чтобы нас обучить. Ведь он и переживал за нас, что мы там, детишки, лазили по этим плугам, по этим лемехам ногами. А когда мы заканчивали смену, он всегда говорил: «Молодцы!» — это у него как закон был. Он говорит «молодцы», а мы смазываем свой плуг, сдаем сменщикам, у нас ушки на макушке, когда учитель объявляет, сколько мы сработали, и оказывается, что мы больше всех сработали, и дядя Жора, тоже уставший весь,

говорит: «Девочки, мы все-таки славно поработали, хорошо вспахали. Молодцы вы!»

Трудно работать в поле? Я бы так не сказала. Я бы сказала: непросто. А то уж мы привыкли по каждому поводу говорить: «Ой, трудно, ой, невмоготу!» Мы так привыкли к этому слову, что уж и смысл его теряется. Может, человек в чем-то себя и ущемляет: в отыхе, в режиме. А с другой стороны: ну какая тяжесть, если идет комбайн, обед на поле привозят, душ к тебе подплывает, автолавка тут же, агитбригада поет и пляшет — ну какая же здесь трудность? Это же прелость просто, а не работа.

А по-настоящему трудно было во время войны. Я помню, как у дороги стояла женщина с косою и котомочкой. А в котомке одна лепешка. И она ее не ела, детям берегла. Вот ей действительно было трудно: косить это поле, и детей растить, и мужа ждать. Она уж вся бессильная была, а по полгектара скашивала за день. А мы теперь работаем чуть не в белой рубашке, чуть не в галстучке в этом комбайне и говорим: тяжело. Это, кажется, традиция у нас такая. Просто, я думаю, надо знать ценность слов и беречь их. А отдавать всего себя, как это бывает во время уборки, то не «трудно», то просто работа.

Когда подъедешь к полю на комбайне, в душе обязательно защемит — не потому, что боишься работы, не потому. Просто, наверное, хлеборобская доля такая — испытать какую-то не обозначенную боль. Я со многими говорила, у всех так. Будто смотрит мать на дочку или сына, и все у них хорошо, и здоровыми растут, и красивыми, а в душе тревога:

какими вы будете? Человек не может без этого волнения, без этого душевного переживания войти сразу в поле, потому что оно живое существо. Когда оно богатое, так радуется вместе с человеком, когда посеченное, так будто извиняется. С ним, с полем, можно поговорить и помолчать, вернее, про себя что-то ему тихонько бормочешь, и оно тебе так же тихонько отзовывает в ответ. Встанешь поутру, и начинается твой день. Завтрак надо приготовить, и чтоб все довольные были, сытые. Чтобы в радости на работу пошли. Корову подоить, проводить, и чтоб она тоже в настроении была.

Занимаешься домом и себя на радость настраиваешь. А уже пять часов. И до того охота на улицу выйти, только чтоб стен никаких не видеть. А выйдешь на улицу, и кажется, что вот в тебе вся радость скопилась этим утром. Это такая прелость — не знаю, может, это как раз романтикой называют, когда утро, и на улицу выйдешь, и все хорошо, что тебя окружает, и такая благодать.

Помню, съездила первый раз в Москву, возвращаюсь и думаю: как хорошо-то в Москве было, а только что же сердце так прыгает, когда к селу подъезжаешь?

Где родился, там и сгодился. Может, и не про всех сказано, а про меня и многих других — точно. Тут же оно мое, родное. И родители мои здесь, и детство, и первые долги жизни. И так тянет, тянет, когда в разлуке, особенно сейчас, уже года подходят к таким большим горам — уж лишнего часа вдали не проживешь. И дома везде есть не хуже наших, и деревья, и все остальное. Вот

и хлеб,— вот это пирожок, пусть он и вкусным будет, и белым, и пышным, но все равно он не такой, как наш, домашний. Когда сам все это творишь — так и запаха расчудеснее не бывает. Это странное чувство, когда все твое. И все, что вокруг, и все, что в тебе. Да, все мое, ничего не хочу отдать.

В пятьдесят втором я выходила замуж за Николая Петровича. Мама меня отдавала бедновато. В приданое она мне дала прабабушкин сундучок, в нем надо было заменить одну досточку, подгнила она. Досточку заменили, а краску негде было достать, так и осталась одна досточка белая. Кому же я отдаю это: топтогон наш, где мы плясали под гармошку и балалайку, досточку белую, счастье наше — все мое!

А через двадцать лет у мужа комбайн, у меня комбайн и у сына Вани комбайн. Тогда у меня шея стала подлиннее, потому что все время

оборачивалась: ну что он там встал, что не выгружается, почему не научился? А он научился, это мне только кажется, что не очень-то, и шея-то все вытягивается — и это навсегда мое. И как мы договаривались никогда не считать, сколько заработали,

сколько намолотили. И как отвыкать без дела говорить «трудно», «тяжело». Вот бы самой себе пожаловаться. А не хочется! Трудно не работать. И тем, думаю, трудно, кто привык не работать. Их сегодняшнее время догола раздело, слов лишило.

Каждый человек, наверное, задумывается о своей жизни,

о всех тех годах, которые прошли. И вот я так порою все в глубине души измеряю и каждый раз прихожу к одному выводу: я какая-то одаренная. Вот чем одаренная — не могу сказать.

Наверное, жизнью.

А оттого, наверное, и счастливая. Жизнь меня всем одарила: и прекрасной семьей, и любимой работой, и друзьями. А это ли не счастье? А внуки? А хлеб? А поле?

Я счастлива, что приношу в дома людей хлеб. Хлеб, хранящий тепло земли. Хлеб, который для человека то же, что жизнь.

И хочется мне, матери, верить, что этим вечным и добрым ремеслом будут спокойно и радостно заниматься наши дети и внуки. Пусть не придется им с тревогой смотреть в небо, откуда может примчаться ядерная смерть.

Пусть всегда будет мирным поле, дарящее людям хлеб...

Рисунок Игоря Гончарука

АНАСТАСИЯ БАБАНИНА

депутат XX съезда ВЛКСМ,
чемпионка мира по акробатике,
ученица школы № 6 г. Ярославля

АЗАРТ

фото Владимира Васильева

Недавно по командировке ЦК комсомола я вместе с товарищами по сборной страны побывала в Тюменской области и на Дальнем Востоке. Мы встречались с молодыми нефтяниками, строителями, рыбаками. С каким радушiem нас принимали! Сколько было разных вопросов! Такие встречи нам, спортсменам, очень нужны. Ведь тут, по сути, дается оценка твоему труду. И сам ты яснее видишь, что все твои усилия не напрасны, что ты работаешь не только ради высоких спортивных результатов, но и ради людей, ради славы нашей Родины.

Я участвовала в соревнованиях, которые проходили в Аргентине, ФРГ, Китае... Это ни с чем не сравнимо, когда там, за границей, ты стоишь на верхней ступеньке пьедестала и в честь твоей победы звучит Гимн Советского Союза.

Но даже после короткой разлуки с родными местами тянет домой в Ярославль. С волнением возвращаюсь в школу. И вот тут...

Горько признаваться в этом, но, пожалуй, нигде я не пережила столько обид, не услышала столько незаслуженных упреков, как в своем классе. Какая-то стена непонимания. Даже в счастливый для меня день, когда я вернулась из Франции чемпионкой мира — это звание мы завоевали в паре с землячкой Светланой Безрукко, — одноклассники встретили меня так, будто я никуда и не уезжала. «Привет. Как дела?» — вот и весь разговор.

Не подумайте, что я жду бурных приветствий, цветов. Нет, на такое и не претендую. Но почему нет самого элементарного любопытства: где была, как выступила? И дело не во мне. Просто удивляет безразличие со стороны тех, с кем учишься не один год, с кем вместе вступала в комсомол. Разве это по-товарищески, по-комсомольски?..

Стараюсь не показать обиды, но она, наверно, все же прорывается наружу. И тогда от некоторых девочек слышу в свой адрес: «Зазналась». А самое обидное, когда так же думают и иные учителя. Но это же неправда! Я сама готова рассказать обо всем, что видела. Но натыкаешься на равнодушные — всякая охота отпадает.

Что тут, зависть?.. Но ведь успех не сваливается с неба, не приходит сам собой. Возможности у всех в общем-то одинаковые. Каждый может многое достигнуть, если не в спорте, то в учебе, в работе, в искусстве. Нужны только терпение, трудолюбие, воля. И воспитывать эти черты характера у молодых призван комсомол.

Для меня комсомол и спорт — понятия неразрывные. Ведь бойцовский, спортивный характер сродни комсомольскому.

Девятый год, с первого класса, занимаюсь акробатикой. Тренировки шесть раз в неделю, почти без выходных. Устаешь, конечно. Но мысли бросить спорт не возникало. Хотя с самого начала мне не повезло: на одном из первых занятий сломала руку, наложи-

ли гипс. Так что я делала: в школу ходила с загипсованной рукой, а когда шла в спортзал, снимала гипс. Теперь понимаю, чем рисковала, тогда же ни за что не хотела отставать от других.

Большой спорт — большой труд. Не все, к сожалению, это понимают и потому относятся к спортсменам как к баловням судьбы. Такое впечатление складывается еще и потому, что для тех, кто защищает спортивную честь города, области, иногда делают какие-то поблажки. Я категорически против подобного меценатства. Оно только разворачивает, расслабляет, порождает «звездную болезнь». Пресекать это — дело комсомольских организаций. По крайней мере у себя в сборной с такими недугами мы боремся беспощадно.

По себе знаю, как нелегко сочетать активные тренировки и выступления со школьной учебой. Однако кое-кто упорно пытается представить меня не просто как спортсменку, но и как отличницу. Не понимаю, зачем эта показуха? Да, я учусь без троек, но и пятерок у меня негусто, а точнее, одна — по физкультуре.

Кстати, об уроках физкультуры. В школе они обязательны для всех. Но сколько ребят правдами и неправдами увиливают от занятий! Да и сам урок без продуманной методики, без определенной цели ничего не дает. Вот на что надо бы обратить внимание школьному комсомолу. Пора всерьез поднять престиж физкультуры и спорта среди молодежи. Вспомним время, когда считалось стыдным быть хильмом, неповоротливым — словом, неспортивным. Почему же сейчас у многих девочек избыточный вес, а некоторые мальчики, наши будущие защитники, не могут подтянуться на перекладине?

Считаю, не только комсомолец, но и вступающий в комсомол должен быть значкистом ГТО. Предлагаю записать это в Устав ВЛКСМ.

Кроме того, надо всячески развивать те формы досуга, где без основательной спортивной подготовки не обойтись. Вот, скажем, увлечение брейком. Любители этого танца есть во многих городах Ярославской области. Обком комсомола планирует провести фестиваль брейка. И я, как член обкома ВЛКСМ, готова оказать необходимую помощь, подключить спортсменов-акробатов. Да и сама не прочь научиться танцевать брейк.

Ну, а разве не по силам комсомольцам соорудить спортивные площадки, проводить соревнования по разным видам спорта? Разговоров об этом много, а вот конкретных дел куда меньше.

Привлекать юношей и девушек к систематическим занятиям физкультурой и спортом — еще раз обращаюсь к проекту Устава — одна из непременных забот первичных организаций. Нельзя действовать по старинке. Нужно, чтобы в этой работе появились настоящий комсомольский задор, настоящий спортивный азарт. Ведь спорт, как говорил Эрнест Хемингуэй, учит всему, спорт учит жизни. Эти слова, думаю, в комментарии не нуждаются.

ФИРМА ПРИГЛАШАЕТ НЯНЬЮ

Ксения АВДЕЕВА.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Приемная, окрашенная в столь излюбленный офисами цвет уныния, не располагала к разговорам. Молча дожидались мы своей очереди дать объявление: у кого-то потерялась собака, кому-то надо срочно разменять трехкомнатную квартиру... Всех оживил голос женщины у окошечка.

— Девушка, миленькая, поставьте, ради бога, хоть на текущий месяц. Сами подумайте, пока газета объявлений напечатает, пока эта мифическая няня откликнется! А нам с мужем через сорок два дня надо быть на Кольском, в партии. Как тут ребята с малышом разберутся, страшно подумать, они же оба в институте на последнем курсе. И у нас это последняя экспедиция. Одна надежда на вас. Может, откликнется какая-нибудь старушка, а уж мы с дедом для Павлушки за ценой не постоим! — закончила энергичный монолог молодая стройная бабушка в «бананах» и широкой спортивной куртке. Представить ее с рюкзаком за плечами, бодро шагающую с геологами где-нибудь в Заполярье, гораздо легче, нежели увидеть благостно сидящей с коляской на бульваре.

Вечные времена: молодые бабушки и дедушки, жаждущие насыщенной событиями жизни, влюбленные в работу, в путешествия, в друзей, друг в друга, переживающие вторую, подлинно творческую молодость, в то же время болеют душой за своих взрослых детей и маленьких внуков. Как тут не вспомнить свои университетские годы, нагрянувшее материнство, еще молодую, но вечно занятую бабушку и прелестного мальчугана, которого приходилось то и дело подкидывать сердобольным друзьям и соседям. Учиться кое-как можно было и дома. Но проходить практику и писать диплом, не выходя «в люди», невозможно. Через пару месяцев всеобщих поисков и лихорадочных тайных обклекий объявлений уличных столбов в нашем доме появилась наконец энергичная румяная старушка, мечтавшая о цветном телевизоре. С утра до обеда няня Аня отбывала с Кириллом мое «библиотечное время» всего лишь за девяносто рублей. «Это несерьезно! — поправят просвещенные люди. — Цен таких давно уже нет. Няня, способная самостоятельно двигаться и не лишенная иных достоинств, стоит не менее ста тридцати рублей в месяц. Плюс питание и подарки...» Если повезет, няня приживется, станет членом семьи, и тогда вашему младенцу не придется кочевать с рук на руки в ожидании ведомственных яслей. Но это если повезет!

В Москве сегодня лишь 260 служащих фирмы «Заря» выполняют функции ухода за ребенком на дому. 260 из восьми тысяч там работающих! (Цифры эти называл заместитель генерального директора объединения Евгений Васильевич Санков.) Заполучить няню из фирмы — все равно что выдержать конкурс в ГИТИС. Претендентов множество, в очереди приходится стоять чуть ли не полгода. Как это и бывает при дефиците, предпочтение в конкурсе отдается тем, кто имеет «заслуги перед обществом». Помню, как сами девушки (няни) с восторгом рассказывали мне, что довелось им воспитывать внуки знаменитого маршала, известно-

го профессора, работать «у самой Инны Чуриковой». Может ли состояться с ними молодая семья без особых заслуг, но с теми же большими проблемами?

С одной стороны, помочь молодым родителям становится все более ощущимо — государство пошло на увеличение пособий, дотаций и т. д. А вот в системе коммунальной помощи — полный застой. Обычной «одноребеночной» молодой семье не светит ни специальный продуктовый или промтоварный заказ, ни очередь на шубку в «Детском мире» (эти льготы — для многодетных семей), для нее очень маловероятна возможность спокойно выбраться на гости, доверив ребенка профессиональному работнику «Зари»... Кстати, такого понятия, как «няня», в фирме не существует. В штатных расписаниях комбинатов бытового обслуживания предусмотрена рабочая категория — «исполнитель разовых поручений». Задача и неопределенна. Хотя и «няни» тоже не совсем точно, ведь они не только возятся с малышами, но и помогают престарелым. Впрочем, нянями эти хорошенькие девушки (средний возраст 23 года) и сами стесняются называться. Существует проект, по которому и няничек, и уборщиц-санитарок в детских садах и яслях предлагается именовать «помощниками воспитателя». Что поделаешь, престижность профессии для молодых людей гораздо важнее ее социальной значимости. А для нас, клиентов «Зари», помогающий больным и престарелым, растягивающий и воспитывающий детей, незаменимый и желанный «исполнитель разовых поручений» — куда более достойная и симпатичная профессия, чем бармен или маникюрша. Но вот загадка: нянями хотят стать единицы, а барменами и маникюршами сотни. Хотя официальная заработка плата у тех и у других категорий примерно одинаковая. «Так это же официальная!» — засмеются вам в глаза.

Для справки: зарплата «исполнителей разовых поручений» 96 рублей. Премия небольшая — рублей 10—15 в месяц. Но ведь это зарплата только что окончившего вуз инженера, музейного и клубного работника. Инженеров у нас предостаточно, а вот нянь не хватает, а если уж говорить о московской «Заре», то здесь все 260 нянь — иностранные, иными словами, «лимитчицы». Понятие это, как тавро, почти неистребимо, хотя за плечами некоторых нянь более десятка лет работы в столице, на одном предприятии. Дело они свое знают, профессию любят. И внешне никогда не отличите вы их от девушек, рожденных в Бескудникове или Ясеневе... И все-таки лимитчицы!

Любопытно, почему за все годы существования «Зари» ни одна юная или пожилая москвичка не пожелала попробовать себя на этом поприще? Почему не предлагали фирме свои хотя бы временные услуги? Не пытаясь ответить на все эти вопросы, отметим: работа по дому все меньше привлекает многих женщин, особенно молодых. Двадцатилетней студентке, имеющей собственную школу нравственных и бытовых ценностей, вы вряд ли сумеете объяснить, как прекрасна и значительна роль хранительницы очага, как увлекательно быть настоящей до-

машней хозяйкой, какое несравнимое счастье самой воспитывать своих детей. Что ж, пора признать, что внутреннюю мировоззренческую наполненность жизни многим заменил стиль, темп...

В глазах юных мам, с которыми я встречалась, проводя это своеобразное социологическое исследование, было одно желание: вырваться назад — в цехи и аудитории, читалки и курилки. Скорее. Любой ценой. За любые деньги. Но чтобы ребенок был в надежных руках.

Мои собеседницы дружно высказались в пользу фирмы «Заря». Там все поставлено на официальной основе. Там не бросят ребенка, когда надоест, как какая-нибудь баба Глаша. Не опоздают, не прогуляют. Можно позвонить в комбинат, посоветоваться, похвалить или пожаловаться. Девушки молодые, энергичные, внимательные, их культура и интеллект не ниже, чем у самих «хозяев», и уж ни в какое сравнение не идут они с пресловутой бабой Глашей. Они деловиты и ответственные, имеют специальные знания, приобретенные и на курсах фирмы, и собственным опытом. Они умеют готовить и обращаться с детьми: и гуляют с ними, и играют, и читают им книги. А за работу берут меньше, чем частницы. Дневной час ухода за ребенком в «Заре» стоит 60 копеек, ночной — 75. Двадцать четыре полных рабочих дня (при шестидневной неделе) обходятся заезжаку в 114 рублей 40 копеек. Если мы отнимем от этой цифры сумму зарплаты «исполнителя», увидим, что государство никакого мало-мальски ощущимого дохода не получает: услуга для «Зари» убыточна. И компенсировать ее в общем балансе объединения приходится за счет других, более доходных видов работ.

Многие молодожены считают, что форма услуги устарела. Большинству молодых семей нужна сейчас не стабильно приходящая изо дня в день помощь, а человек, способный подменить их в период экзаменов, преддипломной практики, отпуска, а то и просто на вечер. Такой вид помощи молодой семье, очень популярный во многих странах («беби-ситтинг» в буквальном переводе «сидение с детьми»), у нас пока полностью отсутствует. И вовсе не потому, что руководство службы быта не понимает перспективности подобной формы работы. Все оно понимает. Но вряд ли сможет «Заря» при самых благих намерениях сделать завтра больше, чем сегодня. За прошедший год из «Зари» уволилось девяносто исполнителей разовых поручений, а на их места не пришел никто.

В последнее время «Заря» активизировала поиски скрытых резервов, тем более что приток лимита в Москву прекращается и надо будет обходиться собственными силами. Зимой 1984 года руководство вышло на горком комсомола и на штаб Московского студенческого строительного отряда. Получили от них «доброе» и заверения в поддержке. Предложения «Зари» заключались в следующем: создать для фирмы на летний период специализированный студенческий отряд по образцу тех, что успешно работают на предприятиях торговли. Войдут в него будущие педагоги и медики. Для них это будет более

обоснованная логикой профессии практика. И не бесплатно, избави бог, предлагалось практикантом возиться с малолетними детьми и престарелыми. «Заря» планировала изыскать дополнительные средства для стимулирования специального отряда. Но... он так и остался голубой мечтой руководства предприятия. Штаб ССО продолжал отправлять будущих педагогов и медиков в дальние дали приобретать строительные навыки, а «Заря» осталась ни с чем.

...Когда я приехала на улицу Анохина к Людмиле Кирилловне Климаковой, уже 15 лет работающей мастером цеха «Добрые услуги», она первым делом достала длиннейший список и стала считать «выбывшие» души — уволились еще несколько десятков нянь. На август прошлого года в их цехе, обслуживающем Москворецкий, Октябрьский и Пролетарский районы Москвы, насчитывалось всего 18 исполнителей разовых поручений.

Неужели в столице нельзя найти несколько сотен человек для такого жизненно важного дела? Если со студентами пока не вышло, может, попробовать привлечь старшеклассников, ведь многие из них хотели бы сами зарабатывать деньги, а не тянуть их из родительского кармана. Увы, несмотря на школьную реформу, ничего не изменилось в юридической практике оформления подростков на работу. В соответствии с постановлением Госкомтруда ССР и Секретариата ВЦСПС от 1 июля 1985 года привлечение учащихся на временную посильную работу разрешается только в период каникул. А потому около тридцати миллионов трудоспособных подростков никоим образом в общественном производстве не участвуют, разве что летом, в отрядах труда и отдыха.

Главная редакция молодежных программ Центрального телевидения предложила объединению провести эксперимент по привлечению учащейся молодежи для работы на предприятиях «Зари». Старшеклассники из 23-й школы Октябрьского района столицы стали ее добровольными участниками и на два дня были зачислены в штат «Зари». Отделение Госбанка выдало фирме в порядке исключения резервную сумму денег. В нарушение всех норм (на то и эксперимент) приняли условия о моментальном расчете с исполнителями. Страсти разгорелись по поводу самого главного: какие именно виды услуг будут выполнять ребята? Горячие головы требовали доверить подросткам ухаживать за малышами. Чем, собственно, шестнадцатилетний подросток хуже взрослого? «Не хуже, — возражали профессионалы, — но в отличие от взрослого его дееспособность юридически ограничена и ответственность за свои поступки он несет иную. Да и слишком дорогие здоровье и благополучие малышей, чтобы делять их объектом эксперимента».

В конце концов было решено поручить старшеклассникам покупать и разносить продукты и лекарства, оплачивать коммунальные платежи, убирать квартиры.

...Апрельским утром к месту работы с опозданием на сорок минут прибыло восемнадцать учащихся. Шли не торопясь, с хорошим настроением. У неко-

торых, правда, уже спустя пару часов улыбки с лица исчезли. Нужные продукты были не во всех магазинах, сумки оказались тяжелыми, время текло медленно. Ходили ребята парами, так веселей! К десяти вечера большинство заказов они все-таки выполнили. И следующий день особых восторгов фирме не принес. Опоздавших было не меньше. «И главное, что нас неприятно удивило», — вспоминает Санков, — это их полнейшая невозмутимость. «Ну, опоздали... Не на контрольную ведь...» Трудовая дисциплина оказалась для ребят более чем относительным понятием...

Все-таки не зря учат в школе. Еще вечером, дома, многие подсчитали, что за такую «не пыльную» работенку заплатят совершеннейшие копейки. За две бутылки кефира да булку родители рубль дают, да еще и счастливы, а здесь ходишь с одним заказом по трем магазинам два часа, и на тебе — семьдесят пять копеек! С уборкой квартир тем более накладка. Мыть места чужого общего пользования ребята наотрез отказались.

И все-таки, отбрасывая чрезмерную восторженность некоторых организаторов эксперимента, порожденную, как обычно в жизни и бывает, незнанием «предмета», руководство объединения решило: можно привлекать учащихся для выполнения подобного рода разовых услуг.

Ну, а как же с решением основных вопросов? Кто придет к малышам и престарелым? И насколько вообще нравственно насаждать этакое «тиму-

ровство за деньги»? Нет, наверное, города в нашей стране, где школьники не шефствовали бы над семьями погибших воинов, не помогали бы ветеранам. Достаточно вспомнить беззаботную работу отрядов красных следопытов, проводимую десятилетиями. Так почему бы не распространить эту бескорыстную помощь на всех одиноких пожилых людей? Задумаемся и над тем, у всех ли пенсионеров достаточно средств, чтобы оплатить услугу фирмы «Заря»? Старому человеку нужны не только морковь и тазепам, но и общение, связь с полноценной жизнью, участие и тепло. И есть, на мой взгляд, некая моральная нечистоплотность в том, что шестнадцатилетний комсомолец за деньги доставит старушке (пусть даже добросовестно и в срок) набор продуктов, поставит «галочку» и галопом помчится к другой старушке... Впрочем, вопрос спорный.

Основной резерв нянь для ухода за детьми и больными составляют, вероятно, все-таки специализированные студенческие бригады.

«Не только!» — говорят в объединении. Здесь считают возможным привлекать к кооперативной форме труда и молодых мам. Уже не раз сталкивались мы с вынужденной кооперацией нескольких женщин, сидящих по очереди со своими детьми (обычно понедельно) у кого-нибудь дома и, таким образом, «развязывая руки» остальным. Ну, а если предложить самостоятельным воспитательницам (чаще всего студенткам или молодым специалистам) официальную зарплату и стаж за

то же самое дело? Если расширить группу до четырех-пяти ребятишек?

Упремся в ряд вопросов: как разместить малышей в малогабаритных квартирах? Как кормить? Где спать? Но вопросы эти вполне разрешимы.

Еще один вариант. «Заря» берет на себя посреднические функции между теми, кто взывает о помощи со столбов и газетных объявлений, и теми (старушками пенсионерками), кто готов поработать няней. Почему бы не создать картотеку для желающих посидеть с детьми несколько часов, как уже было сказано, «бебиситингство» имеет богатый опыт во многих странах мира, и можно, не изобретая колеса, его использовать...

А еще можно открыть прогулочные, игровые группы, которые с радостью возглавили бы ушедшие на пенсию учителя, скучающие по ребятам и так много способные им дать.

Думать необходимо не только о формах, но и качестве работы исполнителей разовых поручений. Стремясь привлечь молодежь к профессии, поднять ее престижность, объединение проводит зональные и городские конкурсы на «лучшую няню». В этой специальности, как и в любой другой, есть «мастера» и «подмастерья».

Что же нужно, чтобы стать няней образцовой? — этот вопрос я задаю уже не в кабинете начальников, а шестерым «няням», сидя вместе с ними за уютным чайным столом в общежитии на Мытной. Все они театралки. Самая старшая, Галя Алтухович, очень изящная, хрупкая, танцует в хореографиче-

ском ансамбле, недавно окончила музыкальную школу. Она «ветеран движения», работает в объединении уже двенадцать лет. В прошлом году награждена орденом Дружбы народов. От Гали в восторге родители и дети. Говорят, что она прирожденный воспитатель, быстро смиряет и приручает отъявленных упрямцев и капризуль. Много читает малышам, рассказывает, никогда не повышает голоса. Мне все же легче представить Гали в зале консерватории, чем на детской площадке с лопatkой.

«Надо, чтобы, помимо чисто практических, нам давали на курсах в фирме специальные знания по дошкольной психологии, педагогике, социологии искусства, а не только по приготовлению кашки или салата,— убежденно говорит Галя. — Это повысило бы наш авторитет в глазах родителей, дало бы большие основания исправлять их ошибки».

Таня Конрад — прирожденный борец за справедливость. Отсюда и задорность, ироничность.

«Если бы вы слышали, как по-барски, пренебрежительно ведут себя некоторые клиенты, наши, кстати, сверстники. Знай, няня, свое место. Удовлетворения, по которому мы могли бы быстро делать закупки в магазинах, у нас нет. Очереди и дефицит — наши враги. Представьте, что я должна отоваривать на неделю старую женщину, которая сама из дома не выходит. Пенсия у нее 49 рублей. А человек прекрасный, и для меня просто вопрос принципа достать все, что она заказа-

ла.— Таня вынимает записную книжку и показывает длинноящий перечень.— Если бы прикрепляли нас к конкретному универсаму, можно было бы помочь в день не двум, а четырем пенсионерам. И домой добраться не на карачках...

«Главная беда — это низкая зарплата,— вступает в разговор очень злантная, подтянутая, реалистически мыслящая Ольга.— Если так материально твой труд оценивают, трудно поверить, что он социально значим. Будет хорошая привавка, и молодежь потягнется. Да и ограничения на работу по нашей специальности для людей с высшим образованием пора снять...»

Есть досадная горечь в их рассуждениях: профессия их не очень-то престижна. И в приличной компании не

всегда примут всерьез, если представишься: «исполнитель разовых поручений...» Но влюбленность в свою теперешнюю нелегкую и несуразную жизнь, а главное, в огромный удивительный город, так велика, что они готовы мириться с любыми трудностями...

Выходим на Мытную далеко за полночь. Метро закрыто. Так мы и не наповорились.

«Да все равно ведь все вы сгладите, причешете или в редакции начальники уберут»,— обижают меня напоследок.

Невероятно тиха старинная улица. Хочется бесконечно шагать по ней.

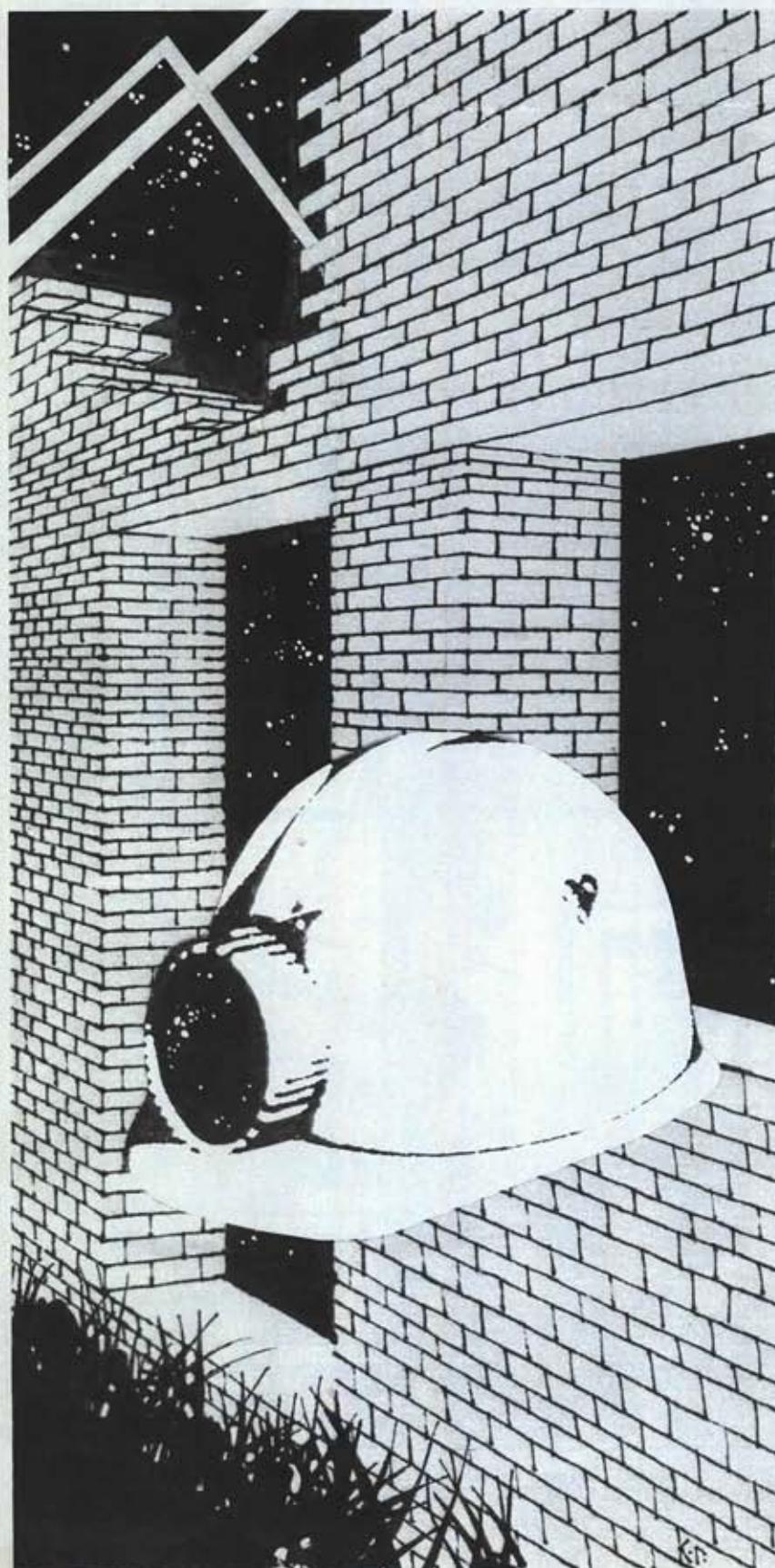
«Москвичом надо родиться, причем неизбательно в Москве»,— говорит Оля.

Не хочется расходиться, но завтра им рано на работу.

СЕГОДНЯ
В МНОГОМИЛЛИОННОЙ
МОСКВЕ
ЛИШЬ ДВЕСТИ ШЕСТЬДЕСЯТ
СЛУЖАЩИХ
ФИРМЫ «ЗАРЯ»
ВЫПОЛНЯЮТ ФУНКЦИИ
УХОДА ЗА РЕБЕНКОМ
НА ДОМУ,
ОКАЗЫВАЮТ ПОМОЩЬ
БОЛЬНЫМ И ПРЕСТАРЕЛЬНЫМ.
СВЕТЛАНА КУЗНЕЦОВА
И СВЕТЛАНА ШЛАУСТАС
В ЧИСЛЕ ЭТИХ ДОБРЫХ
И ЗАБОТЛИВЫХ ПОМОЩНИЦ.

Юрий РАГОЗИН

ЗАТИМЕНИЕ СОВЕСТИ

4 ва года на стене в этой маленькой комнате в черной рамке висит фотография темноволосого, худощавого парня с усами подковой...

Если б он был жив и если б я писал о нем очерк, то начал бы так.

Теплым сентябрьским утром Анатолий Плум стоял перед зеркалом и завязывал галстук. Тридцативхлетний почетный шахтер ССРС, впервые надевший форменный костюм с серебряными галунами, с удовольствием смотрел на свое отражение. Сегодня он приглашен в школу, в третий класс, где учится его сын Руслан, рассказать на уроке природоведения про уголь.

Почетный шахтер взглянул на часы — пора. В тесном коридорчике он вдруг остановился, шумно вздохнул.

— А знаешь... — повернулся к жене, замялся, что-то решая. — Накину-ка я сверху плащ!

Он улыбнулся, чмокнул жену в щеку, подмигнул ей, дескать, ничего, не переживай, чего раньше временно-то фасонить, в школе я плащ обязательно сниму, представлю во всем блеске, — и пулей, чтоб не слышать привычных поучений о ложной скромности, вылетел из дома.

Пройдет два года со дня гибели отца, и в День шахтера одиннадцатилетний Руслан задаст матери недетский вопрос, на который ей будет очень трудно ответить: «Почему в праздник горняков никто не вспомнил про папу и про нас?»

Шестого октября 1984 года Анатолий Плум с двумя своими товарищами спустился в лаву. Он собирался поработать ударно. Однако думать, что только накануне Дня Конституции он хотел поработать ударно, будет несправедливо: так он трудился каждый день. В 1981 году городская газета «Енакиевский рабочий» писала: «Этого молодого забойщика знает весь город, ежесменно он выполняет норму на 130—150 процентов. Встречая XXVI съезд КПСС, Анатолий Плум установил рекорд — за смену нарубил 168 тонн угля, что составляет 1867 процентов плана».

Одиннадцатую пятилетку он выполнил за два с половиной года.

Утром Алла увидела на холодильнике ключ от дома, оставленный мужем. Еще подумала: никогда не забывал, а сегодня забыл. Неприятное предчувствие кольнуло сердце, но она тут же отогнала худую мысль...

Та лава считалась очень сложной. Но кому, как не ему, лучшему забойщику шахты, могли поручить эту ответственную работу?

Он рубил уголь и не чувствовал усталости.

Ребята из его бригады рассказывали мне: он удивительно работал, уголь из-под его молотка струился рекой.

Горный мастер, заметив приближающуюся опасность — «лава плохо себя вела», — перекрыл воздух, подаваемый на отбойные молотки. Это было сигна-

лом подняться на поверхность. Вылез один Плум, в пылу выразил свое несогласие с мастером и попросил включить воздух. Воздух включили, Плум вернулся в забой.

Смена уже близилась к концу, когда неожиданно произошел выброс газа и угля в лаве. Троє шахтеров оказались заживо погребенными.

Алла ждала мужа с работы. Настроение было неважное. Включила телевизор. Толик уже должен был прийти. Она сняла трубку и набрала номер «лампового двора» (место, где шахтеры получают, а после смены сдают свои лампы).

— Номер 253 поднялся?

— Еще нет.

— Как?! Что случилось?!

— Просто задержка.

Но это была не просто задержка. На шахте уже знали об аварии, были отданы все необходимые распоряжения. Горноспасатели приступили к своей тяжелой и опасной работе. Хотелось на что-то надеяться, но все понимали, что надежд практически нет.

«Просто задержка». Ну, слава богу, подумала Алла, значит, скоро вернется. Прилегла. Чуть прислушивалась к тихим вечерним звукам. Вот под окнами остановилась машина. Наверное, кто-то подвез Толика до дома. Шаги в подъезде, на лестнице. Осторожный звонок. Ну, правильно, он же ключи забыл. Пошла открывать. Сейчас он сполна получит за свои задержки! Открыла дверь и, специально повернувшись спиной, не глядя, пошла было в комнату, как что-то вдруг заставило ее обернуться.

На пороге стояли две женщины и мужчина. Мгновенно все поняла. Закричала: «Погиб?..»

Ее стали успокаивать: еще ничего не известно, ведутся спасательные работы...

Сердце не хотело верить. Ведь и раньше случались аварии, и люди оставались живы. Не всегда, правда, но оставались же!. Ей бросили соломинку. На, хватайся за нее, держись до последнего. Конечно же, его откопают. Как же она могла подумать иначе!. Он живистый, он всегда говорил: «Со мной ничего не случится».

...Кажется, я тебя и сегодня не дождусь. Если вдруг придет без меня, — борщ в холодильнике, биточки в кастрюльке на печке, правда, не очень хорошие получились, там же ракушки. Я без вас сойду с ума. Не могу ни спать, ни есть, ни работать. И боюсь уйти из дома: жду вас каждую минуту».

...Вот и сегодня ты не пришла. Милая моя, я не знаю, что мне делать, как быть. Завтра, после работы, я зайду еще раз домой, а потом поеду к матери, больше ждать не могу. Родные мои, что сейчас вы делаете, хоть чуть-чуть думаете обо мне?.. Только ты не думай, что я подлизываюсь. Я тебя так люблю, так люблю... Все. Еду вас искать» (Это из записок Анатолия

Алле. Они иногда ссорились, и Алла на какое-то время уходила к матери.)

Пришли самые близкие подруги. «Если бы не они,—скажет она мне потом,—я бы не выжила». Нужно ехать на шахту, решила, быть там. Муж одной из подруг повез ее на своей машине. Иди не хватало сил, он вел ее под руку. В гулком вестибюле шахты кривым ножом врезалось в спину: «Не успели у мужа ноги остыть, а она уже с любовником под ручку расхаживает...» Повернулась. Уборщица злыми глазами смотрела ей вслед.

Семь дней горноспасатели искали заживо погребенных. Семь дней Алла сидела около телефона и ждала чуда. Телефон молчал. Семь дней она не дотрагивалась до пищи. Как же могла она есть, если он там голодный?..

Приехали родственники в черном. Зачем же в черном? Кто разрешил? Кто сказал, что он умер?

На исходе седьмого дня их нашли. И тогда внутри все оборвалось. Жить не хотелось. Без него.

Если бы он был жив и если бы я писал о нем очерк, то написал бы так.

Анатолий Плум — счастливый человек, у него красивая жена, хороший сын, любимая работа, в которой он первый. И есть у него мечта — построить свой дом.

В его малогабаритке тесно. Растет сын, а письменный стол поставить некуда. Шахта дает земельные участки и ссуды — строй!

Я видел этот дом. Он задуман большим и красивым — Плум ведь был строителем по специальности. Дом поднялся на два этажа, но в нем нет ни окон, ни дверей — пустые проемы, и смотрится он брошенным сиротой. Вскоре после аварии — еще не закончились спасательные работы — из дома исчез инструмент, кое-что из строительных материалов. Крышу перекрыт хозяин не успел, Алла наняла для этого плотников уже после смерти мужа. Ветер гуляет по комнатам, шелестит по стенам.

Разные люди живут вокруг этого дома. В основном шахтеры. На следующий же день после аварии один из них прибежал на участок, не скрывая радости: «Доигрался Плум со своими рекордами!..»

А ведь здоровался с ним за руку, улыбался при встречах. Но внутри себя постоянно колил раздражение: Плум был передовиком, его все любили, а он передовиком не был.

После гибели мужа Алла обратилась к руководству шахты с просьбой достроить дом. При этом обещала сразу же сдать свою квартиру, полагающуюся часть ссуды не брать, а ту, что брали, погасить, как и сказано в договоре, в течение пятнадцати лет.

Генеральный директор производственного объединения «Орджоникидзеуголь» О. С. Аносов в своем письме к ней от 5.12.1984 года был категоричен: «...ваше требование о строительстве дома силами шахты не основано на законе и не может быть выполнено».

В Министерстве угольной промышленности СССР отнеслись к этому вопросу иначе. Из Москвы ушло распоряжение: дом достроить силами шахты. Однако в Енакиеве не торопились.

Прошло немало месяцев, прежде чем Аллу наконец вызвали в объединение и сообщили, что дом достроят, коли уж того требует Москва, но предупредили, чтобы на хоромы особо не надеялась: штукатурка, побелка — и все, без фокусов.

Главного архитектора города Енакиеве не оказалось на месте, и мне предложили подождать в его кабинете.

Наконец в коридоре послышался звук приближающихся шагов. На пороге возник Виктор Павлович Северин — черные брови, пронзительный взгляд, волевая подбородок.

— Опять по письму вдовы Плума? Хм! Куда она только не писала! Ну, теперь, правда, есть решение — достроить дом силами шахты. Заканчива-

ется доработка проекта, сметы. Но жить-то она там не будет, нет, не будет. Продаст! Это же ясно — финансовое предприятие. Она же не работала. Да и образ жизни ведет... Райотделу бы заняться ею. Выселить к чертовой матери, а не то чтобы достраивать дом...

Думаю, при заработке мужа в семисот — восемьсот рублей и, как говорят, по его настоянию можно было и не работать, да и откуда такие сведения о ее личной жизни?

Так ведь весь город знает!

То, что «знает весь город», знал уже и я. Один из приятелей Плума рассказывал мне:

— Встречаю знакомого, тот: «Сыпал, вдова Толика вышла замуж?» Делаю вид, что в курсе: «Да она уж беременна». Вечером встречаю другого знакомого, а он: «Сыпал, вдова Плума родила! Только не знаю, кого».

Жаловались мне шахтеры из бригады, где работал Плум: в гости к ним из наших почти никто не ходил — жена Толика этого не любила. Действительно. Алла не любила, когда гости приходили с бутылкой. Было дело, даже выступала однажды всю честную компанию: зашла в дом, а там — дым коромыслом. Мягкосердечный Толик не умел отказывать — был момент в его жизни, когда, поддаваясь приятелям, начал заниматься с ними за бутылкой. Вот тут-то и восстал жена: никаких застолов!

Один из моих собеседников, чувствуя, что его аргументы относительно Аллинского гостеприимства не очень убедительны, выложил козырь:

— Да она вообще замуж вышла! Даже знаю, за кого! Но вы не записывайте, я потом от своих слов отрекусь!..

«На ваше заявление сообщаю... Согласовать строительство жилого дома по индивидуальному проекту не представляется возможным, так как жилая и полезная площади превышают нормативные». (Из письма Северина Алле Плум от 5 мая 1985 года.)

Да, когда после многочисленных отказов и долгих хождений Аллы по кабинетным мукам шахте наконец было дано указание дом достроить, воспротивилось управление главного архитектора города: застройщик отошел от типового проекта, жилая площадь больше нормы.

Не могу не упрекнуть управление главного архитектора в некоторой наивности, что ли. Да вот только не уверен до конца: чистой ли это воды наивность? Я не поленился и искал не один километр, осматривая частные владения жителей Енакиева, посмотрел, какие дома строят себе некоторые богатые шахтеры и скромные труженики прилавка. Хорошие дома, с размахом. И ничего, подобные вольности разрешены управлением главного архитектора...

Не знаю, как вышел бы из положения сам Плум, останься он жив. Но вот вдове его достроить дом в том виде, в котором он был начат, управление главного архитектора позволить не могло, точнее, отказывало оно шахте, ведь вдова просила шахту достроить. А шахта не испытывает желания помогать вдове и сыну своего лучшего забойщика. Не потому ли главный архитектор твердой рукой и начертал тогда: «Не положено»?

— Толик, а ты случайно не «донор»? — в шутку спросил однажды сосед по участку, тоже строивший себе дом.

— Нет, не «донор», — улыбнулся Плум, — и не был им никогда.

«Донорами» на шахте называют тех, кто, получая чужие деньги, часть отдает начальнику участка. А делается это так. За смену каждый забойщик должен нарубить определенную норму угля; вырубая уступ в лаве, имеющий заданные размеры, естественно, никто не вымеряет все до сантиметра, и там, где, скажем, нужно сделать метр, на самом деле может получиться и метр десять. В зачет же идет метр, а в сумме по участку набегает значительно больше. Начальник участка договари-

вается с кем-то из забойщиков и закрывает ему наряд, превышающий его реальную выработку; деньги потом делят.

Сосед Плума, конечно, пошутил насчет «донорства», но и он не переставал удивляться, как этого худощавого парня хватает на все. Ни свет ни заря прибегал он на свой строй участок. Глядь, уж и раствор замесил, кладку начал. Подойдет сосед: «Давай отдохнем, поговорим». «Давай», — соглашается тот, — садись, будем разговаривать. Только ты не обижайся, я буду потихоньку кирпичи класть». Посидит немного сосед, да и тоже за дело. «Очень он меня своей работоспособностью подстегивал. Утром иной раз так поспать охота, а неудобно: Толик уже на своем участке».

Прикончив последний замесик, Плум мчался на шахту, быстро обедал в столовой и — в лаву. Труд горняцкий тяжел, солона шахтерская норма. Плум же делал по полторы-две нормы. Поздно вечером возвращался домой, а утром — по холодку — уже вновь спешил на строительство дома.

Алле он не позволял появляться здесь. Ему доставляло удовольствие преподнести ей сюрприз, удивить сделанным. Сына порой приводил, и тот, счастливый, подавал отцу кирпичи.

Баловал он жену, это точно. Но ведь и баловал-то потому, что любил. Отдыхали они как-то на юге, все вокруг только и спрашивали: молодожены? А у молодоженов уже стаж был — десять лет семейной жизни.

Семнадцатилетней девочкой вышла Алла за него замуж, ничего не умела, да и когда было учиться — только из школы и из-под маминого крыльшка. Анатолию было двадцать два года, за плечами армия, строительный техникум, трудное детство — отец умер рано, мать тяжело болела, но до последнего дня работала. Училась в техникуме. Анатолий ночами работал в котельной, а деньги отсыпал сестре-студентке в Донецк.

В пустой квартире начинали жить молодожены. Две табуретки получили в подарок от соседей, напрокат взяли холодильник и телевизор. Родился сын, зарплаты строительного мастера хронически не хватало, и Анатолий пошел на шахту. На год-два, говорил. Потом втянулся. И полюбил горное дело, уже не мог без шахты. Десять лет пролетели незаметно.

Мне многие говорили: от Толика исходило поле доброты и энергии. Он не мог видеть, когда работали плохо. Взял в пару отставшего, от которого все отвернулись: пил парень. Привел домой, посадил за стол; тот, озираясь на цветной телевизор, мебель, ковры, качал головой: хорошо живете! И ты так можешь, сказал, ведь нам никто не помогал, здесь ничего не было, голые стены. Начали работать в паре, дело пошло. Подружились. Был праздник, их наградили: Анатолию — хрустальную вазу, напарнику — хрустальную конфетницу. Как загорелись глаза у парня, научившегося смотреть на мир по-другому! Пришел домой, сказал жене: «Я весь сервант хрустальным заставил, вот увидишь!» Жена, счастливая, плакала, пришла благодарить Толика.

Да, Плум не умел и не мог работать плохо. И дом хотел построить такой, чтоб лучше всех. И когда в редкие приезды на участок Алла ахала от восхищения, говорил: то ли еще будет!

В кабинете директора шахты «Красный Октябрь» Владимира Алексеевича Рубцова собирались его заместители, партгр, главный инженер. На столе лежит приготовленная папочка, в которой аккуратно сложены официальные письма и ответы на них по «делу» Плума.

Да, Анатолий был отличный парень, дисциплинированный, отлично работал, член парткома. Характеристика сверхположительная.

Что можем сказать о вдове? Кое-кто улыбается: много крови у нас попила, вела себя вызывающе.

Один из шахтеров мне потом пояс-

нил: если бы Алла не кипятилась, дескать, вы обязаны достроить дом и т. д., шахта в два счета сделала бы, для нее это пустяки. То же самое и в отношениях с городским начальством — помягче надо было, понижая кланяться, не переломилась бы.

Вот, оказывается, в чем дело. В амбициях. Я не был в кабинетах, когда Алла приходила туда со своим горем, не знаю, в какой форме велись беседы (ведь и то, что рассказал шахтер, — тоже с чьих-то слов), но прекрасно представляю себе, как могли на нее обидеться чиновники, привыкшие к тому, что даже законно полагающееся у них нужно выпрашивать.

Когда яшел на встречу с шахтерами из бригады, где работал Плум, надеялся услышать нечто другое, чем услышал.

Трое симпатичных парней слова худого не сказали о своем товарище. Замечательный был человек: Ему доверили тяжелые участки, работал он быстро, красиво, качественно, в коллективе его уважали. В разведку бы с ним пошли. Отношения у него были со всеми хороши.

Ну, а как вы считаете, могла бы шахта достроить ему дом? Без приказа сверху? Минутся. Хотелось мне услышать: могла бы, да и мы сами могли бы, если бы собрались, ведь наш же товарищ погиб, и, чего греха таить, на его месте мог оказаться любой из нас.

Но нет, не сказали мне этого хороших, честных, симпатичных ребята с шахты «Красный Октябрь».

Не сказал и сильный, большой человек Андрей Степанович Вовк, начальник участка. Мы все сделали, сказал он, что в наших силах. Памятник поставили, плиткой могилу обложили. (Не говорился, что памятник они лишь привезли и установили, купили его Алла.) И пенсию больше двухсот рублей назначили сыну, пятьдесят рублей — бабушке Анатолия. Вдова получила то ли четыре, то ли пять тысяч после его гибели. Решено погасить ей половину ссуды, взятой мужем...

Человек трудится под землей. Каждый день он спускается туда, чтобы добывать из недр и поднять на поверхность уголь, дающий людям свет и тепло. Работа его связана с риском. И чтобы работалось ему хорошо, а на душе было спокойно, он должен быть уверен, что, если с ним что-то случится, горноспасатели сделают все возможное и придут к нему на помощь. Не менее важно для него, а может быть, даже и более важно — он должен быть уверен в том, что, случись с ним несчастье, его семью не забудут, не бросят на произвол судьбы, помогут.

На шахте «Красный Октябрь», мне показалось, атмосфера несколько иная. Сделали «от и до», поставили «галочку» — и больше с нас не спрашивайте.

Кто упрекнет шахту, что она не забыла о семье погибшего? Только о такой ли заботе идет речь? Измерима ли в рублях жизнь человеческая? Да и в рублях ли оценивать внимание к человеку, заботу о нем? И почему ту самую заботу приходится порой вымаливать?

Неужели так коротка память людская, что взбодрить ее можно лишь с помощью высоких инстанций?

Как же так получилось, что свою нравственную глухоту, душевную скучность мы научились прикрывать щитом правил и инструкций?

Почему «обязанности по инструкции» отделяем от обязанностей души?

Перед моим отъездом из Енакиева Алла спросила меня:

— А может, и правда продать мне этот дом? Покупателей и без объявления хватает. Устала я. Самой достойной купи не осилить, а как это шахта будет делать и когда — еще неизвестно. Продала бы, — она вздохнула, — да вот держит только одно: дом этот — память о Толике. Для меня, для сына. Там ведь каждый кирпичик уложен его руками...

Владислав РОМАНОВ

ОЛЕНЬКА, СВЕТЛАЯ ДУША

Рассказ

натную дочери и взял с нее слово, что она обязательно выйдет замуж или хотя бы родит ребенка. Впрочем, советовали все, но никто не говорил, как это сделать. Написать объявление в газету? Светлая шатенка, тридцать один год, с лучистыми серыми глазами, обаятельная, переполненная добротой и нежностью, никогда не бывавшая замужем (уже подозрительно!) девушка (а это писать просто стыдно в ее-то годы!), готова составить счастье с человеком не старше сорока лет, без вредных привычек, доброго и отзывчивого, жилплощадью обеспечена. Так?.. Можно написать проще: «Если вы устали от одиночества и томительного холостяцкого житья, если истосковались по уюту, вкусным обедам и верному нежному другу, то давайте познакомимся...»

Время, которое называют лучшим лекарем, бывает жестоким и безжалостным. Прошел год, потом еще один. За это время у Ольги Ивановны случился легкий роман с женатым человеком, столь легкий, что дальше ухаживаний и робкого поцелуя дело не пошло, а он ей признался потом, что хотел вскружить голову, да пожалел. Да-да, пожалел, потому что глубоко ее уважает как человека и не хочет приносить ей лишних страданий. А были ли у нее «лишние страдания»?! У нее вообще никаких страданий по любовной части не было, так что она была бы просто благодарна ему за них, но эти мысли пробежали уже потом, скользнули насмешливо, ибо ухажер ей нравился, и она сама была готова броситься в зеленую пойму греха, да вот ее пожалели... Страшно как!..

Ей стукнуло тридцать три. Жизнь по-прежнему катилась легко, без натуги, но и без приключений.

Из близких подруг — Лидочка Долгова, она замужем за Костей, тренером по плаванию, да Наташка Прокушева. Последняя на год моложе Ольги, тоже не замужем, хотя замужем уже побывала да еще года два у нее тянулся роман с одним женатиком — инженером Боковым. Наташка работала в похоронном бюро, все могла достать, все обо всех знала и вообще всеми командовала.

— Тебе лучше, — вздыхала Ольга на своей чистенькой кухонке, чему Наташа зверски завидовала и говорила, что если бы у нее была такая уютная квартира, то она бы не только Бокова, но и Алену Делоне живо бы окрутила.

Наташка дымила, как паровоз, одну сигарету за другую, и у хозяйки кружилась голова, но разговор был такой животрепещущий, что о голове вспоминала в последнюю очередь.

— Да уж, любовь! — зло отмахивалась Наташа. — Забежит на два часа, как вор, и, язык высунув, на дверь смотрит!..

— Что поделаешь, если жена ревнивая... — ласково улыбалась Ольга.

— Пора завязывать, надоело! — решительно говорила Наташа, хотя Ольга чувствовала, что говорится это для нее и что роман будет тянуться до тех пор, пока сам Боков ее не бросит. Любовь — тайна...
В последний месяц произошли события, которые очень расстроили Ольгу. К ней стал приставать Костя. Он и раньше посматривал на нее плотоядно, шептал всякие липкие слова, приговаривая: «Ух ты, симптомчик пухленький, так бы и съел!» — а неделю назад заявил с шампанским и сразу же в коридоре полез целоваться. Ольга растерялась и пока соображала, как деликатнее остановить Костя, он проявил такую прыть, что она вынуждена была повысить голос, иначе бы вообще неизвестно, чем все кончилось.

Ольга опомнилась, заплакала, а Костя, этот циничный Костя, который, не стесняясь, рассказывал при ней всякие неприличные анекдоты и даже не выбирал выражения (нарочно, как казалось ей, рассказывал!), вдруг упал на колени и стал просить прощения. Он стоял на коленях до тех пор, пока она не улыбнулась и сама силой не подняла его.

Она долго ждала, когда он уйдет, а он не уходил и все время говорил о любви. Он был красивый, сильный, этот Костя, темноволосый, с голубыми глазами,

крупными чертами лица, полными розовыми губами, женщины так и липли к нему в его бассейне, и Лидочка места себе не находила. Извелась, похудела так, что превратилась в щепку, увяла, подурнела, вдруг пошли веснушки, коих до сих пор не было, лицо как бы порябело, глаза потухли, в них заискрился злобный огонек, и, конечно же, думала Ольга, Костя не мог не увидеть этого, оттого-то и начал погуливать. Но двое детей, куда от них денешься, а Лидка, понимая, что Костя никуда не уйдет, еще больше остервела, спешно сунула за спину, шарила в карманах, даже написала на работу, где смотрели на его шашни с пловчихой Бобровой сквозь пальцы. Гайки закрутили, Костя присмирел, но отношения в семье стали еще хуже.

Костя ушел, а Ольга проплакала весь вечер, не стала даже смотреть «Вечный зов», решив завтра в обед встретиться с Лидочкой и все ей рассказать, хотя Костя взял с нее слово, что она сохранит его приход втайне. Но как жить с такой ужасной мукой в душе, как смотреть в глаза Лидочки?!

Наташка не любила Лидочку, а Лидочка не жаловала Наташку, хотя все трое дружили со школы и по праздникам всегда собирались вместе.

— Я просто удивляюсь, как он с ней до сих пор живет? — приходя к Ольге и смоля одну сигарету за другую, из-за чего Ольга белила свою кухоньку два раза в год, сплетничала Наташка. — Ты посмотря на нее: кожа да кости! А как одевается?! Да она просто запустила себя! Это при таком-то мужике, при котором надо держать себя ой-ёй! А она вечно стоит, болеет — жутко! Я понимаю Костя! Еще бы, такой мужик да не нравился бабам! Да я бы, не моргнув, его увела!.. Если б, конечно, мы не дружили...

Ольга соглашалась с Наташкой, но в том-то и дело, что они дружили, а предать подругу, да еще в таком деле, — хуже нет! Даже Наташка рассказывала, как однажды Костя, перебрав на дне рождения, зажег ее в детской и «колобродил ручонками».

— Терпеть не могу пьяных! — вздыхала Наташка. — Хотя я его понимаю: при такой жене на подруг будешь бросаться!

Ольга неделю промучилась угрозами совести и, не выдержав, пошла к Долговым. Но на ее несчастье Лидочки дома не оказалось, а Костя опять, улучив момент, крепко обнял ее и поцеловал, зашептал о любви, и Ольга вся раскраснелась и ушла. Ну что делать, думала она, больше никогда не приходить, не звонить, разорвать отношения со старой подругой? Наташка, которую Ольга посвятила в свою беду, решительно сказала: Лидке говорить не стоит, только хуже будет! Да и как скажешь? Что Костя пристает?! Но он особенно и не пристает, робеет, два раза всего и поцеловал, ну, три, а так лишь говорит о любви, но говорит хорошо...

— Ну что ты тянешь, что тянешь?! — всегда говорила ей Наташка. — Полный институт мужиков! Да запусти туда меня, я бы живо нашла самого лучшего и на цепь семейную посадила! Что они хоть изучают?..

— Электромагнитные колебания... — вздыхала Ольга.

— Во! То, что надо! Значит, дома никаких тебе разговоров о работе! А у меня что?! Сегодня один вдовец предлагал руку и сердце. В соседней комнате жена в гробу лежит, я услуги оформляю, а он: вы замужем? Я говорю: нет, — Наташка закурила, — он замялся, оглядел меня, а я тут же все усекла, знаешь, взгляд профессиональный, сколько я стою со всем своим бараком, ну вот, он оглядел, пожевал губами, вздохнул и говорит...

Ольга сидела, замерев, широко раскрыв свои очаровательные серые глазки, порозовев, точно речь шла о ней, будто к ней так примерялись, а Наташка не торопилась, нагнетала напряжение.

— Ну, вот, вздохнул и говорит: я, конечно, понимаю, что я не самая лучшая партия для вас. А мужику семьдесят лет!..

— Обалдеть! — прошептала Ольга.

Сердце у нее забилось, один раз в ресторане к ней вот так же подошел красивый пожилой мужчина лет

— Тебе будет под пятьдесят, — вздохнула Оленька.

— В том-то и дело! — грустно сказала Наташка. — А так бы не задумываясь... — Наташка мечтательно улыбнулась. — Было бы восемнадцать.

— Ты что? — удивилась Оленька. — Разве можно?!

— Можно! — сердито сказала Наташка. — Что толку в том, что я прожила тридцать пять лет?! Ни молодости, ни квартиры, ни денег! Юбку приличную купить не могу! Э, да что говорить!

И снова потекли дни. Оленька их не замечала, она работала. В институте не дали квартиру талантливому физику Юртайкину. У него родился второй ребенок, а жил Юртайкин в комнате общежития и теперь, отчаявшись, подал заявление об уходе. «На стройку поиду», — сказал он. Оленька возмутилась, пошла к директору, накричала на него, заявив, что если директор не перестроится, то она как член профкома поставит вопрос о его соответствии. Директор струсил, выбросил из списков снабженца Тюкина, с которым он был в счастье, и включил Юртайкина. Об этом узнал весь институт, все ее поздравляли, желали найти хорошего мужа, а Юртайкин даже купил цветы и, покраснев, пошутил, что, если бы не двое детей, он бы бросил жену и влюбился в Оленьку, потому что такая женщина, как она, встречается раз в жизни и надо благода-

пятидесяти и говорит: а что, если нам завтра встретиться? Но Оленька тогда испугалась и, пообещав встретиться, конечно же, никуда не пошла...

— Ну вот, семьдесят лет, но крепкий еще такой, породистый!.. Ну вот, он и говорит: я для вас не самая лучшая партия, но у меня есть некоторые достоинства, которые тоже стоят немало. Мне осталось недолго жить, я это сознаю, и жалко отдавать такую квартиру в 54 метра государству, у вас ведь, насколько я знаю, комната в коммуналке, не так ли?.. Я обалдела! — Наташка выпучила глаза, да и у Оленьки от таких событий перехватило дух. — Я обалдела, но вида, естественно, не подаю. Да, говорю, а что?! А он: да нет, ничего. Просто ту комнату и эту квартиру можно обменять на пятикомнатную, а потом, не въезжая, снова на трехкомнатную, получив хорошие деньги за излишки, не так ли?.. Я молчу, а он продолжает. Впрочем, говорит, не в этом дело. Условия мои таковы: я после регистрации кладу на вашу сберегательную книжку пятнадцать тысяч. Машину у меня есть, я подарю ее тоже вам, кроме того, к свадьбе драгоценности жены на общую сумму двадцать пять тысяч также станут ваши. Что вы будете с ними делать, мне все равно. Что мне нужно?.. Хорошая, вкусная пища, забота, немножко тепла, нежности, и я сделаю завещание на вас, а там... Впрочем, не в этом дело. Он тут заулыбался и говорит: не думайте, что кандидатура на должность моей жены у меня нет. Их слишком много, я этого и боюсь. А вы мне нравитесь, да и, кроме того, я вижу, вы достойны большего. Поэтому я жду вашего решения сорок дней. Расплачиваясь, он мне дал лишнюю двадцатипятирублевку...

— Ты взяла? — прошептала Оленька.

— Да, а что? — удивилась Наташка.

— Это же взятка! — рубанула Оленька.

— Какая взятка? — не поняла Наташка. — Это обычай благодарности. Некоторые норовят вещи всунуть. Одна бабуся мне пыталась брюки своего старика всунуть. Говорит, сейчас все в брюках ходят, так возьми, милая, я-то все равно их не надену, а продаю сил нет идти!.. Он даже обнять меня попытался...

— Кто? — воскликнула Оленька.

— Ну, старик этот... Он такой еще крепкий...

— Обалдеть! — прошептала Оленька. — И что ты решила?..

— Ничего я не решила. — Наташка схватилась за сигареты, закурила. — Но он крепкий, паразит, лет пятнадцать, как пить дать, прятнет!

рить судьбу за такое счастье видеть ее хотя бы изредка... Словом, кто только не заходил к Оленьке и не говорил ей хороших слов, а завлаб Костюков, известный сердцеед, известил Ольгу Ивановну, что начинает ее соблазнять со вторника, так как во вторник зарплата. И он — всерьез — купил два билета в театр, но так как все это происходило на глазах ее подчиненных, то Ольга Ивановна сразу же отказалась и сурово заметила Костюкову, что всему есть предел, а подобным шуткам тем более, после чего Костюкова раскритиковали в местной газете. А Костюков был не женат, и Ольга Ивановна даже подумала: а вдруг она поступила неправильно и прошла мимо своего счастья? Но в самый разгар этих событий, когда Оленька хотела уж было извиниться перед Костюковым за то, что его раскритиковали в газете, ибо не она была причиной сатирических нападок на него, неожиданно позвонила Лидочка, которая куда-то пропала, и сказала, что зайдет. Оленька обрадовалась: она и думать забыла о Косте, его приставаниях, а как приятно поболтать вечерок со старой подругой. Оленька купила торт, любимый Лидочкин, «Прагу», и, встретив ее, бросилась на шею. Но Лидочка холодно поцеловала Оленьку в ответ, возвратила ей старую авоську, которую брала года три назад, и высыпала сигареты.

— Ты чего это? — удивилась Оленька.

— Да так, — отмахнулась Лидочка, насмешливо кривясь всем некрасивым длинным лицом. — Не от хорошей жизни, конечно...

— Ой, а у Наташки что? — принялась рассказывать Оленька, но Лидочка ее не слушала.

Вскипел чайник, Оленька налила крепкий, свежеваренный чай, продолжая живописать страшную историю про Наташку и разрезая торт, положила Лидочеке самый большой кусок, и Лидочка, слушая ее, принялась есть.

— Да что я все про Наташку, у тебя-то как? — спросила Оленька.

— Так... — Лидочка чуть не расплакалась.

— С Костей опять?..

Лидочка кивнула. Вытащила платок, высыпалась и снова принялась за торт.

— Давай, давай, выкладывай! — потребовала Оленька. — Мы найдем на него управу. Он что у тебя, опять с этой пловчихой сошелся? Как ее, я забыла...

— Борбова... — подсказала Лидочка.

— Во-во! Хочешь, я сама к ней схожу, поговорю?

— Да нет, он ни на кого не смотрит. — Лидочка снова достала платок.

— Пьет?.. — тихо спросила Оленька.

— Да нет... — Лидочка взяла еще кусок «Праги». — Ешь-ешь! — Олеся подлила ей чаю. — Может, руки распускает?..

— Да нет. Не пьет, не бьет, не изменяет...

— А что же тогда? — удивилась Олеся, тоже стала есть торт и запакала нос в креме. Лидочка улыбнулась. — Что с ним происходит?!

— Собрал вещи и сказал, что жить не может без тебя, хоть убей!..

Олеся подавилась тортом и побежала в ванную. Возвратилась она минут через десять, бледная, потрясенная новостью.

— Он же к тебе приходил, на колени вставал... С шампанским... — Лидочка снова заплакала. — Приходил ведь? — спросила Лидочка.

— П-п-приходил, — краснея, точно ее уличили во лжи, проговорила Олеся.

— Ну, вот... — Лидочка замолчала.

Несколько минут они обе молчали. Олеся смотрела в окно, шел мелкий дождик, и сторож гаража подметал двор.

— Вещи свои собрал, сидит в маленькой комнате и ждет... — проговорила Лидочка. — Не ест...

— Чего ждет? — не поняла Олеся.

— Ждет, когда ты позовешь, — вздохнула Лидочка.

— А я не позову! — вдруг возмутилась Олеся. — С чего это он взял?!

— Он же приходил с шампанским, вставал на колени, — пожала плечами Лидочка.

— Ну и что? Ну и что?! — ответила Олеся. — Мало ли кто ко мне приходит и встает на колени! Это безобразие! Хамство какое-то! Да что он вбил себе в голову?!

— Он говорит, что приставал к тебе и целовал... Даже у меня в доме, когда ты приходила... — Губы у Лидочки задрожали. — Это правда?..

Олеся, ошарашенная такими сведениями, даже не могла вымолвить слова в ответ. «Это ж надо! — вдруг со злостью подумала она, — так оклеветать меня перед подругой! Получается, что я нарочно приходила к нему домой, чтоб с ним целоваться?» Она чуть не заплакала от обиды.

— Это правда? — спросила Лидочка.

— Да... — заплакав, прошептала Олеся.

Заплакала и Лидочка.

— Но я приходила не для этого! — сквозь слезы говорила Олеся. — Я приходила... наоборот... чтобы все рассказать тебе, как случилось, когда он пришел ко мне с шампанским, но тебя не было, я хотела уйти, но он раздел меня...

— Как раздел? — вскрикнула Лидочка.

— Пальто снял и стал целовать! — Олеся завыла в голос.

— Ну, хватит! — вытерев слезы, сказала Лидочка. — В конечном счете не это главное...

— Как же не это? — всхлипывая, спрашивала Олеся.

— Вот именно не это! — Лидочка принялась за торт.

— А что же? — не поняла Олеся.

— Любит он тебя, — вздохнула Лидочка, доедая третий кусок «Праги».

— Хочешь, я с ним поговорю? — предложила Олеся.

— Нет, вот этого не надо! — сказала Лидочка. — Ты скажи мне, ты его правда не любишь?.. Ну, то есть, он тебе ни капельки не нравится?..

— Я его не люблю, конечно! — расширив в ужасе глаза, проговорила Олеся. — Я после этого видеть его не хочу! — закричала Олеся.

— Ну вот, хоть это хорошо, — сказала Лидочка и, подумав, взяла еще кусок торта.

— Ох, распустила ты его, Лидка! Ох, распустила! Ну, надо же, влюбился он! Мало дури в голове, что ли?! Отдубасить как следует скалкой по спине, и вся любовь из головы выпадет! — решительно заявила Олеся.

Лидочка, оторопев, удивленно смотрела на подругу.

— Ты чего это?.. — усмехнулась Лидочка. — Он действительно в тебя влюблен, сердцу не прикажешь... — Лидочка помочилась. — Он интересный, красивый еще мужчина, а я... Я ведь все понимаю... Даже бы не обиделась, если бы у вас... ну, если бы у вас все действительно серьезно было... — Лидочка заморгала красными глазами, отвернулась к окну. — Если, конечно, ты его не любишь, это меняет дело...

— Ох, Лидка, Лидка! — покачала головой Олеся. — С мужиками знаешь надо как? — И Олеся многозначительно потянула в воздухе кулаком. Она и в самом деле, казалось, знала, как надо держать мужиков, чтобы они по одной половине ходили.

Костя пришел на следующий день вечером торжественный, с цветами и шампанским. Олеся как раз занялась стиркой и не ждала никого. Она и дверь открыла лишь потому, что просила соседку Анну Григорьевну купить ей хлеба, если той вздумается пойти в магазин. Увидев Костя, Олеся о немедленно, а он, воспользовавшись этим, вошел в прихожую, сунул хозяйственными цветами, и она взяла их. Опомнилась, когда Костя уже сидел на кухне и открывал шампанское.

— Ну уж нет! — вскричала она, выхватила шампанское и унесла его в комнату. — Я не позволю в моей квартире пьяствовать! — решительно заявила она.

— Что с тобой? — удивился он. — Я же и пьянствовать не собирался... У меня день рождения сегодня...

— Как день рождения?.. — не поняла Олеся.

— Ты что, забыла, август же на дворе...

— А как же Лиза? — не поняла Олеся. — Она же была вчера у меня!..

— Я знаю, она мне рассказала... — Костя грустно улыбнулся. — Сказала, что ты меня не любишь... Не говори ничего, хорошо? Не надо! Я понимаю, это непорядочно с моей стороны бросать жену, двух детей, непорядочно влюбляться в близкую подругу жены, я не к тому, я хотел узнать, она что, рассказывала, как я приставал к тебе, целовал, да?!

— Да... — прошептала Олеся.

— Я так и знал! — вздохнул Костя. — Я рассказал ей это к тому, чтобы тебя обелить, рассказать, какой я подлец и какая ты удивительная, а она все, значит, наоборот... И еще я пришел сказать, что вовсе не с бухты-барахты влюбился, как говорит Лидия Евгеньевна, а влюбился в тебя, как только увидел. А увидел, как ты помнишь, уже на свадьбе. И сразу понял, что совершил ошибку. Но что было делать? Не вырывать же в окно, как этот, кого недавно по телевизору показывали, из Гоголя, что ли... Потом ребенок родился, потом второй. Я крутил напропалую с кем попало, старался забыть... — Костя выдохнул воздух, ослабил узел галстука. — Смешно, да? Что делать? Стоило мне только увидеть тебя, как я... ну, сам не свой, на стенку лез, чтобы тебе понравиться, ты вспомни, вспомни, только все без толку. Вот и стал приставать. Сил уже не было. Знал, что глупость делаю, а унять себя не могу. Даже к Наташе раз пристал, а она говорит: ну, приходи завтра днем. Я пришел, она дома... Стыдно. Не перед женой, перед тобой стыдно! Словно тебе изменил! Потом уж Наташа проходу не давала: приходи да приходи, а я не могу. Отстала, когда поняла... — Костя запнулся, взглянув на Олеся.

Она сидела с широко раскрытыми глазами, уставясь на него, точно и впрямь узнала об измене любимого.

— Что с тобой? — удивился Костя.

— Это правда... о Наташке?..

Костя понял, что спорол глупость, открыв ей эту связь, и молчал.

— Да не было ничего, это я так, наговариваю на себя... — вздохнул он.

— Чай хочешь? — спросила она.

— Нет... давай шампанского выпьем, а?..

Олеся подумала и отрицательно покачала головой.

— Я быстро пьянею и становлюсь глупой, да и тебе не нужно пить... Ты же тренер. А тренеры не пьют! — Олеся не выдержала и заплакала. — Уходи, пожалуйста, Костя, — сквозь слезы проговорила Олеся. — Я очень прошу тебя, уходи, пожалуйста, мне очень плохо, ты же видишь! — Она закрыла лицо руками, встала, ушла в ванную. А он сидел, моргал глазами. Потом поднялся и тоже ушел, крикнув на прощание, что любит и живет без нее не будет. Олеся сидела, запершись в ванной, и плакала. Ей нравился Костя, но разве можно построить счастье на несчастье другого, тем более близкой подруги, нет, все это ужасно, ужасно, и она, Олеся, никогда на это не пойдет.

Перед сном, уже успокоившись, она долго стояла перед большим зеркалом, внимательно разглядывая себя в сумраке, и вспомнила словечко Кости «симптомончик пухленький», как он всегда ее называл. Боже, ей скоро уже тридцать четыре, и надо как можно быстрей самой влюбиться, броситься с головой в зеленый омут греха. В кого только влюбиться-то?

Прошло еще полгода. Костя вернулся к Лидочке. Лидочка, встретив Олеся на улице, попросила ее пока не приходить к нему, чтобы Костя успокоился и больше не думал о ней. Олеся пообещала Лидочке не бывать у них, хоть и обиделась. Наташа неожиданно дала согласие своему вдовцу, долго переживала по этому поводу, но в последний миг перед свадьбой вдруг раздумала и сбежала. Выгнала своего Бокова и теперь почти каждый вечер пропадала у Олеся, закуривая ее виски. Время шло. Олеся стукнула тридцать пять, отмечали они вдвоем с Наташкой, и весь вечер Олеся пропрела.

— Слушай, — не выдержав ее рева, смоля одну сигарету за другой на чистенькой Олесяниной кухоньке, сказала Наташа, — давай ухажеров заведем?

— Как это? — прервав слезы, спросила Олеся.

— Обыкновенно, — сказала Наташа.

Когда ей приходили в голову какие-нибудь сногшибательные идеи, она щурила свои нахально-зеленые глаза и поджимала и без того тонкие губы.

— Делаем просто: берем четыре билета на какой-нибудь потрясный фильм, — загорелась Наташа. — выбираем двух мальчиков получше и предлагаем им билеты!

— Ну и что? — не поняла Олеся.

— Что «что»? — удивилась Наташа. — Они идут с нами, садятся рядом, а дальше уж дело техники!

— Какой техники? — порозовев, спросила Олеся.

— Ну, познакомиться, подружиться, пригласить к себе на чашку или рюмку чая...

— А дальше?... — затаив дыхание и побледнев, прошептала Олеся.

— Ну что ты глупые вопросы задаешь? Сама не понимаешь?!

— Нет! — потрясла головой Олеся.

— Видишь ли... — Наташа схватила сигарету. — Я пришла к окончательному выводу: хватит гоняться за мужем, надо побыстрей рожать ребенка! Пока не поздно! Иначе через два-три года и этого может не быть...

— А как же... — хрипло проговорила Олеся.

— Ты что, не понимаешь, что если сейчас, сегодня, завтра не родишь, то уже не родишь никогда! Ты это понимаешь?! — вдруг сорвавшись точно с цепи, закричала Наташа. — У тебя мозги-то есть или вместо них пластилин?! Да плевать на этих мужей! Стирай, корми, ублажай, пошли к черту эти кобели, которые только и смотрят, как бы где малинки отведать! Нет! Хватит! Я рожаю!

— От кого?! — выкрикнула Олеся.

— Выбери себе хорошенка, крепкого мальчика, красивенького, приглашу на ночь, а дальше уж дело техники...

Олеся молчала, потрясенная.

— Но ведь мы их совсем не знаем... — тихо сказала она.

— Вот и хорошо! — ответила Наташа. — Меньше претензий!

— Но ведь они отцы наших детей... — пролепетала Олеся.

Наташа посмотрела на нее и, не выдержав, расхохоталась.

— Кто отцы?! — хохотала она. — Во-первых, надо еще родить, а во-вторых, чем меньше они будут знать о нас, тем лучше, тем меньше претензий в страсти!..

— А что мы скажем потом детям? — всерьез, не понимая причин Наташевого смеха, спросила Олеся.

— Скажем, что отец герой, погиб на боевом посту, спасая старое судно на экваторе!

— А фотография?!

— Время не оставил ни одной его фотографии! — парировала Наташа.

— А его родители?! — не отставала Олеся.

— Родители, увы!... Вечная память! никаких следов, а отец — герой! Ну что? Или другой вариант: отец — подлец, бросил нас маленьких, лучше о нем не вспоминать!..

Олеся, наступившись, молчала.

— Тебе ребенок нужен или муж?! — в упор спросила Наташа. — Мне лично — ребенок! И хватит об этом! Если так рассуждать, то лучше взять сироту из детского дома. А я хочу своего ребенка! Докатились уж! Дотянули до старческого возраста! Хватит! — неизвестно кому кричала Наташа, потом стихла, всплакнула. — Хоть что-то от жизни останется...

Олеся стала ее утешать и с ней полностью согласилась: действительно, хватит, надо рожать, в субботу и подыщем этих подлецов. Наташа ушла. Ночью Олеся проснулась в страшном волнении, вспомнив, что согласилась на Наташеву авантюру. Ей вдруг стало так стыдно, что у нее даже поднялась температура. Она приняла аспирин, дав себе слово, что завтра, не медля, откажется от подобных глупостей. Да и как она может: член профкома, которая сама осуждает на работе вот таких, подобных ей, лаборанточек, которые вступают во внебрачные связи с замужними электромагнитчиками, то есть с женатыми физиками, и уводят из семей честных и порядочных производственников! Как тебе-то, Ольга Иванна, скажут ей члены парткома, самой-то было нестыдно пускаться в столь тяжкий грех, который несовместим со званием коммуниста! А?! Или на работе проповедуют одно, а дома другое? Двуличие, так сказать, развели?! Директор Колыхалов с розовыми, как у поросенка ушами, нальется праведным гневом, и, вспомнив историю с квартирами, уж всплашет на ее моральном облике!..

— Какой пример вы подаете беспартийным женщинам, кто, подобно вам, не успел еще выйти замуж?! Это только представьте себе: все начнут вот так же, как вы?! Во что общество превратится?! А?! — кричал директор. — Или, вы считаете, необходимо распространять ваш опыт?!

Олеся не выдержала и заплакала...

Так она проснулась: плачущей навсегда.

В «Мечте» шел фильм «В джаз только девушки». Фильм был старый; еще с Эрлиин Монро и Джеком Леммоном, однако билеты Наташа достала по блату: директор «Мечты» две недели назад похоронил тещу. Как Олеся согласилась пойти, уму непостижимо. Наташа выдернула ее силком, закатив скандал.

— Если тебе это не нужно, пожалуйста! — кричала Наташа. — Сделай хотя бы для меня, если ты считаешься подругой! Хотя я считаю, что не надо быть дурой и ждать какого-то обретения! Надо быстрей рожать и на порог больше мужиков не пускать!..

Доводы о дружбе возымели действие, и Олеся согласилась.

Они пришли рано, за полчаса, и Наташа тотчас начала рыскать глазами по толпе. Безбилетников,

судя по тому, как часто спрашивали «лишний билет», было немало, но Наташка тут же сказала:

— Не суетись! Главное — не продешевить и найти что-нибудь стоящее!

Она подробно, не спеша, обсуждала будущих претендентов на места рядом с ними.

— Вот, парочка неплохая! — увидев что-нибудь приличное, зажигалась Наташка. На этот раз ей понравились двое молодых парней, которым по виду не было двадцати. Один из них, толстый, в очках походил на интеллектуала, он непрерывно курил и затравленно оглядывался, второй, с открытым ртом и довольной ухмылкой, увидев Ольеньку и Наташку, стал тыкать приятеля в бок и показывать на них.

— Толстый на Филиппа Нуаре похож, — сказала Наташка.

— На кого? — не поняла Ольенька.

— На Филиппа Нуаре, французского актера! «Откройте, полиция!» видела, «Старое ружье»?.. Тебе худой нравится?

— Нет, — отрезала Ольенька.

Тут «Филипп Нуаре» стал прохаживаться рядом с ними, постrelив глазами на Ольеньку, и у Наташки пыл знакомиться постыл. Она нашла еще две пары, но эти не подошли после серьезных визуальных наблюдений.

— Слушай, давай по отдельности, а? — предложила Наташка. — Десять минут осталось! Одиночек больше..

— Я домой пойду, — проговорила Ольенька.

— Ты слово дала! — набросилась на нее Наташка.

— Я пойду домой! — решительно заявила Ольенька.

— Если ты уйдешь — мы поговоримся навсегда! — резко ответила ей Наташка.

У Ольеньки слезы выступили на глазах. Все существо ее, обожженное, оскорбленное, вознегодовало против неслыханного произвола; Ольенька любила Наташку, как любят родную сестру, крепко, беззаветно, и это грубое условие повергло ее в отчаяние.

— Ну, пойми же ты! — уже жалобным тоном зашептала ей Наташка. — Нам уже сейчас рожать опасно, может быть сильная токсикация, а через год-два вообще невозможно! А что делать без ребенка? Ну что, что?! Покончить с собой, да?!

Наташка уже наморщила нос, чтобы зареветь, но вдруг раздумала. К ним подошел высокий парень с красивым чистым лицом и развязной манерой держаться. Он, улыбаясь, осмотрел их, подмигнул Наташке, склонил виноватую рожицу Ольеньке и, достав из кармана железный рубль, подбросив и поймав его, таинственно спросил:

— Лишний билет только для меня, надеюсь? — И он снова подмигнул Наташке.

— Конечно! — вытачивая лишний билетик, смутившись, кивнула Наташка. Он взял билет, сунул Наташке рубль, легонько сжал ее руку.

— Вы очаровательны! — сказал он, однако, Ольеньке. — Черт возьми, это случается раз в столетие! — И ушел.

— Ален Делон! — прошептала Наташка.

— Ты забыла дать ему сдачу, — прошептала Ольенька, у которой от его слов замерло сердце.

— О чем ты можешь думать в такую минуту! — укоризненно сказала Наташка, все еще глядя вслед неизвестному. — Потрясно! — помолчав, вздохнула Наташка. — Он нас вычислил!

У Наташки всегда была потребность в комментариях. Ольенька же не могла выговорить ни слова. Она только чувствовала, как билось ее сердце, ибо это был тот, о ком она мечтала всю свою жизнь. Теперь он стоял в очереди за мороженым и, поглядывая на нее, хитровато улыбался, подмигивал, словно говоря: «Ошалела слегка, да?»

— Да... — прошептала Ольенька.

— Чего да-то? — не поняла Наташка. — Теперь, значит, тебе ищем?!

Ольенька молчала.

— Тебе какого, беленького или черненько-го? — рысая глазами, спросила Наташка. — Что молчишь-то?!

— Мне другого не надо, — тихо, но твердо сказала Ольенька.

— Та-ак... — Наташка даже задохнулась от таких слов подруги, но сдержалась, выступать не стала. Помолчала немного.

— Хорошо, — сказала она. — Держи билет, иди! Это рядом с ним! Для любимой подруги даже... — В голосе Наташки послышались слезы.

— Наташка, хочешь я вообще не пойду, — вдруг заговорила Ольенька. — Иди одна, а?.. Ну, хочешь?.. Если тебе он понравился... — Ольенька не договорила, чувствуя, как и у нее комок подкатывает к горлу.

— Счастье подруги для меня дороже своего, — выдохнула Наташка. — Иди! Ну?! — сурово проговорила она, запихивая Ольеньку билет. — Я что сказала?!

— Ты-то придишь? — жалобно спросила Ольенька.

— Я приду! — сказала Наташка и стала спускаться по ступенькам навстречу своей судьбе.

Наташка опоздала на киножурнал, притащив с собой верстку коломенскую в спортивном костюме, который, едва начался фильм, стал ржать, а потом хотели так, что ни Ольенька, ни Ален Делон, ни Наташка половину диалогов вообще не слышали. Под конец

фильма Ольенька уже ненавидела его и Наташку и вышла после сеанса с головной болью.

— Ну, что, девчушки? — продолжая ржать, прорычала верстка коломенская, ухватывая их за руки. — Рванем по рюмке чая и начнем тусовку? А? — И он снова смачно заржал, облизывая мокрые губы и показывая всем желтые прокуренные зубы.

Ольенька бросила на хама ненавидящий взгляд и, не сказав ни слова, пошла прочь, к остановке.

— Идиот! — выдавила Наташка и бросилась следом за подругой.

— Чево?.. — промычал вслед «тусовщик». — Тоже мне, мерилины! — И он так заржал, что у Ольеньки поползли по спине холодные мурашки.

Она не запомнила, как села в автобус, втиснувшись в толпу, и только когда отъехали, успокоилась и стала искать Наташку. Она обернулась, подняла голову и увидела его. Он стоял позади и грустно улыбался.

— Я еще в детстве смотрел этот фильм, — сказал он. — То есть в юности... Хорошо хоть сюжет знал, а вы, наверное, из-за этого кретина ничего и не поняли?..

Ольенька улыбнулась и кивнула.

— Ольенька, я здесь! — закричала с передней площадки Наташка. — Билеты взяла, три! На твоей выходим!..

Автобус ехал медленно, как нарочно, и она стояла, прижавшись к нему, он рассказывал ей сюжет, и когда дело доходило до любви в сюжете, он замедлял рассказ, делал паузы и смотрел на нее. У Ольеньки сердце выпрыгивало из груди, а тут еще его рука невольно коснулась ее, и она чуть не потеряла сознание.

— Выходим! — закричала Наташка, спасая ее от обморока.

Потом они втроем сидели у Ольеньки на ее чистенькой кухоньке, пили чай. Делона, оказалось, зовут Руслан, он служил пропорщиком здесь в части. Поговорив о кино и посмеявшись над «тусовщиком», стали рассказывать анекдоты. Руслан большой частью армейские, а потом даже несколько скользких, со всякими намеками, отчего Наташка смеялась громче всех. В двенадцатом часу Ольенька дала понять, что пора расходиться. Руслану уходить явно не хотелось и, улучив момент, когда Наташка убежала в ванную краситься, он шепнул Ольеньке: «Можно я вернусь?»

— Зачем?.. — не поняв, прошептала Ольенька.

— Ну как?.. — пожал плечами Руслан. — Продолжим разговор наедине...

— Завтра на работу, а в десять у меня совещание...

— Понял... Может, в субботу?..

— Не знаю...

— А телефончик есть?.. — спросил Руслан.

Ольенька, пугаясь, назвала номер рабочего телефона. Руслан подмигнул: позовним! Потом они ушли. А Ольенька до трех не могла заснуть. Она ревновала Руслана к Наташке, ругала себя за то, что не разрешила ему вернуться. Она несколько раз вспомнила весь разговор от начала до конца и поездку в автобусе, где он коснулся ее руки, и его шепот, и те места о любви в рассказе о сюжете фильма, и его многозначительные взгляды, точно эти слова о любви касались их двоих, а не героев фильма. И потом эта просьба: «Можно я вернусь?», и его глаза — добрые, ласковые, влюбленные... Да-да, влюбленные, она не ошиблась, она не ошиблась! Он любит ее, любит! Разве так не бывает, ведь она ждала столько времени, только его и никого другого, ведь должна же быть справедливость, а иначе что же, ни во что не верить... Нет, это он, единственный, тот, ради кого она столько лет была одна!

Она дождалась своего часа, своего счастья, своего возлюбленного, она знала, что дождется, она верила, и она дождалась!..

Наутро ее лихорадило, все валилось из рук и, придя на работу, она тотчас бросилась звонить Наташке, узнать, как они доехали, где расстались, она ни на минуту не сомневалась, что он проводил Наташку до дома и поехал к себе, она даже ничуть не ревновала его к Наташке, ведь он весь вечер смотрел только на нее, обращался только к ней, отчего Наташка позеленела от злости. Что делать, если он влюблен в нее, а она влюбилась в него, как только они увидели друг друга, точно они знали друг друга много лет... Наташки на работе не было. Ольенька звонила каждые полчаса, гневаясь на всех, кто отвлекал ее от мыслей о нем. Она не улыбалась. Накричала на Костюкова, отчитала Тюкина. Девочки из ее отдела терялись в догадках, не понимая причин такой внезапной перемены.

Ольенька звонила Наташке весь день, но то ее не было, то она отлучилась, то обедает, то ушла по клиентам. Ольенька издергалась, измучилась, извесьлась неизвестностью.

После работы она, не заезжая домой, поехала к Наташке, но не застала ее. Возвратившись к себе, выпила чаю, принялась стирать, но вместо стирального порошка насыпала в таз белил, которые хранились в ванной. Забросив стирку, снова поехала к Наташке, но соседка ответила, что приходила и ушла, что записку, которую Ольенька оставляла, Наташка прочла. Ольенька помчалась обратно, обнаружила в дверях

другую записку: «Была, хотела, но, увы!.. Наташка». Ольенька снова полетела к ней, ждала ее до одиннадцати, но, так и не дождавшись, уехала домой. «Она уехала к нему! Они вместе!» — теперь эти мысли клевали ее, как те мифические грибы, что клевали печень Прометея, о чем она читала в какой-то книжке. В третьем часу ей на ум вдруг пришла другая спасительная мысль: ведь он сам сказал «в субботу», значит, он позвонит накануне, в пятницу, и они встретятся в субботу.

В субботу. На мгновение Ольенька успокоилась. Он сам сказал: в субботу, значит, в субботу, боже, какая она глупая, с ума можно сойти! Надо же так поглупеть за какой-то вечер! А если она ждала этого вечера всю жизнь?.. Вот то-то и оно! В субботу. Он придет, и она будет его кормить ужином. Надо что-то придумать. А что? Можно съездить на рынок, купить мяса и запечь в духовке, в фольге, это очень вкусно. Сделать салаты. Нет, он сразу поймет, что она готовилась, это неподобно. Надо изобразить удивление: ох-ах, я и не думала, что вы приедете, чем же вас кормить?.. Вот, правда, у меня тут мясо есть в духовке запеченное, салатики... (Она даже засмеялась весело, по-детски, представив себе эту глупую сценку.) Нет, так тоже нельзя, он же позовет и скажет, что придет, поэтому ничего тут стыдного нет. Да, она любит его и не намерена скрывать, да, он единственный и неповторимый, отныне и на всю жизнь! Боже, какие сладкие слова, даже произносить их про себя одно удовольствие...

Она помедлила и произнесла вслух: «Я люблю тебя!..» Помолчала и снова вслух сказала: «Я люблю тебя!.. Я безумно люблю тебя и хочу принадлежать только тебе!.. Отныне и навсегда!..»

Ольенька всплынула, щеки запылали, но слух уже ожгли первые сладкие звуки, и она заговорила, начиная бессвязно, а потом гладко, красиво и сильно, вкладывая в эти слова весь жар сердца...

— Даже если нам не сужено будет прожить вместе всю жизнь и мы вдруг расстанемся по какой-нибудь причине, я все равно буду любить тебя, пока хватит сил и сердца, я буду любить за двоих, как и прежде, до этой встречи, любила за двоих, за весь мир и всех людей! Я очень старалась быть самой счастливой, ибо чувствовала, что рано или поздно мы встретимся... А ведь мы встретились, правда, милый?.. И только смерть разлучит нас...

В субботу. В субботу...

На следующий день она уже не звонила с утра Наташке, она снова всем улыбалась, точно вчерашний день был чистым недоразумением. Наташка позвонила сама перед обедом, они болтали о том о сем и, как бы между прочим, Наташка сообщила, что у нее все в порядке...

— Что в порядке?.. — не поняла Ольенька.

— Ну, что надо было, то и в порядке! — весело ответила Наташка.

— Я не пойму: что в порядке?.. — развеселилась Ольенька. — Со вдовцом, что ли?..

— Ты что, тупая?.. — обозлилась Наташка. — Для чего мы в кино ходили?!

— Да! — обрадовалась Ольенька. — Я тебя поздравляю! А с кем?

— Как с кем?.. — хмыкнула Наташка. — С Русланом, конечно! — Наташка усмехнулась, вздохнула. — Неизвестно, правда, получится ли что-нибудь... Мы в тот вечер же... Он до субботы холостяк, а субботу у него приезжает жена с ребенком из отпуска, он их к теще отправляется... Забавный парень!.. К тебе хочет завтра наведаться, так что не теряйся... Ты что молчишь-то?.. Але, Оля! Ты что, оглохла там?!

Ольенька еще слушала, потом механически положила трубку, разрыдалась. Сбежались подчиненные, она не могла успокоиться, ее била нервная дрожь. Вызвали «Скорую», и увезли ее в больницу, где она проводила почти месяц... Наташка забегала почти ежедневно, она так и не поняла, что случилось. Впрочем, и врачи разводили руками. Говорили, резко ослабление иммунной системы. Глубокая депрессия. Депрессивный невроз, явные признаки полной утраты интереса к действительности, безразличие. Пробовал вмешаться партком, дабы вызвать у нее этот интерес, установили дежурство, но Ольенька попросила врачей никого к ней не пускать.

Наконец ее выписали, и после очередного отпуска Ольенька вышла на работу.

Наташка родила девочку, назвав ее Ольенькой. Девочка оказалась веселой, постоянно улыбалась, и Наташка не могла на нее нарадоваться. Она и впрямь походила на взрослую Ольеньку.

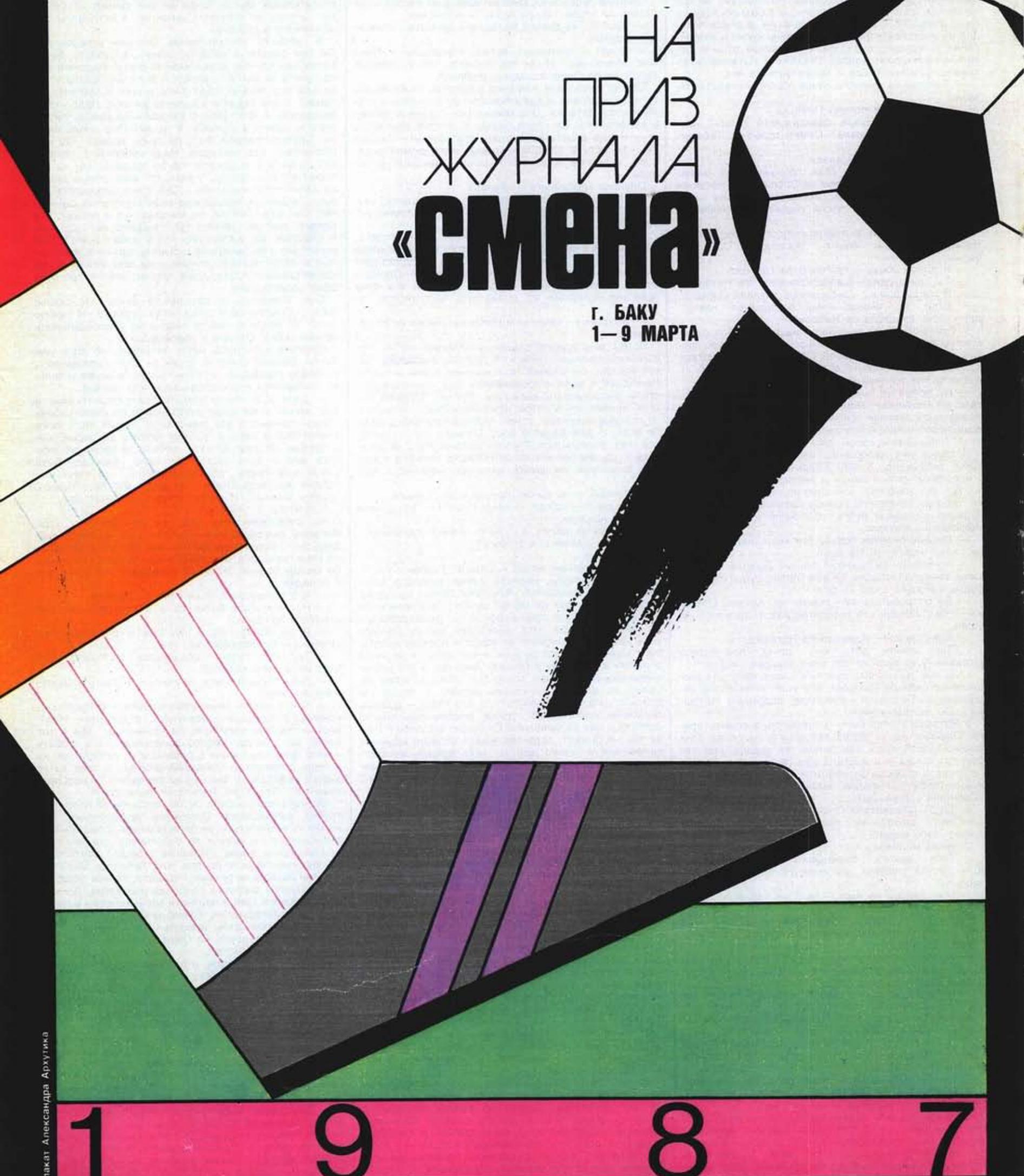
Изредка к Ольеньке-старшей забегает Наташка, рассказывает что-нибудь из жизни своего пропорщика, которого ругает и клянет почем зря, хоть и прогнать не может. А он этим пользуется. Ольенька-маленькая часто болеет, но растет, по-прежнему веселится и улыбается. Наташка все чаще приводит ее.

— Смотри-ка, на Делона похожа! — язвительно замечает Ольенька-старшая и первая смеется. Смеется и Наташка, стараясь угодить Ольеньке-старшей, которая теперь подолгу сидит с Олюсяй, а, может, и над собой. Кто знает...

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЮНОШЕ

на
приз
журнала
«Смена»

г. БАКУ
1—9 МАРТА

СКИЙ ФУТБОЛЬНЫЙ ТУРНИР

Футбол миру, как известно, в свое время подарили англичане. И мир сначала подарок этот с радостью принял, а потом вдруг со всех сторон начал посягать на казавшийся вроде неоспоримым приоритет британцев. Правда, никто не мешал графству Эдинбург гордиться тем, что именно в его летописи триста пятнадцать лет назад встретилось первое письменное упоминание о футболе, но ведь, скажем, в Китае в IV веке до нашей эры была известна игра под названием «Тсю-чин», пусть и весьма отдаленно, но на футбол похожая. И каждый из любителей поспорить горячо отстаивает свою точку зрения.

Едва ли можно встретить человека, хоть раз в жизни не ударишь ногой по мячу. Если такой и отыщется — значит, он вратарь, которому определено играть руками. И он играл, будьте уверены. Какие-то чудаки подсчитали, что каждую секунду над нашей планетой зависает почти полмиллиона мячей.

Вы представляете, сколько человек, задрав головы, ждут их призыва?

Играют в футбол на идеально подстриженном изумрудном газоне и кочковатом пыльном пустыре, под крышей величественного зимнего манежа и на заснеженном квадратном

официальных, включенных в календарь мировой или Европейской федерации, оказывается, не так уж и много.

Один из них в первый день весны стартует в Баку. Международный юношеский турнир сборных команд на приз журнала «Смена». Лучшие 16-летние футболисты семи европейских государств померятся силами на стадионах Азербайджана.

Юношеские международные, проходящие ранней весной на юге нашей страны, насчитывают уже полтора десятка лет своей истории. Знаете, кто за это время впервые горделиво примерил майки с белой надписью «СССР» на груди? Блохин, Буряк, Гуцаев, Газзаев, Бубнов, Шенгелия, Дараселия, Бессонов, Баль, Хидиятуллин, Родионов, Литовченко, Протасов, Добропольский! Практически каждая весна дарила нам открытия. Что-то принесет грядущая? Чем запомнится сменовский турнир?

Они незабываемы, игры в юности. Сегодня на счету заслуженного мастера спорта СССР Олега Блохина уже свыше семисот матчей, проведенных под флагом киевского «Динамо» и сборной страны. Во взрослом, естественно, футболе. И около трехсот забитых в них голов. Но навсегда, оказывается, врезаются в память далекие-далекие игры и не забываться в них мячи.

— Не поверите, пятнадцать лет уже прошло, а то обидное поражение

фото Евгения Миронского

ничей... И по окончании матча защитник соперников Владимир Юркевич, забивший тот самый золотоплечий гол в Ашхабаде, похлопав меня по плечу, сказал: «Не расстраивайся, Олег. Как знать, может, вы уступили будущим чемпионам Европы?.. И что же вы думаете — несколько месяцев спустя золотые медали были действительно вручены сборной ЧССР...

Но не только победами и поражениями, — продолжает Олег, — памятны мне матчи юности. Участвуя в них, я познал настоящую цену товариществу, взаимовыручке, чувству локтя на поле и за его пределами. Дружба, завязавшаяся у меня с тех пор со многими из моих первых партнеров и соперников, выдержав испытание временем, продолжается и поныне.

Сейчас, когда патронаж над международным весенним турниром взял журнал «Смена», уделяющий много внимания проблемам молодежи и юношества, участие в нем, не сом-

пятаке, выпотаптанном среди сугробов. Играют мастера, любители, профессионалы, ветераны... А начиналось все, конечно же, с детства.

Мальчишки одинаковы на всех континентах земли. Они ликуют или утирают слезы в нескончаемых своих баталиях. Но всегда, в каждой самой коротенькой игре найдется на поле тот, кто все делал чуть-чуть получше остальных. Бежал побыстрее, пасовал поточнее, был неожиданнее. Он лидер.

И идет, один из десяти, дальше остальных. Может, и не намного — попав поначалу в лучшие, он, вполне возможно, и не окажется тем одним на сотню, кто поднимется еще ступенькой выше. Но где-то все же сыграет и кому-то непременно запомнится.

Давно минуло то время, когда футбольная арена высшего уровня была безраздельно отдана взрослым. Как грибы после теплого летнего дождика, возникают в разных странах детские и юношеские турниры, как национальные, так и международные. Всех их уже и не перечесть. Но вот

от сборной Чехословакии в Ашхабаде помнится, словно проигравли вчера, — чуть грустновато улыбается Блохин своим воспоминаниям. — Надо же, всю игру на воротах соперника «висели», но мяч в них упорно не шел, а в конце игры «сработал» тот закон футбола, который на всех его уровнях справедлив: не забиваешь сам, забывают тебе. Со штрафного и пропустили. Отыграться уже не успели и расстроились, конечно же, страшно — эта неудача в первом же матче турнира закрыла нам дорогу в его финал. И даже то обстоятельство, что уступили мы будущим победителям соревнований, никако не скрасило горечи ребят.

Футбольная история имеет свойство повторяться. Через пять лет после этого огорчения пути нашей и чехословацкой команд пересеклись в четвертьфинале чемпионата Европы. Уже взрослого. Как мы с Леной Буряком, тоже с понурой головой покидавшим поле в Ашхабаде, были тогда настроены на реванш! Но после поражения в Чехословакии дома нам удалось добиться лишь

неваюсь, будет еще более почетным и памятным для ребят. Внимательно следить за турниром будем и мы, теперь ветераны. Смотреть и немногого завидовать своей смене...

— Участие журнала в организации юношеского соревнования, несомненно, еще выше поднимет его престиж, — считает один из лауреатов последнего весеннего розыгрыша, самый яркий новичок прошлогоднего первенства СССР, московский динамовец Игорь Добропольский. — Мне немало довелось поиграть в турнирах юниоров, и смело могу сказать, что игра, которую мы показывали — озорная, задорная, радостная — нравилась зрителям. Иначе не собирали бы наши матчи полные трибуны. И реклама была хорошая, и пресса нами интересовалась. Но только местная. Исключение составлял лишь зимний турнир «Недели». Но мы ведь под флагом сборной страны выступаем! И потому не только для жителей одного города такие игры должны быть праздником. Это во мне не обида за невнимание к своей команде говорит. Нам, молодым, порой так необходимо было услышать авторитетные отзывы о своей игре, узнать мнения специалистов. Пусть даже не всегда положительные. Крылья вырастают, когда твою игру замечают. Знаете, как приятно сознавать, что сотрудники и читатели популярного журнала — болельщики. Твои и команды. Словом, футбольные.

...Появляясь из загадочного тоннеля под трибунами, они чуть расслабленной трусцой бегут к центру поля. Еще совсем мальчишки. Кажется, если и есть в этой компании взрослый человек, то это — судья. Но мы, зрители, всегда приглядываемся к ним с надеждой. Чепкий взгляд болельщика способен безшибочно угадать в ком-то из них задатки мастера. Того, кто через годы с теплой грустью будет вспоминать об этих первых своих больших играх. Пока мы не знаем его имени, да и сам он ждет, когда придет его время.

Или уже пришло?

МАЯ ПЛИСЕЦКАЯ

народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда

ПРОЗА В ТАНЦЕ

Я родилась в семье артистов. Моя мать снималась в немом кино. Ее старшие брат и сестра были артистами драмы. Дядя Асаф Мессерер, народный артист СССР, многие годы был ведущим артистом балета Большого театра, а впоследствии стал известным педагогом, уроки которого и сегодня для меня и для многих других обязательны и неоценимы. Другой дядя, Владимир Плисецкий, погибший на фронте и посмертно награжденный Золотой Звездой Героя Советского Союза, учился в балетном училище. Он создатель эстрадно-циркового номера «Три Кастилио», который имел большой успех в конце тридцатых годов. Но отец мой — дипломат, а мне кажется, что дипломаты в чем-то тоже актеры.

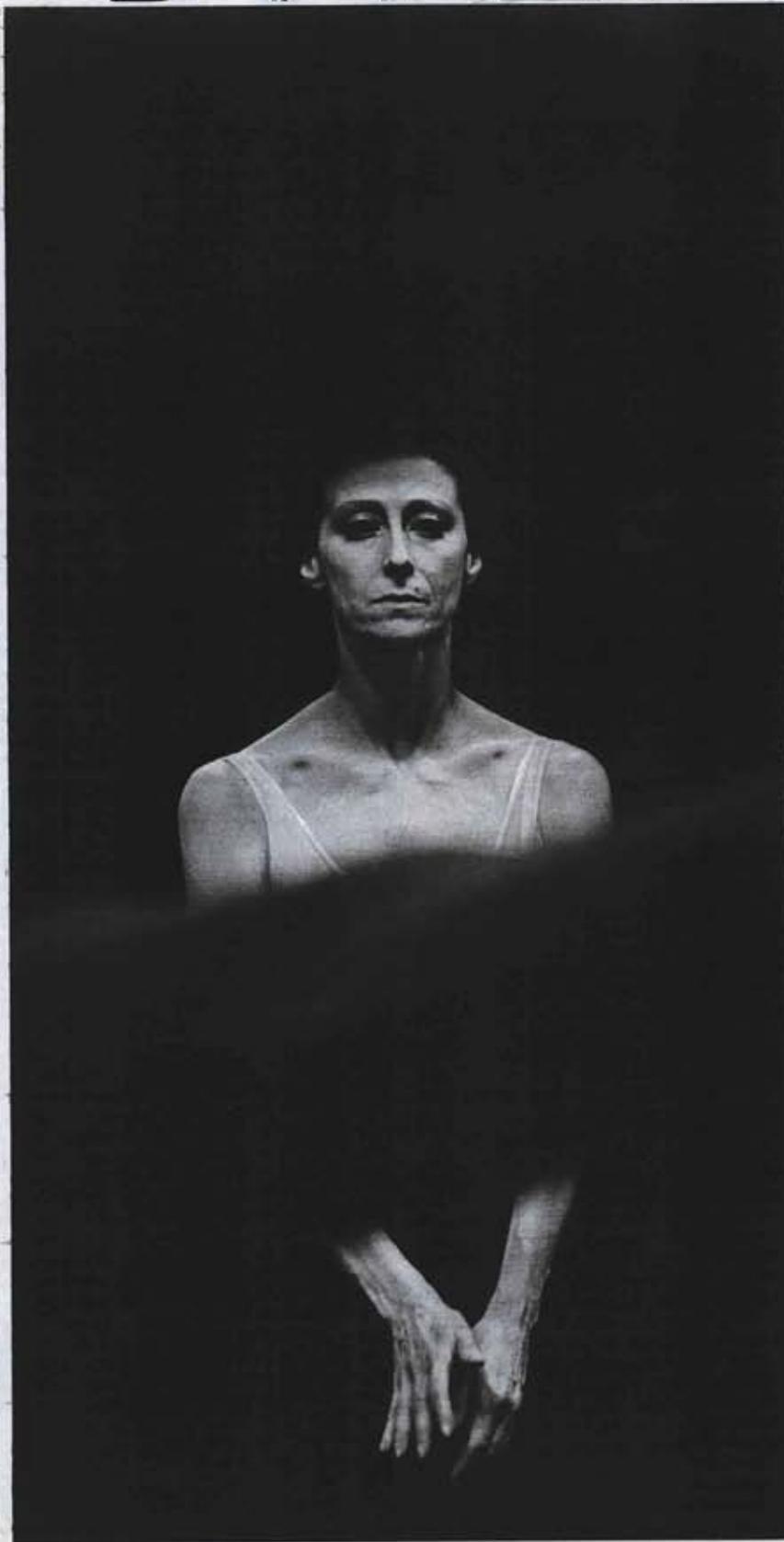
«Семейная хроника» гласит, что мое первое «выступление» состоялось в три с половиной года. Я как-то потерялась, гуляя. Нашла меня мама в конце бульвара, где под звуки льющейся из репродуктора музыки я импровизировала какой-то вальс, собрав довольно много публики. Но это не было проявлением призыва, как можно теперь подумать. Скорее детской непосредственностью.

В балетную школу меня привели, как многие родители приводят семи-восьмилетних детей (теперь, к сожалению, с десяти). Их именно приводят, а не они приходят, потому что дети в этом возрасте не понимают, что их отдают уже приобретать профессию. Здесь часто присутствует «родительский диктат», а не искреннее желание ребенка. Хотя сейчас дети более развиты благодаря телевидению и больше знают, чего хотят.

Как впоследствии мне сказала Елизавета Павловна Гердт, мой школьный педагог и известная в прошлом балерина, меня приняли не за мои данные, а потому, что я красиво сделала артистический реверанс.

Трудиться в школе я не очень любила. Самым счастливым моментом в моей жизни было, когда меня выгнали из класса. Дисциплина с ее узаконенными рамками, роль прилежной пай-девочки — не для меня, не для моего характера. Я всегда сопротивлялась чему-то установленному. Это чувство осталось во мне и сейчас сыграло определенную роль в моей творческой жизни. Не скажу, что всегда была права, но всегда задавалась вопросом: почему нужно сделать так, а не по-другому? И, к сожалению, часто мне не могли дать удовлетворяющий ответ. Желание сделать по-своему не строптивость, а скорее нежелание повторяться. Любой повтор, даже замечательных примеров, неинтересен.

В первый год моей работы в театре я занималась три месяца у замечательного педагога ленинградского

балета Агриппины Яковлевны Вагановой. Эти три месяца показали мне, что балет нечто совершенно иное, чем я думала. Я уже говорила, что трудиться не умела да и не очень хотела. Агриппина Яковлевна помогла мне понять, что труд в тренировочном процессе — тоже искусство и что он может быть в радость. Прекрасный миг в моей творческой судьбе! Прежде всего он заставил меня осознать то, что я делаю, понять, что многое зависит от меня, от моей работоспособности и что до многое должна доходить прежде всего своей головой. Ваганова понимала балет как никто другой. Она «гений понимания». Все, кто учился у нее, прошли академию танца. Она могла научить танцевать всех: и способных, и неспособных. Обучая балетной грамоте, одновременно сразу же учила танцевать. Ежедневный балетный тренинг превращался у нее в настоящее искусство. Чтобы преподавать, как Агриппина Яковлевна, надо иметь «дар божий». Она безусловно понимала, почему это надо сделать так, а не иначе, почему это правильно, а то — нет. И умела убедить своих учеников. Давала такие комбинации, что, если сделаешь неправильно, упадешь. У нее была не только ясная голова, но и то, что мы можем назвать «памятью тела». Умение научить нас чувствовать свое тело и было неоценимым качеством Агриппины Яковлевны Вагановой как педагога.

Почему я так много говорю о Вагановой? Да потому, что совсем немногие ведущие танцовщицы могут впоследствии стать педагогами и репетиторами. Преподавание — дар, и дар особый. Я считаю, что твое творчество, пусть и прекрасное, еще не дает тебе права быть учителем других. Мало передать, рассказать и даже показать. Надо иметь какое-то особое, специальное мышление. Ведь каждый ученик — прежде всего индивидуальность, и к каждому нужен свой подход. А Ваганова знала про балет все. Поэтому из ее класса выходили такие грамотные, выученные балерины и вместе с тем такие разные, непохожие друг на друга...

Счастливая, кратковременная встреча с Вагановой оставила у меня чувство какой-то «раздвоенности». Умом я понимала, что работать необходимо ежедневно, но... Темперамент, желание сделать быстрее как бы превалировали над разумом. Я не всегда хорошо была готова к премьере, окончательно «дозревала» где-то к десятому спектаклю. Я не любила выслушивать после первой премьеры оценки своего выступления. Вот и сейчас — смотрю хроникальные фильмы, сделанные на основе моих ранних выступлений, и огорчаюсь, что многое сделано не так. Но плёнки остались. В то же время в кино можно увидеть себя со стороны и учесть, что

было плохо, а что хорошо. Кино и телевидение не практиковали тогда студийной съемки. Так что как станцуешь спектакль, так и останется...

Станцуя, я каждый раз импровизирую, никогда не станцуя одинаково. Помнится такой случай. Однажды во время гастролей молодая танцовщица, стоя в кулисах, несколько вечеров подряд училась балет, который я танцевала. Кажется, «Кармен». Когда ее спросили, как продвигаются ее дела, она в сердцах ответила: «Попробуй выучи, если она станцует каждый раз по-другому».

Я не люблю танцевать одинаково. Это скучно. К тому же никогда не помню, как танцевала в прошлый раз. Например, «Умирающего лебедя» танцуя часто на «бис». Могу сказать, что «Лебедь» твердо у меня не поставлен. Безусловно, есть определенная хореографическая канва номера, но нет раз и навсегда зафиксированных поз и положений.

Дорога у меня и в жизни, и в творчестве никогда не была гладкой, как думают многие. Виноват во многом мой импульсивный характер. Я всегда говорю открыто о том, что мне нравится, а что — нет. Не пытаюсь слухами, имею свое мнение, даже если оно кажется некоторым неверным. Я по натуре максималистка. Говорят, Майя Плисецкая резка в своих суждениях. Но ни в каком случае не нападаю первой. Просто отвечаю громко, а не шепотом.

На сцене родного театра танцую мало: один-два спектакля в месяц. Этому есть, конечно, объективные объяснения: в Большом идут не только балетные, но и оперные спектакли. Вот и получается, что выходишь на сцену редко, и каждое выступление становится как бы премьерой. А ведь чем больше танцуешь, тем танцуешь легче. Нам просто необходима еще одна сценическая площадка. Такая, какой был в свое время наш филиал. Конечно, многие могут сказать: а сцена Кремлевского Дворца съездов? Эта великолепная площадка имеет свои специфические особенности, и не все балетные спектакли там хорошо смотрятся. Филиал, кроме того, стал бы еще и своеобразной творческой лабораторией, где можно было бы экспериментировать, создавать новые спектакли. Тогда снимутся многие вопросы репертуара, занятости солистов, роста молодежи. Меня тревожит, что у некоторых молодых вырабатываются какая-то «инерция»: я, мол, танцую профессионально, выполняю в театре все, что положено, вот и хорошо, вот и достаточно. А мы в свое время осваивали и другие площадки. Участие в концертах считали своим профессиональным долгом. Вечера балета, в которых участвовала молодежь, проходили, например, в зале имени Чайковского. Постоянно устраивались вечера в свободное время. Вспомним хотя бы вечера К. Голейзовского, подготовленные целиком силами молодежи. Они готовили новые партии, и часто спектакли шли исключительно молодежным составом.

Мне кажется, что такая «самодействительность» давала возможность для творческой деятельности, для того, чтобы проверить и развить свои способности. Конечно, я знаю, что существуют перспективные планы, и молодежь, так сказать, не брошена на произвол судьбы. Но все же должна существовать своеобразная обратная связь: мне не только дают, но я и сама предлагаю. Хочется, чтобы молодежь с первых шагов старалась выявить свое творческое «я».

«Лебединое озеро», «Раймонда», «Дон-Кихот» — это наша школа, и это необходимо в творчестве каждой балерины. И в моей жизни классические балеты всегда играли большую роль. И то, что я делаю сегодня, никак не противоречит моему прошлому, а, наоборот, классика является основой всего того, что я делаю сейчас.

Я вообще за то, чтобы делать очень разные, непохожие друг на друга спектакли, чтобы работали разные балетмейстеры со своим хореографическим почерком, со своим индивидуальным пониманием балета — искусства танца.

Теперь, наверное, уместно вспомнить «Кармен-сюите» — балет, ставший рубежом в моей творческой жизни. Такого спектакля я ждала. Долго мне пришлось пробивать стену отрицания этого балета. И только, когда я решилась вывезти его в Испанию, испанцы приняли балет восторженно. Успех стал для меня защитой от всех отрицающих, подтверждением моей правоты. Была поставлена точка в трудной судьбе балета. Почти семнадцать лет я ждала такого момента, но говорят: «Сильный тот, кто умеет ждать».

«Кармен-сюита» написана специально для меня, а это самое важное для танцовщицы. Но спектакля могло бы и не быть, если бы в мою жизнь не вошел человек, который не только стал автором музыкальной транскрипции этого балета, но и моим мужем. Я говорю о композиторе Родионе Щедрине. Мне кажется, что до него я творила в некоем вакууме, просто плыла по течению творческой жизни и, честно говоря, не очень задумывалась о том, что будет в будущем. И вот он смог организовать меня и как человека, и как актрису. Многим может показаться, что все довольно просто: Щедрин пишет музыку к балетам, а Плисецкая их исполняет. Далеко не так. Все сложнее, значительнее и выходит за рамки «автор — исполнитель». Наше духовное родство возникло благодаря тому, что Щедрин полностью понял мои творческие устремления, желание делать что-то совершенно новое, непохожее на то, что я делала раньше. Все то, о чем думала, мечтала, может быть, и не всегда осознанно, он сумел понять и реально воплотить в жизнь. Уж не говорю о том, что, написав музыку к «Кармен-сюите», «Анне Карениной», «Чайке», он продлил мою творческую жизнь, причем жизнь, наполненную глубоким содержанием. Наверное, со мной ему иногда бывает трудно — я человек не очень терпеливый. Вот японцы говорят: «Терпение — это сокровище на всю жизнь». Я, к сожалению, этим сокровищем не обладаю. Но ни словом, ни намеком он никогда не дал мне этого понятия.

Когда приступила к постановке «Анны Карениной», а потом к «Чайке», многие говорили: Толстой, Чехов и... балет, разве это возможно? Как их выразить в хореографии? Как найти их прозе адекватное выражение в танце? Ну, а почему в свое время по произведениям Пушкина, Бальзака, Шекспира можно было поставить балет, а Толстого и Чехова — нет? Ведь, наверное, все дело в том, как к этому подойти, как прочесть этих великих классиков. А они до удивления пластичны!

Замысел «Анны Карениной» возник у нас после того, как я снялась в фильме Александра Зархи, где играла роль Бетси. Нам показалось, что «Анна Каренина» на балетной сцене получит свое особое, интересное выражение.

Вновь и вновь перечитывая Толстого, поняла, что его текст может быть переведен на язык хореографии. Ну, вспомните хотя бы, как Толстой описывает свою Анну, ее походку, поворот шеи, головы, в чем была одета и какого цвета платье — это просто пластический рисунок роли.

Это был первый опыт воплощения Толстого на балетной сцене. И мне, и моим коллегам по постановке Н. Рыженко и В. Смирнову-Голованову пришлось много учиться, многое понять, чтобы найти верное хореографическое решение спектакля. Трудность состояла в том, что и массовые сцены, как, например, бал, скачки, и монологи героев нужно было решить в разном пластическом ключе, сохранить в балете присущий роману социальный момент. Показать не просто личную драму Анны, а и ее конфликт с обществом. И здесь нам на помощь пришла музыка Щедрина. В ней мы услышали то, что позволило нам расширить рамки балетного действия, пройти не только по пути внешнего пересказа, но и по пути раскрытия внутреннего содержания романа, где столкновение личного и общественного вступило в противоречие.

Тему рока, проходящую у Толстого

через весь роман и образно звучающую в музыке Щедрина, воплощает в балете стационарный мужик с его необычной пластикой и значимостью. Ни в одной драматической постановке он не фигурирует, а в балете очень выразителен.

С интересом прочла в газете «Правда» слова Т. Н. Хренникова: «Анна Каренина» — спектакль, развивающий лучшие традиции реалистического театра и новаторский по своей сути». А вот что сказал А. В. Свешников по поводу «Анны Карениной»: «...драма Анны решается обобщенно: это трагедия человека благородного в мире лжи и общественной несправедливости». И далее: «Для меня несомненно, что «Анна Каренина» — новое слово в искусстве балета».

А потом была «Чайка». Балет, который я делала одна как хореограф. Трудно пришло. Я ведь не профессиональный балетмейстер, а лишь профессиональная балерина. В то время твердо знала только одно — «Чайку» нужно решать какими-то новыми пластическими средствами. Понимала, что традиционные позы, арабески, кабриоли, набор всяких туров тут не подойдут. Чехов говорил: «Пусть на сцене все будет так же просто и так же сложно, как в жизни». Это и стало моей задачей, как подчас казалось, неразрешимой в балете. Но опять помогли музыка Щедрина и его либретто. Они диктовали ход постановки. Я поняла, что должна покзать в спектакле атмосферу настроения и чувств, ведь чувства можно выразить только пластикой.

Не все принесли «мою» «Чайку». Думаю, большую роль сыграла инерция мышления и вкуса. А вот чеховеды, такие, как З. Паперный, драматические актеры и режиссеры, среди них А. Эфрос и О. Ефремов, по несколько раз были на спектакле и признали его сразу. Очень приятно для меня, что Евгения Михайловна Чехова, внучата племянница Антона Павловича, позвонила после премьеры и сказала: «Майя, вы воссоздали дух моего детства».

Может быть, я поставила «Анну Каренину» и «Чайку» еще и потому, что со школьной скамьи мечтала стать драматической актрисой. Почему так, точно сказать не могу, но эта мечта до сих пор живет во мне как бы вторым планом. Уже в зрелом возрасте сыграла драматические роли: Бетси в фильме «Анна Каренина», певицу Дезере в «Чайковском». До сих пор убеждена, что балет и драма очень близки и взаимно дополняют друг друга. Результатом моей убежденности явился фильм «Фантазия» по повести И. С. Тургенева «Вечные воды» (режиссер А. Эфрос, балетмейстер В. Елизарьев). В истории нашего телевидения это первый такой опыт: пластика сливалась со словом или его предвосхищала и ему предшествовала, а иногда и заменяла. Всегда была уверена, что слово, наполненное большим эмоциональным смыслом, можно выразить движением. Хотела показать, что такой синтез имеет право на жизнь.

Да, так уж сложилась моя творческая судьба, что мне все время приходится что-нибудь доказывать, за что-то бороться. Мне ничего не дается легко. Вот так случилось и с фильмом «Фантазия». Обычный художественный строй картины вызвал много толков, подчас и отрицательных. Говорили, и это, пожалуй, самое мягкое из всего сказанного: «Ну, Плисецкая! Опять хочет кого-то удивить». А у меня была одна задача — доказать правомочность синтеза балета, кино и драмы. Теперь уже многие идут этой дорогой.

Хотя у меня на протяжении многих лет и выработалась своеобразный иммунитет к диаметрально противоположным точкам зрения на мою работу, все же иногда задевает за живое. Но я всегда знала: время — лучший судья. И действительно, когда «Фантазию» показывали по телевидению лет через пять после премьеры, интерес к ней сохранился тот же, а отрицательных мнений и писем не было. Покрывлю душой, если скажу, что мне безразлично, где, что и как говорят о моих работах. Как каждый спектакль для меня — как главный экзамен в жизни...

дывает мой труд. Правда, Пушкин сказал: «Ты сам свой высший суд!»

Так уж получилось в жизни, что все мои последние роли трагические: Кармен, Анна, Федра, Айседора, которую для меня поставил М. Бежар. Да и свою Чайку я отношу к этой категории. Казалось бы, определенная линия в моем творчестве, но нет, совсем не так. На мой взгляд, чаще всего роли рождаются случайно. Не натолкни меня Щедрин на мысль о «Чайке», наверное, никогда бы ее не станцевала. У меня никогда не было четкой, определенной программы. Исключение, пожалуй, только «Кармен», которую мечтала станцевать всю жизнь. А то, что мои персонажи в последнее время несут на себе печать гибели, — лишь простое стеченье обстоятельств. С удовольствием бы станцевала и роль комедийную, был бы только подходящий материал. Если вспомнить мои школьные и первые годы в театре, то замечательный балетмейстер Л. Якобсон ставил для меня номера, как он говорил, используя именно мои комедийные способности. В одном номере я изображала китайца, зал помирал с хохоту. Танцевала и очень смешной номер под названием «Ванька-Танька» и остроумный на музыку Чайковского «Два сатира и нимфа». Об этом номере, имевшем шумный успех, жена Голейзовского, наша балерина Вера Васильева, сказала: «Ты мне больше никогда в жизни так не нравилась».

В искусстве многое непредсказуемо: я и другие думали, что буду танцевать Марию, а станцевала Зарему.

А ведь вот как получилось со спектаклем «Лебединое озеро», балетом, который вошел надолго в мою творческую жизнь. Дали мне роль в нем лишь через шесть лет работы в театре, а станцевала более пятидесяти раз.

Я за то, чтобы пробовать себя в разных ролях, непохожих друг на друга. Подчас очень любят артистам приключиваться «творческие ярлыки», часто совершенно несостыдительные. Уверена, нельзя зажать себя определенными рамками амплуа. Да существует ли сегодня оно, это амплуа, в балете? Мне кажется, лишь талант определяет на сцене сущность актера и его возможности. Творить очень трудно, беспокойно, но иначе неинтересно жить. Люблю контрасты. Человек и его образ на сцене интересны мне своей противоречивостью.

Когда меня спрашивают о моем идеале в искусстве, как-то затрудняюсь ответить на вопрос. Но есть актеры, перед искусством которых я преклоняюсь, есть и те, которых я просто люблю.

Я гастролировала во многих странах мира. Гастроли, в частности, мне подарили встречи с такими хореографами, как Альберт Алонсо, Морис Бежар, Роллан Пети, Серж Лифарь, Джером Робинс. Поставленные для меня «Айседора», «Гибель розы» отвечали моему желанию работать с разными мастерами хореографической сцены, разных школ и направлений. Меня это художественно обогатило, показал новые грани в моем творчестве. С творчеством этих балетмейстеров я познакомила впоследствии и советских зрителей.

Когда меня спрашивают, волнуюсь ли я перед выходом на сцену, всегда говорю, что волнения бывают разные. Одно дело, когда дрожат руки и ноги, пересыхает в горле. Этого у меня не бывает. На сцене я себя чувствую лучше, чем в жизни. Но если скользкий пол сцены, неудобные балетные туфли, неровный, неудобный темп оркестра... Словом, волнуюсь, опасаясь неожиданности.

Существует и настоящее актерское, духовное волнение. Оно должно быть в любом творчестве. Это волнение художника, музыканта, артиста за конечный результат, за то, что ты хочешь сказать людям.

В течение многих лет выхожу на сцену и всегда волнуюсь, как в первый раз. Я должна почувствовать дыхание зала, его ответную реакцию, потому что каждый спектакль для меня — как главный экзамен в жизни...

Белла
АХМАДУЛИНА

ПОСЛЕСЛОВИЕ К АВТОБИОГРАФИИ **МАИИ ПЛИСЕЦКОЙ**

Та, в сумраке превысеннем витая,
кем нам приходится?

Она нисходит к нам.
Чужих стихий заманчивая тайна
не подлежит прозрачным именам.

Как назовем породу тех энергий,
чья доблестна и беззащитна стать?
Зрачок измучен непостижимой негой,
измучен, влажен и желает спать.

Жизнь, страсть — и смерть.

И грустно почему-то.
И прочных формул тщетно ищет ум.
Так облекает хрупкость перламутра
морской воды непостижимый шум.

Глаз влажен был, ум сухо верил
в дар Бога Вам — иначе чей
Ваш дар?

Вот старый черный веер
для овеянья чудных черт
лица и облика. Летали
сны о Тальони... но словам
здесь делать нечего... Вы стали —
смысл муки-музыки.

В честь Тайны
вот — веер-охранитель Вам.
Вы — изъявление Тайны. Мало
я знаю слов. Тот, кто прельстил
нас Вашим образом, о Майя,
за подвиг Ваш нас всех простил.

«Чем больше имя знаменито,
тем неразгаданней оно...» Это
строчка из моего стихотворе-
ния, посвященного Блоку.
Как можно соотнести этот ма-
ленький эпиграф с художественной
судьбою, которая сбылась с таким
совершенством?

Творческий удел Майи Плисецкой
есть чудо, дарованное нам. Человек
получил свой дар откуда-то свыше и
вернул его людям в целости и сохран-
ности и даже с большим преувеличе-
нием. Так что здесь нет ни одной
маленькой убыли, нет ни одного ма-
ленького изъяна. И, казалось бы,
Майя Михайловна не оставляет нам
никаких загадок. Она явила нам все,
что ей назначено. И все-таки я приме-
нила эту строчку к раздумью о ней.
Дело в том, что в исчерпывающей
очевидности этого сбывшегося не-
сравненного таланта всегда есть не-
которая захватывающая тайна. И
сколько бы я ни помышляла о Пли-
сецкой или сколько бы раз я ни
видела ее на сцене или просто ни
следила бы вблизи за бликами, кото-
рые озаряют ее лицо и осеняют весь
ее облик, всю ее повадку, всегда я
усматривала в этом захватывающий
сюжет, приглашающий нас к какому-то
дополнительному раздумью. Де-
ятельно, ореол этой тайны пригла-
шает нас смотреть в художественные,
человеческие действия Плисецкой с
тем же азартом, с каким мы можем
следить поведение огня или поведе-
ние воды или всякой стихии, чье
значение не вполне подлежит нашему
разумению.

И еще поражало меня, то есть, не-
сомненно, ничего не оставлено в тай-
не от нас, все предложено нашему
созерцанию. И все-таки это тот про-
стор, куда может углубиться наш дей-
ствующий ум, любопытство наших
нервов. Это огромный объем, остав-
ленный нам для раздумья и для силь-
ного умственного и нервного проник-
новения.

И еще меня поражает в ее художе-
ственном облике совпадение совер-
шенно надземной одухотворенности,
той эфемерности, которую мы всегда
невольно приписываем балету, с
сильной и мощно действующей стра-
стью. Пожалуй, во всяком случае, на
моей памяти, ни в ком так сильно не
совпада надземность парения, над-
земность существования с совер-
шенно явленной энергией трагического
переживания себя в пространстве. И
может быть, все вот это и останется
для нас непрерывным побуждением
мыслить.

Мне однажды довелось видеть...
Это было некоторое чудо. Я просто в
числе прочих ждала Майю Михайлов-
ну около консерватории. И она по-
дошла незаметно, и вдруг — был дож-
дливый день — и вот в дожде этого
дня вдруг отразился ее чудный мер-
цающий и как будто ускользающий
облик. И еще раз тогда я подумала,
что очевидность этой судьбы все-
таки оснащена прекрасной тайной,
вечной возможностью для нас гадать,
думать, наслаждаться и никогда не
предаться умственной лени и скуке.

Это не творческий портрет в полном смысле слова. И совсем не биографический очерк. Материалом для публикации стали наблюдения ее друзей и сотрудников, ее собственные мысли, высказанные в неопубликованной статье и в неувидевшем свет интервью, и зрительские письма...

Динара АСАНОВА. ...И можно без конца говорить об этом предмете, который я называю «природой человека». В нем еще столько загадок и «белых пятен» — об этом почему-то совершенно забыли! Только познав себя, человек может действительно принести пользу себе и всем окружающим людям. А я, общаясь с ребятами, замечаю, что они часто даже не задумываются, кто они и для чего родились на этот свет... Я глубоко убеждена — и с этим убеждением делаю все свои фильмы, — что нет истин разных для разного возраста: одних, к примеру, для школьного, других для юношеского и третьих для взрослого. Истины едины для всех, и нечего их преподносить в урезанном виде «детишкам» — «для лучшего усвоения».

Из писем к **Д. АСАНОВОЙ**. «Мне 17 лет, на будущий год в армии. Но сколько я себя помню, мне всегда в глаза говорили, что я очень трудный ребенок. Много сделал я плохого в жизни людям и никогда не думал об этом. И вот, увидев Ваш фильм, увидев таких же пацанов, как и я, я понял, что не надо быть таким. Впервые в жизни я подумал о бабушке, ведь она очень переживает за меня. Я многое понял, и хотя я еще стою на учете в милиции, я все, как говорили Ваши пацаны, «завязал». Я должен устроить свою жизнь...»

«Я редко когда плачу, а Ваш фильм принес в мою душу слезы. Мне 36 лет, работаю шофером, образование 7 классов. Жизнь доволен, когда есть такие люди, как Вы».

Валерий ПРИЕМЫХОВ, сценарист, актер. Динара была режиссером необыкновенным, редким для общего течения нашего кино. Клд ее творчества был чрезвычайно высок. Ведь молодежное кино у нас в общем-то не в чести. Престижнее снимать про любовь или про трудности производства: это ближе всем и понятнее. А между тем, чтобы заниматься молодежной проблематикой, требуются огромная работа души и точное знание момента. Молодежь меняется так быстро, почти неуловимо, материал этот так подвижен и динамичен, что его надо все время держать «на пульсе». Молодые режиссеры, которым, казалось бы, и карты в руки (ну кто же лучше знает молодых, чем сами молодые!), в основном следуют старым мастерам. Поэтому, как ни странно и ни печально, молодежное кино равняется у нас по «взрослому», по крепкому и испытанному, теряя при этом самое главное — непосредственность, честность. И вот молодой человек смотрит уже не кино, а «киношку», заранее зная все, что ему предложит экран.

К тому же сегодня понятие «молодежная тема» у нас заметно сужено, загнано в узкие возрастные рамки. Почему-то так сложилось: понимать это кино как что-то подслащенное, как набор расхожих клише. И только в последнее время происходит поворот — я имею в виду «Чучело», «Средь бела дня», «Пацаны» — фильмы, которые ставят проблему нового поколения шире, чем прежде. Тема молодежи стала входить в контекст сегодняшней жизни общества, и

ДИНАРА АСАНОВА

НЕ БУДЕМ расходиться

это вызвано объективными социальными и нравственными процессами. Из узко педагогической проблема становится общегосударственной.

Динара в этом смысле была художником очень неожиданным, самобытным и последовательным. Она нашла свою тему и разрабатывала ее с предельной глубиной. Термин «трудные подростки» появился позднее, теперь это уже штамп, и сегодня все проблемы молодежи стали почему-то проблемами «трудной» молодежи. А Динара не любила этого словосочетания: за ним как будто маячит успокоительная оговорка — это «кто-то кое-где у нас порой...». Говоря о «трудных», она говорила обо всех. И, рассматривая благополучную молодежь, как было, скажем, в фильме «Ключ без права передачи», она говорила: и «устроенные» ребята, любящие позицию, все равно трудны. Это очень верно, ведь молодежная тема, в сущности, вся едина. И Динара каждый раз с разных сторон исследовала этот материал как единное целое.

Динара АСАНОВА. Писем много. Проблем в них еще больше. Одни и те же вопросы: как, почему, откуда они появились, «трудные»?

Если просто и честно, то скажу: не знаю. Сама пытаюсь разобраться. Но одно я поняла: прежде чем решать откуда, надо разобраться в себе самих. Может быть, это мы, взрослые, придумали «трудных» от беспомощности? А разве есть легкие? Ребята приняли наше игру, спрятались за слово, как за ширму. Нет, о подростках надо говорить по-другому, серьезнее и принципиальнее. А у нас, к сожалению, часто встречаются этикеты: кто кого перетянет, кто кого перегрузит, кто кого обвинит — школа семью или семья школу.

Давайте разберемся: с чего все начинается — с семьи, с детского сада (мы почему-то всегда забываем про эту инстанцию), со школы? Возьмем дошкольный период — начало пробуждения человека. Мучительный поиск, неразрешимые вопросы, простые-непростые мысли. Как часто мы сами закрываем глаза ребенку, когда он просыпается, в тот трудный и счастливый период, когда он только-только начинает видеть и слышать, пробует осознать и даже сформулировать то, что зачастую тревожит и мучает нас самих! Мы часто не слышим их лепета, а ведь уже в лепете — свой смысл и свой поиск истины! Ребенок начинает фантазировать, а в ответ слышит раздраженное, оскорбляющее «Врешь!». Ребенок замолкает и употребляет немалые усилия, чтобы не выделяться, быть обычным, как все, а ведь «все» для него — это взрослые... Дальше — больше. К семье присоединяется школа, эстафета подхватывается, только там уже не один и не два, там их 30—40 человек в классе. И вроде все не забыты, но в то же время забыты, покинуты. «А у меня на всех временах не хватает» — вот наиболее распространено оправдание учителя. А еще свой дом, свой ребенок, свои заботы...

Из писем к Д. АСАНОВОЙ. «Я из «благополучной» семьи. Правда, из «однобокой благополучной». У меня нет отца (он пил, и мы с мамой ушли от него). Но моя мама — идеальный воспитатель. Она честно трудится, прекрасно ведет хозяйство, семейные дела, учит своим принципам, «доброму, вечному» и т. д. Правда, для меня ей вечно не хватает времени. Нет, я ее не виню, но обидно, что для общения со мной отводится... завтрак. С плотно набитым ртом я рассказываю маме все новости. Она кивает головой, слушая вполуха, а потом с чистой совестью уходит, считая, что свои обязанности выполнила. Вы не обращайте внимания на мой едкий тон, но меня выводят из себя, что многие родители считают: дети сыты, обуты, согреты, и слава богу. А что у них на душе — это дело брундовое, «муть» и «блажь». Лицо я никогда не могла говорить с мамой о книге, о фильме или просто о жизни, потому что боялась натолкнуться на усмешку или непонимание. Одиночество при живых родителях! Я искала общения везде, где только могла: в-классе, в секции и на улице. В

классе друзей не нашлось, из секции исключили за неперспективный рост. Осталась улица. И я пошла туда. Так я попала к «трудным»...

Я не могу выразить всю гамму чувств, вызванных «Пацанами». Но одно из них — зависть! Поймите меня правильно, я очень завидую ребятам, что у них есть Паша. Человек, всегда готовый помочь, потому что это его дом, дом Человека. У меня в жизни Паши не было. Друзей тоже. Сначала я надеялась, свято верила, что найду друга. Старая английская пословица гласит: «Если человек потерял деньги, он не потерял ничего. Если он потерял друзей, потерял половину. Если же он потерял надежду, он потерял все». Если честно, то надежда у меня еще где-то теплится. А помогли мне в этом Вы...»

Валерий ПРИЕМЫХОВ. У Динары были и «взрослые» фильмы — например, «Жена ушла» или «Беда» — но и тут точкой отсчета для нее были семья и судьба ребенка в этой семье. Так она расширяла молодежную тему. Ее социальная острота коренилась в том, что ее всегда интересовал человек во всем богатстве его отношений и связей с другими, с миром. Она ставила больные вопросы и не всегда отвечала на них. Ее за это ругали, от нее в письмах и в рецензиях требовали рецептов: что делать, как воспитывать. Но у нее это не было уходом от ответственности, просто такова была позиция художника, который ставит проблемы.

Нашим последним с Динарой фильмом «Милый, дорогой, любимый, единственный» мы не угодили многим. Тем, которые хотели непременно изобразить покор, найти виновника. Нам же важно было показать, а вернее предупредить: такой «герой» (или «героиня», как у нас) в жизни уже существует, он среди нас и представляет целую социальную группу в молодежной среде. Многие, распознав это явление, шарахаются от него, не думая о том, что хорошо бы его освоить: оно ведь само по себе не пройдет, и чем раньше искусство проникнет в этот феномен, тем лучше, тем полезнее. Не угодили мы и тем, кто хотел увидеть на экране исправление героини, ее обращение в истинную веру. Но ведь мы сознательно нарушили правила игры, отказались от общепринятого — пускай фильм получился неровным. У нас так редко в кино появляется «антигерой», что стоит ему появиться, как мы спешим поскорее его оправдать — средой, обстоятельствами и т. д., и т. п. Пропадает спрос с каждого, индивидуальная ответственность подменяется коллективной, а от этого разрушается личность!

Динара АСАНОВА. Если не видеть за деревьями леса и колдовать над содержанием картины, выискивая в нем конкретные способы борьбы с теми или иными явлениями, то у меня опускаются руки. Я-то пытаюсь в каждом случае на определенных характерах, ситуациях увлечь зрителей вещами, как мне кажется, более важными чем рецепты воспитания детей и подростков.

В письмах, которые я получаю, можно найти все: боль родителей и детскую боль, жалобы, обвинения и безжалостные приговоры себе. Все страдают, всем нужна помощь, и какую бы проблему ни затронули мои зрители, вывод один: мы стали жестокими и равнодушными, равнодушными и жестокими.

Из писем к Д. АСАНОВОЙ. «Вы подняли самый важный вопрос — это равнодушие. Именно из-за него происходит столько трагедий, преступлений. У равнодушия много граней: равнодушие, граничащее с трусостью, равнодушие, граничащее с подлостью, равнодушие, граничащее с безразличием...»

«И хочется крикнуть: «Люди! Остановитесь! Посмотрите вокруг себя, может быть, рядом с вами находится человек, которому необходима ваша помощь, ваше участие! Дайте ему руку!» Только тогда будет меньше горя и слез, чьих-то покалеченных душ...»

Динара АСАНОВА. Откуда же эта нравственная глупота и слепота? Когда и где закончилось воспитание духа растущего человека? Мы очень много времени тратим на разговоры по этому

поводу. По поводу, но мало по сути! Мы вообще забыли про рост душевного качества, а еще думаем про прогресс! Да, нынешние молодые свободнее и раскованнее нас, прежних, в своем мировоззрении и поведении, но у них зато пропало самое ценное — потребность внутреннего мира, потребность быть собой, думать, кто ты и зачем. Желание жить хорошо есть, а внутри — полная бездуховность. Природа человека в своем росте остановилась, этого предмета нет нигде: ни в школе, ни дома. Да и откуда ему взяться, если мы, взрослые, большей частью спим наяву, живя в тепле и уюте? Так кто виноват?

Мне кажется, случилось страшное — произошел разрыв в поколениях. После войны не было ничего, но было главное — сознание, сотоварищество людей, а дальше началось потребительство, главным стало накормить и одеть, а духовного воспитания никакого, просто ноль. Началось дикое соревнование, у кого чего больше. Разучились просто чай пить. Просто разговаривать со своими близкими и с детьми. Сперва мы выше своих детей: мы-то все знаем, а они ничего. А потом наоборот: дети все знают, а мы нет, это похоже на перелив из одного сосуда в другой, когда единения нет, химической реакции не происходит, третьего качества не получается. И отсюда — стена, разрыв. Восстанавливать же намного труднее, чем терять, ведь пропасть растет.

Вот пример: после картины «Пацаны» мне позвонили три девочки и попросили снять продолжение — «Девчата»: «про нас еще лучше будет». Кто вы, спрашиваю. «Мы из хороших семей, у нас все есть: и аппаратура, и дубленки, и джинсы, но мы... воруем. В школе мы ведем себя хорошо, чтобы на нас не падало никакой тени. А другая, параллельная, жизнь начинается на улице». Причем они замечательно знают наш кодекс, знают, до какого предела можно воровать почти безнаказанно. Я говорю: «А откуда такая злость, почему вы все назло делаете?» «А мы будем так до тех пор делать, пока взрослые не прекратят нам врать!» Вот что они мне ответили. И что я могла им сказать?..

Из писем к Д. АСАНОВОЙ. «Что заставляет их идти на преступление, быть, не думая, пить, не помня, что ты человек? Как же редко мы оглядываемся на себя!.. Порой слышишь разговор: что побудило этого мальчика ударить другого? Да ничего не побудило, ударил и не подумал, даже и не вспомнил потом ни разу — вот что самое страшное в наш такой хороший век. Мы почему-то перестали думать. Не знаю, я вроде и не трудный подросток, на учете в милиции не стояла, а спроси меня чисто почеловечески, что такое доброта, наверное, и не отвечу. Мне очень хочется понять что-то в себе, но ничего не получается. Откуда эта пустота?! Ведь вроде бы все хорошо... Почему рядом нет такого человека, которому можно было бы сказать: «Паша, прости!» И пусть бы не простили...»

Екатерина ВАСИЛЬЕВА, актриса. Надо признать: проблемы, которые ставила Динара в своих фильмах, неразрешимы до конца и честно. А я уверена: вопросы подрастающего поколения, смены поколений, воспитания — самые главные и самые непонятные вопросы. Я их не ставлю, потому что знаю: ответов на них мне не найти. А Динара брала на себя смелость и ответственность ставить эти вопросы. Но как, как их решать? Как воспитывать детей, как им прививать одно, когда видят они совсем другое, как избежать компромиссов, как снять вечную проблему «отцов и детей»?! Даже самые умные, тонко организованные натуры все равно пытаются подмять детей под себя, не понимая, что это совершенно другая духовная формация. И Динара, пытаясь разобраться в этом новом, непонятном поколении, подсознательно искала в нем чего-то родственного, близкого ей самой...

Валерий ПРИЕМЫХОВ. Да, Динара стремилась выразить свою тему с максимальной полнотой, связывая ее со своим опытом, со своей жизнью. Но она

никогда не делала свое отношение к проблеме предметом искусства, она пыталась быть объективной и говорить от имени молодых. Она умела видеть и слышать их, и в этом тоже была ее новизна и заслуга. Она умерла в 42 года, но всегда оставалась юной.

Следующей нашей работой должен был стать фильм о молодежных ансамблях. Мы ходили на концерты, и все этоказалось таким далеким от нас. Но вот однажды мы услышали с эстрады старый добрый свинг и увидели, как живо реагируют на эту музыку нашей молодости сегодняшние подростки. И мы поняли, что пресловутый разрыв между поколениями (который, конечно, есть, и очень большой) в каких-то точках не случился. Вот эти-то точки Динара особенно ценила. Она не делала скрипок на возраст, не снижала высокие нравственные критерии «до уровня подростков». Она требовала от них взросłość в отношении к своей судьбе и к своим проблемам. А подростки быстро раскусывали, где поза, а где заинтересованность, и последним дорожат.

Екатерина ВАСИЛЬЕВА. Я не знаю и, наверное, никогда не узнаю человека добрее, чем Динара. Она была абсолютно добры, тем нравственным абсолютом, к которому хотелось тянуться, тем духовным источником, от которого было просто необходимо питаться — казалось, что он неиссякаем и для того только и существует. И она отдавала свою душу, свое тепло, ничего не прося взамен, не выплескивая наружу своих забот, не перекладывая ни одной из своих проблем на чужие плечи. Это был какой-то духовный стоицизм врожденного интеллигентного человека, который просто не позволяет себе роскоши жить за счет кого-то другого. И, конечно, это было тяжело: жить милосердием, любовью, не показной, не выдуманной, не вымученной, а спонтанной органической и открытой. Она умела любить, это был самый большой ее дар — любовь.

Люди, с ней работавшие, буквально попадали в плен этой любви, в силовое поле, которое захватывало целиком. Особенно это относилось к ребятам, которых она снимала. Ведь большинство из них было из той беспокойной и противоречивой жизни, про которую она делала свои фильмы; они были настоящими «трудными» и на какое-то время попадали в совершенно иной мир — мир ее искусства и ее доброты, а потом возвращались обратно; ведь она могла не могла не думать о них, не могла не чувствовать ответственности за их несчастливые судьбы и вины, хотя в чем-то было себя винить! Внешне она никогда не показывала своих чувств, всегда улыбалась, всегда была мила, ровна, приветлива в отношениях с людьми; но это, я думаю, только усугубляло немыслимые душевные перегрузки. Любовь и совесть, аккумулировавшие ее талант, одновременно скижали ее: разрядки-то не находились!..

Динара АСАНОВА. Самым главным, самым важным, высшим мерилом человеческого качества я считаю отдачу — бескорыстную отдачу другому, ближнему или дальнему, своего времени, своего здоровья, всего себя. Именно эта способность должна, на мой взгляд, лежать в основе учительства в самом широком его понимании. Когда-то Махатма Ганди высказал замечательную мысль: только образом своей жизни можно воспитать человека. Так же думали и другие великие Учителя — Сухомлинский, Макаренко. Для того, чтобы быть Учителем, необязательно преподавать. Я никогда не забуду своей бабушки, которая, не окончив ни единого класса, преподала мне все уроки нравственного, научила, что такое вообще нравственность. От нее, пожалуй, я поняла, что «не убий» — значит прежде всего «не убий самого себя». То же и с любовью, хотя это совсем не одно и то же, что эгоизм.

Эстафету моего духовного воспитания подхватил человек, с которым мне посчастливилось жить рядом, мой люби-

мый Учитель — Михаил Ильич Ромм. О нем я не забываю ни на минуту и часто разговариваю с ним про себя. Его уже нет с нами, но я все равно считаю его своим современником. Для нас, студентов ВГИКа, он был «старцем», но в общении вдруг становился удивительно молодым, моложе даже тех, кого обучал. Он был молод, потому что, уча, не боялся учиться, не боялся искать и в поиске отказываться от себя прежнего. Он умел думать не о себе, но о том, что останется от него людям. Я видела, как смотрели «Обыкновенный фашизм» молодые люди — впервые. Они вышли из зала ошарашенные, очищенные. Сделанная четырнадцать лет назад картина оказалась современной и нужной людям сегодня. И не случайно, конечно, его следующим фильмом должен был быть фильм о молодежи и земном шаре. Это был бы серьезнейший и интереснейший разговор на глобальной тему. Я бы мечтала снять такой фильм, и, если бы хоть кто-то после него задумался о своем месте в мире, я была бы счастлива. И это тоже я называю учительством.

В человеке ведь столько заложено от природы, но как много нужно дать, чтобы помочь ему вырасти Человеком! Сейчас, по-моему, ощущается нехватка таких людей, которые могли бы помочь. Ведь знать — это одно, а уметь — совсем другое! Читая иногда письма, я думаю: а может быть, зря мы придумали нашего Паша Антонова в «Пацнах»? Может, это «святая ложь»? Но нет, одергиваю я себя, людям нужен такой человек, с которым можно было бы поделиться самым сокровенным, поговорить на «ты», Человек с большой буквы, человек, оправдывающий звание Человека.

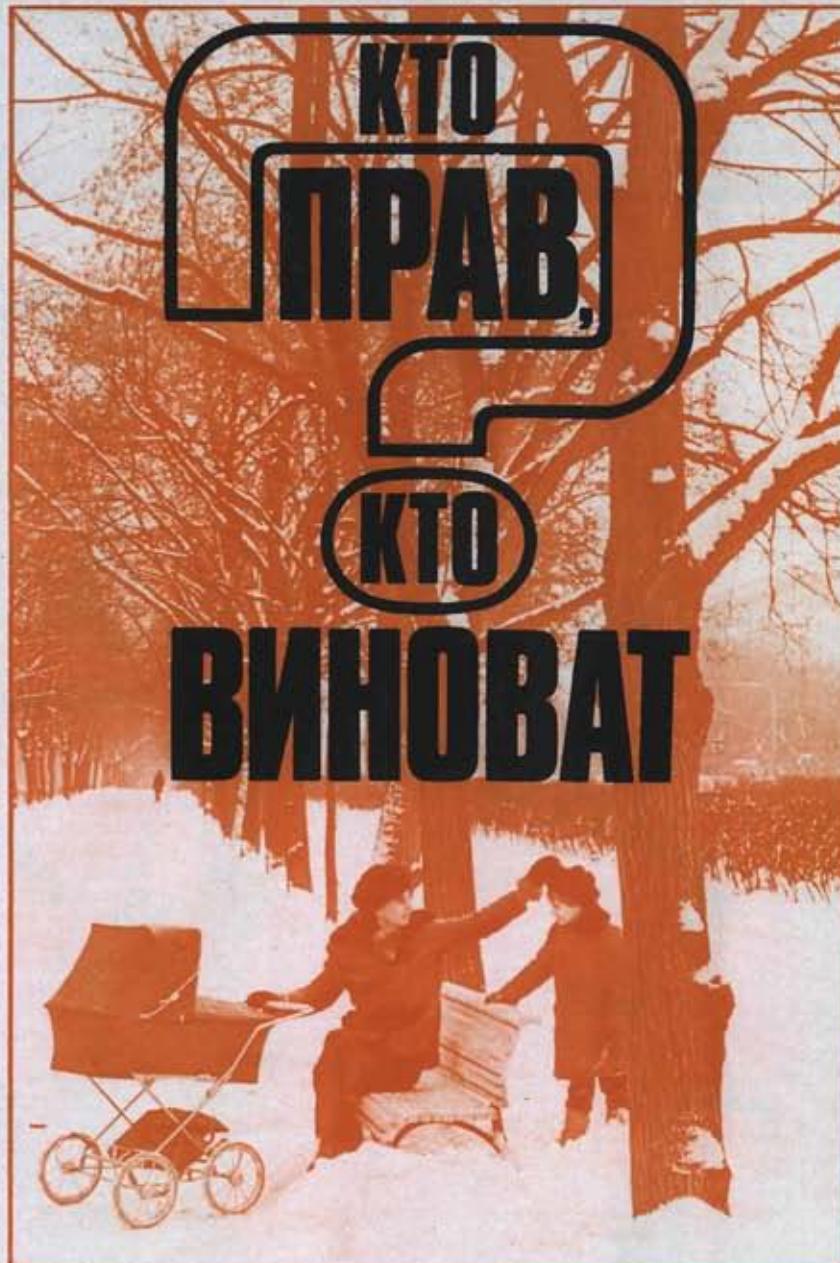
Екатерина ВАСИЛЬЕВА. Я очень любила работать с Динарой, она была единственным в моей жизни режиссером, с которым я работала по душе, готовя на все, и участие даже в крохотном эпизоде ее фильма для меня всегда было радостью. Ведь актер в кино — очень странная профессия: с одной стороны, кино — это игра; когда стоит камера и съемочная группа, волей-неволей начнешь играть, а с другой — это мгновенное состояние человека, которое никогда в жизни больше не повторится. И вот эту-то двойственность Динары очень чуткочувствовала, с ней на площадке можно было быть совершенно спокойной, зная, что какую бы ловушку она ни подстроила, ты всегда будешь реагировать живо, не играть, но проживать. Такой режиссерский дар дается очень немногим. А заставить работать детей, как она это умела, уж совсем невероятно: надо выйти на прямой контакт с ребенком, надо встать на его волну. Все это тяжелая нервная, психологическая и физическая работа, которую и мужчинам-режиссерам вынести нелегко. Но Динара любила ее и работала, как одержимая, проводя сутки без сна, целиком выкладываясь на съемке, напрягаясь и перенапрягаясь — это было ее, ее дело, ее судьба.

Динара АСАНОВА. Сейчас как-то все потянулись к кино. Оно нынче играет большую роль в жизни людей. И вот когда был задан вопрос моим зрителям, что они хотят получить от картины, ответ был: помочь. Действительно, про художественные качества говорят очень мало, зато проблемы, если они поставлены остро, люди сразу начинают обсуждать. Значит, кино наталкивает их на размышления о мире и о себе, а это так важно! Я со временем разлюбила свою картину «Ключ без права передачи» только потому, что после нее появилось множество фильмов, которые я называла «ключики» или даже «отмычки». А так хочется, чтобы появился человек, который сказал бы об этом еще острее, еще откровеннее, ведь, оказывается, это нужно и ребятам, и взрослым. Появление таких настоящих картин — верный путь для содружества зрителей и художников. Поэтому я сторонник только правды в кино, только правды!

Материал подготовил
Михаил БРАШИНСКИЙ.

Смена

НАДО ОБСУДИТЬ

Yважаемая редакция! Внимательно читаю статьи в вашем журнале о семье и браке. Хочу поделиться с вами одним немаловажным обстоятельством, повлиявшим очень сильно на мою жизнь.

Сомневаюсь, что вы ответите мне, эта тема у нас не обсуждается, на нее как будто положен негласный запрет в печати. Речь пойдет о матери-одиночках и усыновлении (удочерении).

С недавних пор мать-одиночка стала по льготам, предоставляемым государством, чуть ли не Героем Советского Союза. Вы скажете, преувеличиваю. Нисколько. Ей предоставляется отдельная однокомнатная квартира со всеми удобствами, а человеку, проработавшему на том же предприятии более десяти лет, но одионому, нет квартиры. Ах, она одиночка, ей тяжело одной воспитывать ребенка, надо поддерживать материнство. Но ведь, как я думаю, дети не бывают только мамины. Где-то и папа ходит по земле, но об этом мать-одиночка не рассказывает, стыдно. Если после войны у незамужней женщины появлялся ребенок, то она не знала, куда глаза девать. А сейчас она гордо ходит среди родных и знакомых, которые знают: идет мать-одиночка. Правда, в народе о таких говорят, я сам слышал, не очень благозвучно, но точно: мать-одиночка. На одну ночь, а потом пусть государство заботится.

Можно понять женщину тридцати — сорока лет, которая стала матерью-одиночкой, но двадцатилетнюю — непонятно. Почему же государ-

ство должно создавать особые условия для человека, не слишком заботящегося о своих моральных качествах, а чаще всего и не знающего, что это такое?

При современном развитии медицины интимная близость, надо думать, не заканчивается беременностью. Но ее желают потому, что знают о льготах, а главная из них — жилье. Не скажу, что мы, мужчины, святы в этом вопросе, но женщина, а тем более девушка по всем классическим законам должна быть более разумной в интимной жизни.

И не стоит прикрываться аргументом, что это делается для ребенка, он здесь является следствием, а не причиной. В старой России была статья закона о «прелюбодеянии», и касалась она и мужчин, и женщин. Но женщины, как правило, больше страдали от этой статьи в силу социальной несправедливости.

Теперь об усыновлении. Я тоже познакомился с матерью-одиночкой. Такая приятная мама с аккуратно одетой дочкой. Ребенок хорошо одет, обут, сыт, душа радовалась за ее мать. На этой почве и решил я связать свою судьбу с ними. Девочка тянулась ко мне, привыкла, мы и поженились с ее мамой. Как и положено, не ранее девяти месяцев после свадьбы родилась еще дочь.

Я ходил в море, дети росли, и во мне все более укреплялась мысль о том, что у меня настоящая семья. Прошло два года. Жена то в порыве раздражения, то в порыве нежности несколько раз упрекала меня, что у старшей девочки (а хотелось бы написать — дочери) другая фамилия, а скоро ей идти в школу. И

через два с половиной года после начала семейной жизни я удачил девочку. Через два месяца после удачения ушел в море. И тут-то неожиданно для меня (но не для моей теперь бывшей супруги) она «полюбила» другого человека, а когда я пришел из рейса, сделала мне в честь прихода «подарок». Оставил меня с детьми, ушла из дома на пять дней, а когда вернулась, то клялась детьми и матерью родной, что была у подруги. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что это сказки для идиотов. А так как я себя к ним не причисляю, то сумел узнать даже точный адрес, где она была. Она просила о прощении, и я скрепя сердце простил. Через двадцать дней это снова повторилось, только теперь отсутствовала она четыре дня. Примечу не только дома, но и на работе. Однако прогулов у нее не было. Что вы, избави боже, у нее ведь двое детей! Какие мелочи — разве это прогуляла, вот если бы полгода!

На этот раз я не выдержал, и мы разошлись. Тот, «любимый», ее, соответственно, бросил. На суде на вопрос «Кто виноват в разводе?» она указала на себя. Мой вины здесь не было, а была беда, что не рассмотрел за время брака непорядочную...

Бывшая теперь супруга подает на алименты на обоих детей. И по закону платить мне им алименты до совершеннолетия. Вот тут-то и появилось у меня сомнение в законности алиментов. Но суд на мое заявление о признании удачения недействительным ответил отказом. Все по решению суда было законным. Мое согласие, отсутствие болезней, согласие матери ребенка — все бумаги законны.

Как же мне теперь быть? То, что нанесен ущерб моему материальному положению, — это полбеды. Большой вред нанесен моральный: окружающие понимают, как обращается и во что превращается обыкновенная порядочность. Вот почему обращаюсь снова в суд, не считая вопрос закрытым.

Факт удачения нужен для того, чтобы юридически ребенок имел отца. Представитель роно на суде заявила, что в интересах ребенка нельзя отменять удачение. Но и не удачения девочку, я бы был морально обязан заниматься и воспитанием ее, и обеспечением материально. До удачения жена не давала поводов для развода, наоборот, сделала все, чтобы я поверил в ее искренние намерения. После удачения она дала такой повод (убедительный для развода) и, как только мы разошлись, стала требовать алименты. Но разве удачение разрешено законом для того, чтобы женщина могла обманывать?

Закон не только правовая норма, но и мерило честности. Но можно ли говорить о честности женщины, если сразу после удачения она гуляет от мужа? Получается, что закон теперь ей все позволяет, делай что хочешь. Порядочность человека унижена и растоптана, мать внушила девочке, что у нее другой папа, а я ей чужой дядя. Об этом мне сказала сама девочка при встрече. Я ей дядя, а алименты плачу.

За что же закон наказывает порядочность и почему непорядочность находится под его защитой?

А. АЛЕКСАНДРОВ,
Мурманск

✉ К ЧИТАТЕЛЯМ

Согласитесь, случай, рассказанный в письме нашего читателя, достаточно редок, но затрагивает проблемы, волнующие мужчин и женщин, чья семейная жизнь складывается непросто. Ждем ваших откликов.

МОЛОДЁЖНАЯ МОДА САДАЕМ ВКУС

Что нынче модно? Что носят? Как одеваются? Чаще всего мы задаем себе эти вопросы, когда приходит пора шить или покупать новое платье, когда требуется обновить надоевший или вышедший из моды гардероб. Но, согласитесь, наш интерес к моде не только утилитарный...

С модой, какой бы легкомысленной она нам ни казалась, связаны наши представления о том, как должен выглядеть человек, идущий в ногу со временем. Каковы его эстетические идеалы? Личные претензии? Вкус? Костюм в состоянии многое рассказать о человеке, даже если он сам того не желает. Здесь и информация о том, насколько человек серьезен и опрятен, способен чувствовать и понимать красоту, как сам относится к себе и каково его отношение к окружающим... Костюм нередко становится символом престижа, но подлинный ли это престиж? И какое место в системе истинных человеческих ценностей может быть отведено костюму?

Все это волнует каждого из нас не столько в теоретическом (хотя и это чрезвычайно интересно), но и в чисто практическом, даже житейском плане. Мода предлагает нам только общие, стандартные решения. Каждому приходится самому делать выбор — как одеваться, что использовать из предложений моды, а от чего отказаться...

В одном из ближайших номеров мы начинаем публикацию цикла материалов, чтобы помочь нашим читателям найти свою позицию в отношениях с модой, помочь в решении тех, казалось бы, сугубо личных вопросов, с которыми сталкивается каждый человек, стремящийся быть современным.

Вести цикл будет главный редактор всесоюзного «Журнала мод» Лидия Витальевна Орлова.

Эти костюмы для занятий спортом выпускаются трикотажными производственными объединениями Алма-Аты и Воронежа.

Фото с сайта Красногорского

Алла
Пугачева
Юлиан
Семенов

У ПОРТРЕТА

Предлагаемый вниманию читателей материал довольно необычен. Это не привычная беседа в присутствии журналиста, когда каждое слово произносится в расчете на большую аудиторию, когда собеседники стремятся всесторонне осмыслить затронутую тему. Перед вами, дорогие читатели, стенограмма домашней беседы писателя Юлиана Семенова и певицы Аллы Пугачевой. Поводом для их встречи послужил портрет певицы, написанный молодой художницей Дарьей Семеновой.

Итак, домашний разговор, частная беседа. Но затронуты важные, общественно интересные темы. И это одна из характерных примет нашего времени. Наши домашние разговоры, беседы в кругу друзей сегодня наполнены не только личными заботами. Как личные проблемы обсуждаются вопросы самые злободневные, вопросы общественные, мировоззренческие.

Вопросы, волнующие каждого из нас.

Собеседники в таких ситуациях обычно не претендуют на окончательные выводы, не стремятся к итоговому решению. А с другой стороны, именно в частной беседе человек раскрывается полнее, становится ближе и понятнее, яснее видны его личностные, неповторимые черты, человеческая индивидуальность.

Ю. СЕМЕНОВ. Как складываются творческие дела, Алла Борисовна?

А. ПУГАЧЕВА. Сообразно моему девизу: «Все нормально».

Ю. СЕМЕНОВ. Девиз может изменяться, и девиз можно изменить...

А. ПУГАЧЕВА. Нет... Впрочем, все труднее беречь ему верность... Все труднее выходить на сцену. Иной раз она кажется мне Голгофой...

Ю. СЕМЕНОВ. Что так?

А. ПУГАЧЕВА. Только одна мысль: неужели это все мне?

Ю. СЕМЕНОВ. Вы о чем? Об успехе или о Голгофе?

А. ПУГАЧЕВА. Раньше я шла на сцену как на праздник... Сейчас — как на плаху... Так холодно вокруг нее... Софиты эти, арлекины... будто бы рассматривают... Нет, правда! И хитрые, как змеи. Когда вошла сюда и увидела портрет, мне показалось... реквием какой-то. Ну, хорошо — есть такой портрет... Однако у себя дома я бы его не повесила... А если б повесила, то в той комнате, куда посторонние не заходят... Тут есть такое, что никому нельзя знать, кроме меня... Ваша дочь увидела меня такой?

Ю. СЕМЕНОВ. Спросите у нее.

А. ПУГАЧЕВА. Бывала на моих концертах?

Д. СЕМЕНОВА. Всего раз...

А. ПУГАЧЕВА. Тогда откуда? Однако знаешь... Многое видят закулисно... И вы ведь, наверное, на людях — один, с дочерьми — другой, сами с собой — третий. Что будет, если выставить такой портрет, публично показать: вот она какая! Мне же нельзя будет петь, как сейчас пою... Впрочем... Миф и так рушится. Я говорила: хочу веселить, развлекать. А смотрю на портрет и думаю: куда уж там веселить... Смешить с годами все трудней... И дочка уже выросла...

Ю. СЕМЕНОВ. И что?

А. ПУГАЧЕВА. Да, ладно, ничего, проехали...

Ю. СЕМЕНОВ. В 1974 году мы с Дашей были в Испании. Вернувшись, написал «Возвращение в фиесту» — цикл рассказов, связанных с пребыванием Хемингуэя в Испании. В рассказах моим главным собеседником как раз и была Даша. Я хотела сопоставить свое восприятие и ощущения человека совсем иного поколения. Ей было уже шестнадцать, она много и упорно рисовала — художница, куда деваться... Эта поездка многому меня научила, и прежде всего ответственно думать про себя и про детей своих, да и не только своих, конечно. Я кое-что поняла, в частности, как мое творчество на них проецируется. Кое-что пришлось пересмотреть, отбросить, жалко было, но вряд ли этого надо бояться... А на многое пока так и не смог ответить. Ответы нужно искать в том, что любят молодежь. Вы, Алла, об этом наверняка тоже думаете. Не поискать ли в психологии, истории, социологии? А может, в литературе. Каких писателей любят молодежь? Вот вы, Алла, как относитесь к Гарсиа Маркесу? К латиноамериканской литературе?

А. ПУГАЧЕВА. Не просто люблю. Оторваться не могу. Но при чем здесь социология, история?

Ю. СЕМЕНОВ. Все время думаю о том, как завязать в один узел вашу личность, очень сильную, яркую, и моду на вас, и науку, и историю, и живопись... Давайте поищем... Какие ваши любимые авторы? Советские, зарубежные...

А. ПУГАЧЕВА. Я очень рано начала читать и, видно, зачиталась. Самые любимые авторы... Тогда было много. Одного и не назову...

Ю. СЕМЕНОВ. Представьте, вам предстоит какое-то время жить на необитаемом острове. Вы можете взять с собой десять книг. Назовите их, пожалуйста.

А. ПУГАЧЕВА. Когда мне было шестнадцать, я была в восторге от Сент-Экзюпери и Грина. Такой период, что ли. А потом мне стал интересен Кафка. Превращения, фантасмагория, представляла себе, как можно фильм такой снять. И вдруг открылся Андрей Платонов. Все плачут над рассказом «Возвращение», а мне больше всего

нравятся «Епифанские шлюзы». Страшный рассказ. Леонид Андреев — «Иуда Искариот». Книга, которую я перечитывала множество раз. Если я скажу, что мой любимый писатель Булгаков, многие сочтут, что я неискренна. Он стал, к сожалению, модой. И будто бы я это специально говорю, потому как любить Булгакова положено. Я уж в этом никому не признаюсь. Но ведь какой грандиозный писатель! Сейчас самая для меня любимая книга — «Константин Коровин вспоминает». Как бы мне ни было плохо, я открою эту книгу наугад и найду совет, мудрую мысль... Фантастика, а не книга. Будто откровение... А страницы, посвященные Врубелю...

Ю. СЕМЕНОВ. У меня такая любимая книга — «Дневник» братьев Гонкур.

А. ПУГАЧЕВА. Еще люблю воспоминания Шкловского о Маяковском. Мне сейчас ближе такие книги. Они для меня важнее, чем просто беллетристика. Новое читаю сейчас только по совету. Смотрите-ка, люди продолжают отдавать свободный выбор в любви, но и свахи возвращаются, сватовство. Так и с книгой у меня. Сосватают — буду читать.

Ю. СЕМЕНОВ. Я, кажется, кое-что о вас теперь знаю. Обычно разделяю людей на две большие группы. Пассивных и активных политически. Это, по-моему, одна из важнейших характеристик. Вот вы, Алла, на взгляд, человек крайне политизированный.

А. ПУГАЧЕВА. Я??

Ю. СЕМЕНОВ. Ну да...

А. ПУГАЧЕВА. Да что вы?! Я об этом даже и не думала никогда...

Ю. СЕМЕНОВ. Не спешите... Это значит, вы точно знаете, чего хотите, чувствуете происходящее, перевариваете его в себе и не просто откликаетесь, но и предлагаете свои решения.

А. ПУГАЧЕВА. Хорошо! Пусть будет так. Конечно, я напрямую связана с временем, а стало быть, с людьми. Но меняется время, меняется и публика. Три года назад — одна, нынче — совсем другая. Три года назад я пела «Сонет», «Не отрекаются любя», сейчас — «ХХ века», «Птицы», «Скачки»...

Ю. СЕМЕНОВ. Вот-вот... Вы чувствуете время. А оно не стоит на месте. Новые ритмы, новые образы, да и лексика иная — у молодежи. Ее не пугаться надо, а понять — отчего это они так себя реализуют, а не иначе. Подчеркиваю: понять. Я убежден в том, что надо глубоко уважать две главные особенности нашего времени: скорость и тягу людей к информации. Как талантливо Флобер проинформировал современного ему читателя да и нас с вами о положении женщины во Франции в середине прошлого века... Информация ведь не только цифры и факты, не только статистика... Мне все время видится ваш концерт, на котором вы работаете... ну, допустим... с профессором Капицей... Он говорит о науке, но, знаете ли, нынче наука без этики, без воспитания чувств невозможна! Она ведет к преступлению... А воспитывать чувства — удел искусства. Разных видов и жанров, но обязательно ТАЛАНТИВОГО!

А. ПУГАЧЕВА. Что ж... Однако не должно быть так, чтобы искусство несло в себе только привычное, знакомую мысль, устоявшуюся форму. Это скучно... Даже если очень профессионально или виртуозно. Нужен синтез. В моем деле — синтез жанров, а это уже не эстрада, это театр, театр песни.

Ю. СЕМЕНОВ. И скоро будет такой?

А. ПУГАЧЕВА. Я считаю, что он уже давно у меня есть. Нет стен и нет статуса театра, но это не причина для молчания. Я должна петь, не могу не петь.

Ю. СЕМЕНОВ. Способ существования?

А. ПУГАЧЕВА. Скорее, способ выражения чувств...

Ю. СЕМЕНОВ. Поверьте — это способ существования. Хотя вы еще молоды, но по количеству песен, которые любими в стране, превзошли Эдит Пиаф, когда она уходила. Вот такой я вам «вычислит» комплимент.

А. ПУГАЧЕВА. Спасибо. А вы не боитесь за меня, ведь ищутся себя на людях?.. А если под гипнозом популярности потеряю критерии, невольно начну халтурить?

Ю. СЕМЕНОВ. Не начнете, у вас субстанция другая. Иначе нарушите контакт с самой собой. Верите в себя?

А. ПУГАЧЕВА. Да!

Ю. СЕМЕНОВ. Вот давно хотел спросить: «Чучело» с вашей дочерью в главной роли — не автобиографический ли это фильм?

А. ПУГАЧЕВА. В какой-то мере... По тону, по настроению...

Ю. СЕМЕНОВ. Вас не пугает, что Кристина входит в искусство?

А. ПУГАЧЕВА. Чего пугаться? Я ж маму не спрашивала... Время покажет.

Ю. СЕМЕНОВ. В глубине души, наверное, радует?

А. ПУГАЧЕВА. Радует, что она что-то уже сумела. И самостоятельность радует. А вы, Юлиан Семенович, не переживаете, что Даша стала художницей?

Ю. СЕМЕНОВ. А ее художницей сделали. В школе ее очень мучили на уроках истории и литературы, дескать, дочка писателя. Она злилась и рисовала лошадей, только лошадей. А если человек может нарисовать лошадь — это уже задаток. Кстати, у вас есть экслибрис?

А. ПУГАЧЕВА. Нет.

Ю. СЕМЕНОВ. А что бы вы хотели увидеть на нем?

А. ПУГАЧЕВА. Полет, наверно...

Ю. СЕМЕНОВ. Икар?

А. ПУГАЧЕВА. Нет. У меня все время полеты... В песнях — «Воздушный змей», «Поднимись над суетой». Во сне до сих пор летаю... Не люблю, когда высоко, когда в космосе — страшно. Поближе к земле, на той высоте, что и птицы... Только проводов боюсь, это такие путь.

Ю. СЕМЕНОВ. Очень знакомо! Примерно два раза в год мне показывают один и тот же сон: лечу на самолете, и он цепляется за провода!

А. ПУГАЧЕВА. Я, кажется, начинаю понимать, почему мне снятся страшные сны. Это оттого, что в жизни начинаешь за кого-то бояться.

Ю. СЕМЕНОВ. Дети? Кристина, да?

А. ПУГАЧЕВА. И не только... У мамы моей было четыре инфаркта, недавно мы ее потеряли... Раньше я не боялась пробовать, экспериментировать, никаких статей не боялась, в том числе разгромных... Теперь боюсь. Осторожность — как же она мне противна! Но моя неосторожность может повредить близким...

Ю. СЕМЕНОВ. А если закрыться? Человек с такой славой, как ваша, не может быть открыт, распахнут. Сомнут ведь доброжелатели и поклонники... Я слушаю вас, и мне пришел в голову сюжет, пока даже и не знаю, что сделаю с ним, но расскажу — в двух словах, представьте: вдруг все, что поклонники твердят, выдумывают об Актрисе, начинает происходить с ней на самом деле...

А. ПУГАЧЕВА. Но это ужасно!..

Ю. СЕМЕНОВ. Вот и я о том. Должны же люди чувствовать ответственность за свои выдумки, а правильнее сказать, сплетни. До сих пор удивляюсь: какая душа была у того человека, который пустил слух, будто бы вы задавили машиной свою дочь. И ладно бы только выдумали... Еще ведь и звонили без устали, соболезневали... Каково?..

А. ПУГАЧЕВА. И меня саму хоронили уже не раз, и петь я переставала, и в Париже, в «Олимпии», был якобы жуткий провал! Что мне делать? Оправдываться? Кого? Тот, кто пустил сплетню, предпочитает оставаться неизвестным. Поэтому я говорю так: «Спасибо тем, кто меня хоронит, значит, буду жить долго. Спасибо тем, кто рассказывал о моих провалах, значит, и счастья меня минует. Спасибо и тем, кто предрекал мне забвение, значит, и это не скоро случится...»

Ю. СЕМЕНОВ. Мечта всякого художника — завоевать мир! За это приходится платить...

А. ПУГАЧЕВА. Выдержать то, о чем вы говорите, не самое трудное. Артисту суждено постоянно ощущать на себе

чужие взгляды. Труднее быть не в согласии с самим собой. Я все время думаю о зрителе: чего он хочет? Зачем пришел? Меня послушать? Или увидеть воочию, что слышал обо мне... Что его интересует: песни или аттракцион?

Ю. СЕМЕНОВ. Ну, а своя публика, она ведь наверняка есть?

А. ПУГАЧЕВА. Есть. Только она пока что редко попадает на мои концерты... Однажды в Вильнюсе на площади перед Дворцом спорта собралось такое число людей, не сумевших попасть на концерт, что мне стало неприятно и обидно... Я потребовала, чтобы настежь открыли окна и двери... Если им билета не удалось достать, то пусть хотя бы послушают...

Ю. СЕМЕНОВ. А телевидение? Не помогает?

А. ПУГАЧЕВА. Однажды встречалась я с руководителями ТВ и предложила: «Знаете, хорошо бы сделать субботнюю дискотеку. По вечерам. Включил телевизор, а там — популярные певцы, танцевальная музыка...» И вдруг услышу в ответ: «Как вы относитесь к Обуховой?» Ах, боже! Великая певица... Но я о другом: «Те дискотеки были бы и нам, певцам, нужны... Есть много песен, которые в программу не ложатся, их хорошо бы спеть на дискотеке...» Но тут опять: «Вот Шостакович об Обуховой писал...» Да при чем тут она!.. И зачем все это насилие между собой увязывать? Я ведь тоже певица, но другая, и то, что я делаю, так же необходимо людям. А если я стану послушной и разумной, вам — зрителям — это не понравится. Я лучше буду думать о будущем. Пластики вот записываю. Фильмы... Может быть, я сделала немало, имя уже знают! Но суть... суть еще нет. Ну что ж, пора прощаться... Я чувствую: пройдет время, и я снова захочу увидеть этот портрет... Но тогда я его совсем иначе увижу, да и сама тогда буду совсем другая, а стало быть, прежняя...

Ю. СЕМЕНОВ. Вы и так на портрете одна, сейчас, здесь, — вторая, в песнях — третья... Это и прекрасно, помогите! С вами не соскучишься...

А. ПУГАЧЕВА. Главное — специально ничего не выдумывать. Ну, что?! (Лохматит волосы, резко меняет интонацию.) Пойдем, что ли, Пугачеву делать? Разболталась я, однако, с вами... Смотрю, портрет умный... Дай и сама поумничай, что ли! Лучше попросили бы песню спеть...

Записал
Андрей ЧЕРКИЗОВ.

И все же вопросы остаются. Раньше было не очень-то приятно знакомить читателей с тем, что говорится за закрытыми дверями, говорится во многом для своего личного уяснения. Стоит ли это делать сейчас? Не слишком ли уж частный характер носит предлагаемая вам, дорогие читатели, беседа? Не преобладает ли в ней все-таки быт? Давайте размышлять вместе. Мы готовы выслушать ваши мнения, замечания. Если же наша новинка заинтересовала вас, показалась перспективной, подскажите нам темы будущих бесед, их участников.

✉ К ЧИТАТЕЛЯМ
Ждем ваших писем
с предложениями,
советами, пожеланиями.

СВЕТИНА СОЛОЖЕНКИНА

Сирень цвела недолго,
но как она цвела!
Как будто это Волга
в гостях у нас была—
сияньем темно-сизым,
разливом буйных сил...
И голубь по карниzu
с опаскою ходил.

Нет ничего прозрачнее кристалла
простой воды в стакане на столе,
когда гроза греметь уже устала
и радуга сияет на земле.
И зеркало

в прохладной глуби комнаты
тогда похоже на овраг лесной,
и колокольчик до краев наполнен
лиловою бездонной тишиной.
Оставив чувство светлое тревоги,
гроза ушла, полям наперевес,
и только на проселочной дороге
еще дымится музыка небес...

Зацвел картофель,
бледно-фиолетов.
Вовек он не был баловнем поэтов.
Ничьих похвал не ожидает он
и никаких не просит привилегий,
хотя изящное, чем анемон,
и для меня прекрасней аквилегий.
Вот мой цветок...

Он здесь, он не исчез.
(Хоть многое уже не возвратится...)
Цветет себе на краешке небес—
и заглянуть за горизонт стремится.

Скрипят заржавленные ели,
сухие листья шелестят,
опять на пенек присели
и в гости ждут других опят.
Седой кипр свой пух роняет,
тропинку устилает зря,
и паутинка отделяет
нас от начала сентября.
Медлительное сердце съется,
ясней и холоднее даль...
А незабудкам на болотце
все доцвести как будто жаль.
Забудь меня. Я здесь—лесная.
Но, хоть вернуть никто б не смог,—
внезапное воспоминанье
голубизны лежит у ног.
Как хорошо с краюшкой хлеба
бродить, на камешках скользя...
Я не боюсь осколков неба.
Есть то, чего разбить нельзя.

Коза мотает бороденкой
и думу думает... О чём?
О том, что жизнь идет сторонкой,
она—коза—тут ни при чём.
Кругом воюют государства,
кровь проливая без конца.
Есть у людей любовь, коварство...
А у неё—ключок сенца.
И будет до скончанья века
она бородкою трясти,
не понимая человека,
не зная, как его спасти.

Луна взошла наполовину,
но разве может быть светлей?
В лугах цветет горец змеиный,
и—никаких не видно змей!
Светла, доверчива природа...
И горожане в эти дни
живут под знаком огорода,
их труд—крестьянскому сродни.
Вот кто-то на своем балконе
растит петрушку и укроп.
Пахучий стебель важно тронет,
в раздумии наморщит лоб...
Ему желаю я удачи.
А у меня балкона нет.
Но на луне такие дачи!
Их может снять любой поэт.
Полить левкой не премину,
пусть только вся луна взойдет:
там—на незримой половине—
и мой незримый сад цветет...

С собой оставаться—все, чего хочу.
Пусть смерть сулит
нам вечную разлуку,
с младенчества я верила лучу:
похож он на протянутую руку.
Я верила подснежнику. Любви.
Я верила посевам, а не граду.
И яд сомнения у меня в крови
переставал быть,
как ни странно, ядом.
Я в полынью, как в темную беду,
глядела, не бледнея и не пялясь,
и, если надо, по воде пройду,
хоть ни при чём здесь
благость и святость.

А если сдавит обручем тоска?
Покинут строки—выросшие дети?
...Какое счастье: глаз на опускать
ни перед кем,
ни перед чём на свете!

Метель метет... Но странно:
снится море.
К чему мне эта голубая гладь?
Лишь юные
нуждаются в просторе,
а мне—вспоминанья обживать.
Распахивать надел
свой каменистый,
где камни станут хлебом,
может быть,
черстветь—
и снова нежности учиться,
как в раннем детстве
учатся ходить.
Прощай же, белый парус,
сон чудесный!
И наяву, под крышей городской,
мне больше никогда
не будет тесно
с моим безбрежным счастьем
и тоской.
Мне жить в снегах,
дыханием греть ладони,
бросать по-братьски
крошки воробью...
Подступит холод к сердцу,
но не тронет
все то, что я любила—и люблю.

Я не искала, не ждала
Своей любви, явившей чудо.
Она сама ко мне пришла—
Не ведаю—зачем? откуда?
Как будто властною рукой
В жизнь кто-то вписывает строки...
Как будто кто-то водит мной,
На все определяя сроки...

С глаз долой—из сердца вон,—
Думал ты,—как было прежде?
Но тоски не смолкнет звон,
Зародившийся в надежде.

Все, о чём мечтал вчера,—
Все ненужно, все постыло...
Неизбежная пора—
Помнить лишь, что с нами было...

Попытка сомнения

Ты прав во всем—
ты прав лишь для меня,
А для себя неправеден во многом.
И все равно, одну себя виня,
Тебя я оправдаю перед богом.
Я виновата—я тебя люблю.
Ты не виновен—ты меня не любишь.
Я виновата—жизнь тебе дарю.
Ты не виновен—ты меня осудишь.
Я виновата—я тебе несу
Стихи, цветы, и молнии, и грозы...
Ты принял все: цветы, стихи, грозу.
Ты не виновен—
ты дарили мне слезы.

Я виновата—голова в огне.
Ты не виновен—
ты так здраво судиши.
Но почему ты не перечиши мнё?
И целый год огонь мой не остудиши?

Я виновата—я тебе дарю
Совсем тебе не нужную зарю.
Но если не нужна тебе заря,
Зачем же принимал ее ты зря?

Я виновата—я тебе несу
Среди зимы весеннюю грозу.
Но если не нужна тебе гроза,
Зачем же смотришь
мне глаза в глаза?

Нет, не могу, себя одну виня,
Заступницею быть твоей
перед богом.
Ты прав во всем.

Ты прав лишь для меня.
А для себя—
неправеден во многом...

Не сомневаются в любви.
Не сомневаются в любимых.
Мы лишь тогда судьбой хранимы,
Когда не предаем любви.

Как зовут по утрам поезда
В голубые рассветные дали.
Как дороги других разлучали,
Нас связали с тобой навсегда.

ДЖЕЛИМА ФИРСОВА

«Навсегда, навсегда, навсегда».—
Повторяют на стыках колеса,
И сбегают с откоса березы,
И как строчки
летят провода...
Не стремлюсь я в далекие страны.
Я весь мир поверяю тобой.
Лишь в тебе
для меня шар земной—
Континенты, моря,
океаны...

«Навсегда, навсегда, навсегда...»—
Повторяют на стыках колеса,
И сквозь смех повторяю,
сквозь слезы:
Не сбегу от тебя — никуда!

А мне без тебя...

...А мне без тебя—
не дышать и не жить...
Как много людей
не дают мне любить,
Любовь нашу жаждут
сломать и убить,
Меня удержать и к тебе не пустить...

Друзья—
чтобы крепче к себе привязать,
Враги—
чтобы счастью меня не отдать,
Друзья—
чтобы надежда совсем не ушла,
Не их—
так ничьей чтоб уже не была,
Подруги—
чтоб дальше без горечи жить

И верить: никто не умеет любить.
Родные—
чтоб с ними, лишь с ними была,
Чтоб цепи родства
я порвать не смогла...

А мне без тебя—
что в могилу живой,
Тебе без меня—
лютой смерти покой.
Не будет тогда ни меня, ни тебя,
Не будет ни ночи,

ни утра, ни дня,
Не будет рождения трепетных слов,
Ни музыки нашей,
ни наших стихов,
Не будет рассветов, закатов, цветов,
Сверкающей яви,
пугающих снов...

А мне без тебя—
не дышать и не жить.
Любовь нашу многое может убить:
Советы друзей и наветы врагов,
И грубые смыслы
бесчувственных слов,

Подсчеты возможных потерь
и долгов,
И сорванный с трепетной тайны
покров,
И омут привычек, и страх перемен,
Попытка укрыться за ложью измен...

И непониманье того, что стряслось
И как мирозданье теперь началось...
Любовь нашу многое может убить.
Тебе без меня—
не дышать и не жить...

Джон УИНДЕМ

ОТКЛОНение от НОРМЫ

Научно-фантастический роман

Глава шестая

1

Вечером, когда мне стало лучше, я услышал, что Розалинда пытается поговорить со мной. Чувствовал я тревогу и остальных наших. Я рассказал им про Софи: теперь это уже не было тайной. Мой рассказ напугал их, и я постарался растолковать им, что отклонение — во всяком случае, такое маленькое и несущественное — не может считаться кощунством. И все же для них все это явилось своего рода шоком. Ведь то, что я говорил, шло вразрез со всеми общепринятыми понятиями о НОРМЕ. Они верили в мою искренность, да и как могло быть иначе? Разговаривая мыслами, невозможно лгать. Но их поразила сама мысль, что кощунство может не быть омерзительным... Переступить через это они еще не могли. Во всяком случае, сейчас они ничем не могли мне помочь, и я не жалел, когда один за другим они замолкли.

Я был очень измучен, но долго не мог заснуть. Я лежал и представлял себе, как Софи с родителями упала добраться до Джунглей, их преследователи несолено хлебавши повернули обратно и мое предательство ничем не повредило Софи.

Когда я наконец заснул, сон мой был полон кошмаров. В беспорядке мелькали передо мной страшные видения. Вновь мы все собирались во дворе, и мой отец держал за руку Софи, готовясь свершить Очищение... Проснулся я от своего крика, умоляющего отца остановиться... Я боялся заснуть вновь, чтобы не увидеть опять этот кошмарный сон, но все-таки вскоре заснул... Теперь я увидел другое: снова, как в детстве, передо мной простирался Город, его дома, улицы и странные блестящие предметы, летящие по воздуху. Уже много лет я не видел этого во сне, но Город был в точности такой, как раньше, и почему-то этот давно забытый сон успокоил меня...

Мать зашла ко мне на следующий день, но в глазах ее я не увидел ни сочувствия, ни даже сожаления, разве только легкую брезгливость. Ухаживала за мной Эри. Она запретила мне вставать с постели весь день, и я молча лежал на животе, чтобы не тревожить израненную спину, соображая, что бы предпринять для побега. Я решил, что лучше всего попробовать достать лошадь, и все утро придумывал, как украдать одну из наших рабочих лошадей, чтобы ускакать на ней в Джунгли.

Днем ко мне заглянул инспектор. Он принес с собой кучу сладостей. Поначалу я хотел было потихоньку расспросить его о Джунглях — разумеется, так, чтобы он не догадался о моих намерениях, — будучи специалистом по отклонениям, он наверняка должен был знать о Джунглях больше, чем кто бы то ни было. Но я сразу выкинул эту мысль из головы: он моментально раскусил бы меня.

Говорил он со мной участливо и даже с жалостью, но пришел он не просто меня проводить. Я понял это с первого же его вопроса.

— Скажи, Дэвид, — спросил он, жуя конфеты, — ты давно знаешь дочку этих Уэндеров?

Теперь уже не было смысла скрывать что-либо, и я сказал ему правду.

— А давно ты заметил отклонение у этой... Софи? — был следующий его вопрос.

— Да, — прошептал я.

— Ну, примерно сколько времени ты знал об этом?

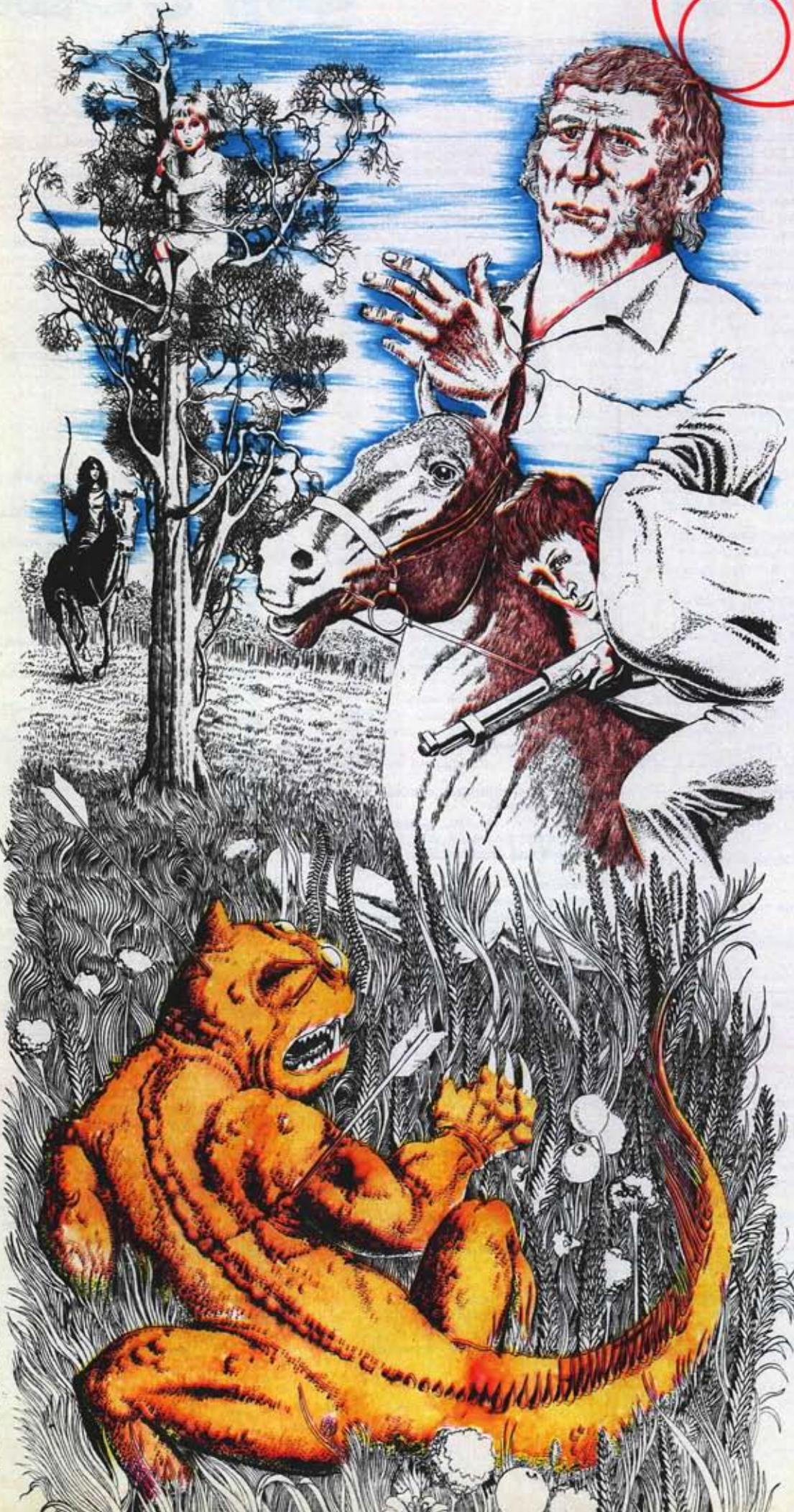
— Месяцев шесть.

Брови его приподнялись, и выражение лица стало серьезным и озабоченным.

— Это плохо, Дэвид, — сказал он. — Это очень плохо. Это называется сокрытием преступления, и ты не мог не знать об этом, так ведь?

Я отвел глаза и невольно заерзнул под его пристальным взглядом. Ерзанье это причинило мне боль. Превозмогая ее, я постарался объяснить:

— Это... это было совсем не так, как нас учат в церкви... Эти... пальцы... они были такие маленькие...

— «И каждая нога должна иметь по пять пальцев...» — продекламировал инспектор, пододвигая ко мне кулек с конфетами. — Ты хорошо помнишь это место из Определений?

— Да-да, — выдавил я с трудом.

— Пойми, Дэвид, каждая часть Определений очень важна, и, если кто-либо не соответствует хоть самой малой их части, значит, он не человек. Значит, у него нет души. Значит, он не образ и подобие господа, а имитация, подделка. А во всякой подделке обязательно есть неточность. Только богу дано создать истинное свое подобие, а подделки, пусть многие из них выглядят почти во всем похожими на нас, не от бога. Став старше, — продолжал он, — ты многое будешь понимать лучше, чем теперь, я же хочу знать одно: ты знал про отклонение у Софи, знал давно и не сообщил об этом ни мне, ни отцу. Почему?

Поколебавшись, я рассказал ему о том кошмарном сне, который приснился мне давно и повторился нынешней ночью. Инспектор задумчиво посмотрел на меня и кивнул.

— Теперь я понимаю, — протянул он. — Но ведь с кощунствами обходятся совсем иначе, чем с преступлениями...

— А что делают с ними? — быстро спросил я.

Не ответив на мой вопрос, он продолжал:

— Так или иначе я был обязан упомянуть тебя в рапорте. Но твой отец уже достаточно наказал тебя, так что оставим это... И все же, Дэвид, я хочу, чтобы ты хорошо понял: дьявол плодит отклонения и кощунства среди нас, дабы подорвать нашу веру и сбить с пути истинного. Иногда он так хитер и коварен, что умудряется создавать почти точные копии образов и подобий господа, и мы всегда должны быть на страже. Долг и обязанность каждого — неустанно искать отклонения, как бы малы и ничтожны они ни были, и тут же доносить об этом властям. Запомни это, мальчик, хорошо запомни! Ты понял меня?

Я отвел глаза. Инспектор — это инспектор, лицо, облечено в власть и доверием... И все же я не мог, не мог поверить в то, что Софи создал дьявол. Не мог я поверить и в то, что один малюсенький пальчик мог быть тому причиной.

Инспектор ждал моего ответа, и я сказал:

— Софи... она мой друг... Самый лучший...

Он вздохнул и покачал головой.

— Верность — хорошее качество. Верность, честь... Он задумчиво потрогал рукой подбородок. — Но бывает ложная верность, гордыня. Когда-нибудь ты поймешь значение высшей верности. Верности Чистоте Рассы, и тогда...

Он не успел договорить. Внезапно распахнулась дверь, и в комнату ворвался мой отец.

— Они поймали их! Всех троих! — с торжеством объявил он инспектору. Меня он удостоил лишь мимолетным взглядом, исполненным отвращения.

Инспектор встал, и они оба вышли, а я тупо уставился на захлопнувшуюся дверь. Отчаяние и боль вновь охватили меня с такой силой, что я буквально захлебнулся в рывках. Все мое тело конвульсивно содрогалось, что причиняло нестерпимую боль спине, но не эта боль была страшна. Весь, принесенная отцом, была куда страшнее. Грудь сдавила такая тоска, что я перестал дышать, и в голове у меня помутилось. Не знаю, сколько прошло времени, пока дверь не отворилась и не послышались чьи-то шаги. Лежа лицом к стене, я слышал, как кто-то прошел через всю комнату, подошел к кровати, и чья-то рука опустилась мне на плечо.

— В этом нет твоей вины, мальчик, можешь мне поверить, — услышал я голос инспектора. — Патруль наткнулся на них по чистой случайности.

2

Через несколько дней я решился поделиться мыслью о побеге с дядей Акселем. Улучив момент, когда он работал в саду, я подошел к нему и, не зная, с чего начать, брякнул:

— Я хочу убежать отсюда... Насовсем!

Он бросил свою работу и перевел задумчивый взгляд со своей мотыги на меня.

— На твоем месте я бы не делал этого, — спокойно и веско произнес он. — Вряд ли из этого выйдет что-нибудь путное. Да и потом, куда ж ты думаешь бежать?

— Об этом я как раз и хотел посоветоваться с тобой, — сказал я.

— Что ж тут можно присоветовать? — пожал он плечами. — Куда бы ты ни сбежал, тебе везде придется предъявлять свою метрику. А в ней, кроме удостоверения твоей НОРМЫ, сказано, кто ты, откуда родом. Где бы ты ни оказался, тебе висулу придется показать ее...

— Только не в Джунглях, — оборвал я его.

Он уставился на меня в изумлении.

— В Джунглях?! Но послушай, мальчик... Там... Там ведь нет ни еды, ни питья... Они всегда голодают, потому и вламываются к нам так часто. В Джунглях ты будешь думать лишь о том, как спасти свою шкуру, и тебе здорово повезет, если у тебя это получится!

Я задумался. Дядя говорил правду. Я чувствовал это. Но решения моего он не поколебал.

— В конце концов должны быть другие места, — сказал я, — какие-то другие земли...

— Ну, разве что тебя возьмут на какой-нибудь корабль, — неуверенно протянул он. — да и то... Нет, — покачал он головой, — поверь моему совету, мальчик, так у тебя ничего не выйдет. Если человек убегает от чего-то, что ему не по сердцу, то где бы он ни был, ему будет так же скверно. Сейчас ты знаешь и чувствуешь лишь то, что не принимает твое нутро, — и это всё. Другое дело, если бы ты знал: чего ты хочешь? Что ищешь? К чему побежишь? Но ведь ты этого не знаешь... Кроме того, поверь мне — я ведь почти старик, — здесь еще не самое страшное место на свете. Есть и похуже... Куда хуже... Если ты спрашиваешь совета у меня, Дэви, то я против. Может быть, через несколько лет, когда ты позвралеешь, я сам первый скажу тебе: «Иди!» Но сейчас... Сейчас послушай меня, сынок, не делай этого. Тебя поймают и приволокут назад как кутенка, — только и всего!..

Дядя был прав: куда бежать? Куда?.. Может, пока стоило побольше разузнать о том мире, который лежит там — за Лабрадором? Я спросил Акселя об этом.

— Безбожная земля, — кратко и сухо ответил он. Такой ответ ничуть не удивил бы меня, услыхав его отца. Но дядя... Я так прямо и сказал ему об этом. Неожиданно он заговорщики подмигнул мне и, усмехнувшись, сказал:

— Ладно, Дэви, ладно... Если ты не будешь болтать, я кое-что расскажу тебе об этом. Но помни, язык надо держать за зубами. Ты понял, сынок?

— Нет, — честно сказал я. — Разве это секрет?

— Ну... не то чтобы секрет, — замялся он, — но видишь ли, когда люди привыкают... Привыкают думать, что все происходит так, как им говорят священники и власти, их нелегко убедить в обратном... Во всяком случае, я не хочу, чтобы ты даже пытался это делать. Моряки — там, в Риго, — очень скоро это поняли, и говорят они о таких вещах только между собой. Если другим приятно считать, что везде вокруг Лабрадора — Плохая земля, что ж, пускай так и считают. Это — их дело, хотя это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле. Просто им спокойней так думать... И пусть себе думают...

— Но в книге, которую мы проходим в школе, сказано, что там действительно лишь одна Плохая земля. Или Джунгли. Выходит, это неправда? — напрямик спросил я его.

— Есть другие книги, в которых написано другое, — ответил дядя. — Но вряд ли ты их увидишь, даже в Риго... И вот еще что, Дэви, запомни: не нужно сразу верить всему, что болтают разные моряки. У них часто даже и не сразу поймешь: об одном и том же месте говорят они порознь или о разных? Другое дело, когда там кое-что повидаешь... Тогда ты поймешь, что мир, целый мир, гораздо более загадочная штука, чем это кажется здесь, в Вакнуке... Странная штука... Странная и интересная... Так ты обещаешь не болтать об этом? Или я не стану ничего говорить! — спохватился он. Я пообещал.

— Что знаю я сам наверняка, — сказал Аксель, — это дорогу на юг. Ходил я туда трижды. Выйдя из устья реки, несколько сот миль мы шли вдоль побережья до пролива Ньюф. В самом широком месте пролива есть большое поселение — Ларк. Там можно пополнить запасы пресной воды и провизии, если, конечно, тамошние власти не будут против. После Ларка, держась на юго-восток, а затем опять на юг, мы достигли материка. Это было нечто среднее между Плохой землей и Джунглями — я бы назвал эту землю Плохими Джунглями. Там полно всякой растительности и живности, но почти вся она ни капельки не похожа на НОРМУ... Ну, во всяком случае, на то, как мы ее себе представляем. Большинство животных выглядят так, что их даже и не назовешь Преступлениями — для них вообще трудно подобрать названия, настолько они не похожи на встречающихся у нас. Через день-два пути начинается совсем Плохая земля. Трудно передать впечатление от нее... Особенно, когда попадаешь туда впервые. Представь себе огромные колоссы пшеницы, каждый из которых ростом с дерево. Травы и кусты, растущие на скалах, с корнями, торчащими наружу и шевелящимися на ветру. Скопища грибов, кажущихся громадными белыми валунами. Кусты величиной с бочку, с шипами длиной около десяти футов. Есть там такие... Даже не знаю, как назвать... Словом, это растет на утесах, выступающих из моря, и свешивается длинющие зеленые лианы вниз, на сотни футов в толщу воды так, что непонятно: то ли это растет на земле и питается водой, то ли, наоборот, это — морское растение, вылезшее зачем-то на сушу. Это земля Зла, и многие, кто повидал ее, поняли, что случилось бы с нами, если бы не законы, которым мы повинуемся. Да, это Плохая земля, ничего не скажешь. Плохая, но есть... есть и похуже. Живут там и... тоже не знаю, как сказать... Ну, в общем, в нашем представлении они, конечно, не люди... У некоторых по две пары рук, по семь пальцев на руках и ногах... И странные, невероятные вещи узнаешь там. У них, как и у нас, есть легенды о Древних — как те могли летать, как строили они плавучие города, как могли переговариваться друг с другом за сотни или даже тысячи миль... Но что непонятнее и... страшнее всего: и те, у кого по семи пальцев на конечностях, и те, у кого по четыре руки... Словом, все они, все считают, что их образ и есть единственно верный, что Древние были именно такими...

Поначалу это, конечно, казалось диким, абсурдным, но чем больше ты встречаешь самых разных отклонений, твердо убежденных в своей единственной правильности, тем меньше... Тем меньше тебе это кажется странным, понимаешь? Ты... ты начинаешь спрашивать себя: а какие у меня есть доказательства моей правильности? Почему я так уверен, что это я создан по образу и подобию? И... и вообще, откуда я знаю, что есть образ и подобие? Какой он? Ведь в Библии ничего не говорится о том, какие были Древние? Библия не дает определения человека. Определения есть в «Откровениях» Никольсона, а он сам утверждает, что писал их через несколько веков после Великой Кари. Так откуда же он, Никольсон, спрашивала я себя, знал, что он сам создан по образу и подобию божьему? И... знал ли вообще?!

3

Много чего еще нараскасал мне тогда дядя Аксель. И хотя все это было очень интересно, но главного, о чем я хотел узнать, я так и не услышал. Наконец я спросил его напрямик:

— Дядя, а города там есть?

— Города? — переспросил он. — Ну... иногда встречаются поселения вроде наших. Такие, скажем, как Кентак, только дома там строят совсем иначе.

— Да нет, я имею в виду другое, — сказал я, — такие... большие... — Я попытался описать ему Город, часто снившийся мне в детстве. Он посмотрел на меня с удивлением.

— Нет, ничего похожего мне видеть не приходилось, — медленно сказал он и покачал головой.

— Может быть, это еще дальше? — спросил я.

— Дальше иди невозможно, — вздохнул он. — Море полно водорослей — таких, что корабль просто не может плыть.

— И ты уверен, что... что там нет Города? — разочарованно спросил я.

— Уверен, — твердо ответил Аксель. — Если бы он был, мы бы хоть что-нибудь слышали о нем.

Мне стало тоскливо. Выходило, что бежать на юг, даже если и найдется судно, на которое мне удастся попасть, было так же бессмыслиценно, как и бежать в Джунгли. Если до разговора с дядей у меня еще были какие-то сомнения, то теперь я был твердо уверен, что снившийся мне город был городом Древних.

Дядя Аксель тем временем что-то бормотал себе под нос об истинных и неистинных подобиях, но вдруг замолчал, испытывающе поглядел на меня и спросил:

— Дэвид! Ты понимаешь, зачем я тебе все это рассказываю?

Я не был уверен, что понимаю, и честно признался ему в этом.

— Вот что я хотел тебе объяснить, — начал он, наморщив лоб. — Никто, слышащий, никто на самом деле не знает: какова она — истинная НОРМА. Слышишь меня? Никто! Они все, — он пренебрежительно махнул рукой, — все, особенно разные там святыши, только думают, что знают. Да и мы, мы сами, только думаем, что знаем, а между тем мы не можем поручиться, что и Древние были истинным образом и подобием господа... — Произнеся это, он посмотрел на меня долгим и изучающим взглядом. — Поэтому-то я и думаю: кто знает? А может быть, та... то свойство, которым обладаешь ты и Розалинда, не отдаляет вас от НОРМЫ, а, наоборот, приближает к ней? Про Древних говорят, будто бы они могли переговариваться друг с другом за сотни и даже тысячи миль. Мы этого делать не умеем, а вот вы с Розалиндой умеете. Ты... Ты подумай об этом, Дэви. Может быть, вы-то как раз и ближе к НОРМЕ, чем мы?

С минуту я колебался и наконец решился.

— Это не только мы с Розалиндой, дядя, — сказал я. — Есть еще... другие.

Он вздрогнул.

— Другие? Кто? Сколько их?

— Не знаю. В смысле не знаю, как их зовут, — пожал я плечами. — Просто я знаю, с кем говорю, как если бы... ну, стоял с ним рядом, лицом к лицу... А про Розалинду... Что это именно она, что ее так зовут, я узнал случайно.

Аксель продолжал смотреть на меня в упор, и мне стало не по себе от его серьезного взгляда.

— Сколько вас? — повторил он свой вопрос.

— Восемь, — сказал я. — Было девять, но один замолчал примерно с месяц назад. Я как раз об этом хотел тебя спросить, дядя Аксель. Ты не думашь, что кто-то догадался?.. Он... так неожиданно замолчал, и мы... Мы хотим знать, не догадался ли кто-нибудь? Понимаешь, если кто-то узнал про него... — Я остановился, но Аксель и без меня знал, что было бы в этом случае.

Некоторое время он молчал. Потом покачал головой.

— Нет, Дэви, не думаю, чтобы кто-то узнал. Мы бы давно услышали об этом. Может, он просто уехал отсюда. Кстати, он жил где-то рядом?

— Думаю, что да. Хотя... не знаю точно, — сказал я. — Во всяком случае, он обязательно предупредил бы нас, если бы уехал.

— Но он бы предупредил вас, и если бы кто-то докопался до вашей тайны, верно? — возразил Аксель. — Я думаю, с ним случилось... Ну, всякое может

случиться с мальчишкой. Так ты хочешь, чтобы я постарался выяснить это, Дэви?

— Да. Пожалуйста, дядя! Мы... Мы все очень боимся! — честно признался я.

— Ну-ну, пока не стоит особенно переживать, — сказал Аксель. — Я попытаюсь что-нибудь разузнать. Так ты говоришь, это был мальчишка и жил он где-то неподалеку, так? Пропал примерно месяц назад... Может, вспомнишь что-нибудь еще?

Я рассказал ему все, что знал, но знал я немного. Впрочем, огромным облегчением было для меня уже одно то, что Аксель обещал мне помочь.

Прежде чем мы расстались с дядей, он еще несколько раз пробурчал что-то о НОРМЕ и о том, что никто не может знать наверняка... Прав ли был он тогда, затевя со мной этот разговор? Не знаю... Может быть, было бы лучше подождать какое-то время, дать мне созреть... Но, с другой стороны, его слова кое в чем помогли мне — не теперь, а позже, много позже... Ну, а пока я лишь поверил ему в одном — убегать из дома не стоило.

Глава седьмая

1

Появление на свет моей сестры Петры, сопровождавшееся обычной в таких случаях реакцией взрослых, для меня было событием загадочным и удивительным. За неделю две до этого в доме, казалось, все чего-то ждут. Но чего именно? Это было для меня загадкой. От меня явно что-то скрывали, и я чувствовал себя очень неуютно — лишним, ненужным, чем-то мешавшим остальным, — пока в материнской комнате не раздался детский писк. Его нельзя было ни с чем спутать, так мог пищать только младенец, а еще вчера никаких младенцев у нас не было. Но утром следующего дня никто и словом не обмолвился о происшедшем. Это было вполне естественно: до прихода инспектора, который должен был удостоверить, что родившийся ребенок полностью соответствует НОРМЕ, никто не рискунул бы обсуждать свершившийся факт. В случаях, если что-нибудь оказывалось неправильным и новорожденному отказывали в официальной метрике, считалось, что никто как бы и не рождался. Таков был порядок.

С рассветом мой отец велел одному из работников оседлать лошадь и ехать за инспектором, до приезда которого все в доме старательно скрывали свое возбуждение и беспокойство и делали вид, что начался самый обычный, будничный день, ничем не отличающийся от вчерашнего.

Однако волнение домашних становилось все более заметным, особенно когда посланный человек, вместо того чтобы привезти с собой инспектора (как обычно происходило, когда дело касалось столь уважаемого жителя поселка, каким был мой отец), вернулся с запиской. Записка, выдержанная в вежливом, но сугубо официальном тоне, гласила, что инспектор постараётся в течение дня выкроить время и заехать к нам.

Даже самый уважаемый и влиятельный житель поселка сто раз подумает, прежде чем сорваться с местным инспектором и оскорблять его во всеуслышание — у того всегда найдется средство рассчитаться с обидчиком.

Отец страшно разозлился, и злоба его бушевала все яростнее оттого, что приходилось сдерживать ее. Ситуация никак не позволяла выплеснуть свой гнев наружу — он ведь прекрасно понимал, что инспектор нарочно провоцирует его на скандал. Все утро отец без дела слонялся по дому, срывая растущую злость на том, кто попадется ему под руку, поэтому все домашние ходили буквально на цыпочках. Никто не осмеливался вслух заговорить о рождении ребенка, пока новорожденный не получит Метрику. И чем дольше задерживался официальный осмотр и выдача бумаг, тем больше

ше было времени для всяких домыслов по поводу причины этой задержки. Вынужденные избегать малейшего упоминания о случившемся, все мы делали вид, будто мать лежит в постели из-за легкого недомогания.

Моя сестра Мэри то и дело входила в комнату, а когда выходила оттуда, старалась замаскировать возбуждение и беспокойство грозными окриками на служанок. Я не отходил от дома, не желая упустить момент официального объявления о случившемся. Отец продолжал слоняться по дому, ища выход накопившейся злости.

Всеобщая тревога и возбуждение усиливались еще и оттого, что в двух предыдущих случаях Метрики выданы не были. Отец прекрасно знал (знал это и инспектор), что многие в округе гадают: воспользуется ли он полагающимся правом — выгонит ли он мать, если и в третий раз произойдет отклонение? Но не бегать же ему было за инспектором (это было и невежливо, и несомненно с понятиями отца о собственной значимости), поэтому не оставалось ничего другого, как ждать и верить в благополучный исход.

Инспектор приехал незадолго до полудня. Отец взял себя в руки и с гримасой, отдаленно напоминающей вежливую улыбку, вышел встречать его на улицу. Необходимость быть вежливым выводила его из себя. Инспектор был холоден и спокоен. Он понимал, что на этот раз отец зависит от него целиком. Он прошел в дом, болтая о погоде. Покрасневший как рак, отец подозвал Мэри, и сестра с инспектором вошли в комнату матери. Настала самая томительная часть нашего ожидания.

Потом Мэри рассказала нам, что, подвергая ребенка щатальному осмотру, инспектор все время бурчал что-то себе под нос и неодобрительно хмыкал. В конце концов он закончил осмотр, и на лице его, холодном и бесстрастном, не отразилось ни единого проявления каких бы то ни было чувств.

В гостиной, которой обычно мало кто пользовался, он присел за стол и, жалуясь на испорченное перо, вынул из сумки бланк, на котором твердым почерком написал, что, осмотрев ребенка, он официально подтверждает появление на свет истинного образа и подобия господы, не имеющего никаких видимых отклонений от НОРМЫ. Последнюю строку он обдумывал так долго и тщательно, словно у него и вправду были какие-то сомнения. Подписав бумагу и поставив на ней дату, он некоторое время сидел с пером, застывшим в воздухе, потом присыпал бумагу песком и вручил кипящему от злости отцу с тем же бесстрастным выражением лица, с которым он вошел в дом. Конечно, никаких сомнений у него на самом деле не было (в этом случае он непременно счел бы нужным проконсультироваться с инспектором более высокого ранга), и отец это прекрасно знал.

Наконец о существовании Петры можно было говорить вслух. Меня официально поздравили с тем, что у меня появилась сестренка, и повели в материнскую комнату, чтобы я поглядел на новорожденную. Она показалась мне такой маленькой и сморщенной, что я даже удивился, как инспектор сумел так быстро закончить свой осмотр. Но коли уж она получила Метрику, значит, все у нее было в порядке.

Пока мы все по очереди подходили смотреть на Петру, кто-то стал звонить на колокол — таракан был обычай. Все на ферме прекратили работу и собрались в кухне для молитвы и вознесений хвалы господу.

2

Два или три дня спустя после выдачи Петре Метрики мне довелось кое-что узнать из истории моей собственной семьи — кое-что такое, о чем я бы предпочел не знать вовсе.

Я тихонько сидел в соседней с родительской спальней комнатушке. Сидел я там не случайно: эта маленькая комната, которую я облюбовал для себя, в такие часы была последним местом, где меня стали бы искать после полудня, чтобы запрячь в работу. Просидев там немногим более получаса, я обычно дожидался, пока двор опустеет, и потом спокойно шел заниматься своими делами. Обычно сидеть здесь было очень удобно и безопасно, но сейчас нужно было соблюдать осторожность, потому что плетеная перегородка, отделявшая эту комнатку от родительской, порядком обветшала и проходила. Мне приходилось сидеть, почти не двигаясь, а то мать услышала бы, что в комнатке кто-то есть.

В этот день я просидел здесь, как мне казалось, вполне достаточно и уже подумывал о том, чтобы потихоньку исчезнуть, как вдруг увидел подъезжавшую к дому двуколку. Когда она проехала мимо моего окна, я узнал тетю Харриет, державшую в руках вожжи. Я видел ее всего несколько раз в жизни (она жила милях в пятнадцати от Вакнунка, где-то возле самого Кентака), но все же она мне почему-то очень нравилась. Она была года на три моложе моей матери, и, хотя внешне они были очень похожи, просто как две капли воды, черты лица были гораздо более мягкими. Несмотря на всю внешнюю схожесть, стоя рядом, они не производили впечатление родных сестер — когда я смотрел на тетю Харриет, мне казалось, что я вижу мать такой, какой она могла бы быть, и, главное,

такой, какой я хотел бы, чтобы она была. С тетей было гораздо легче разговаривать — в отличие от матери она никогда не слушала тебя так, словно ищет, к чему бы придраться.

Я стоял босиком у окна и видел, как тетя привязала лошадь к изгороди, вытащила из повозки какой-то белый сверток и вошла в дом. В доме ее никто не встретил, и через несколько секунд ее шаги послышались возле спальни. Щелкнула задвижка в спальне, и раздался удивленный и не очень приветливый голос матери:

— Харриет! Ты? Так скоро? Уж не взяла ли ты с собой и ребенка? Подумать только, заставить такую крошку проделать весь путь от дома до нас!

— Я знаю, это было не очень разумно, — запинаясь, произнесла тетя Харриет, — но... Что мне оставалось делать? Я должна была, Эмили, слышать, должна!.. Твоя девочка появилась на свет немножко раньше моей и... О, вот она! Она... Она просто чудо, Эмили!..

Некоторое время из спальни не доносилось ни звука. Потом Харриет сказала:

— Ты знаешь, моя кроха тоже очень симпатичная. Взгляни, Эмили! Разве нет?

Вслед за этим наступила секундная тишина, а потом раздались обычные женские сюсюканья, которые уже успели мне за эти дни порядком надоест. По-моему, оба младенца не могли так уж сильно отличаться друг от друга, во всяком случае, настолько, чтобы об этом стоило так долго верещать. Наконец мать сказала:

— Я очень рада, Харриет, дорогая Генри, вероятно, частлив?

— Ну да, конечно, — ответила Харриет, но по ее голосу даже я понял, что она чем-то очень встревожена. — Она родилась неделю назад, — торопливо продолжала тетя, — и я... я не знала, что мне делать, пока не узнала, что у тебя преждевременные... И тоже девочка... Я подумала...

Она помолчала, а потом, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно естественнее, словно между прочим, спросила:

— Вы уже получили Метрику для вашей крошки?

— Разумеется! — Материн ответ прозвучал, как удар хлыста. Ей невольно представил себе выражение ее лица, с которым она произнесла это слово. Когда она заговорила вновь, голос ее звучал еще резче: — Харриет! Ты хочешь сказать, что ты еще не получила Метрики?

В ответ не раздалось ни слова, но мне послышался звук сдавленного рыдания. Холодно и жестко мать произнесла:

— Харриет, дай-ка мне взглянуть на твоего ребенка как следует!

Несколько секунд я ничего не слышал, кроме всхлипываний тетки. Потом она тихо и неуверенно сказала:

— Ведь это такая малость, Эмили... Я думаю, тут нет ничего страшного...

— Ничего страшного?! — рявкнула мать так, что я вздрогнул. — И ты... Ты посмела притянуть своего монстра в мой дом да еще набраться наглости сказать: «Ничего страшного»!

— Но... монстра? Ты сказала, мо... — В голосе Харриет звучала такая острая боль, словно ее жгли каленым железом.

— Немудрено, что ты не посмела звать инспектора, — холодно произнесла мать. Выждав несколько секунд, пока тетка успокоилась, она продолжала: — Мне хотелось бы знать, Харриет, зачем ты принесла... это сюда? Зачем ты пришла с... этим? А, Харриет?

Прежде чем ответить, тетя несколько раз всхлипнула, а когда начала говорить, голос ее звучал тускло и безжизненно:

— Когда она... Когда я увидела ее в первый раз, я хотела убить себя. Я знала, что ее никогда не признают настоящей, хотя отклонение это почти даже и незаметно. Но я не сделала этого, потому что подумала, что сумею как-нибудь спасти ее. Я... пойми, я люблю ее, она... она чудесная девочка, совсем здоровенькая, кроме... кроме этого. Ну, взгляни сама... Взгляни, разве я не права?

Мать молчала, и тетя, вздохнув, продолжала тем же безжизненным голосом:

— Я не знала, просто понятия не имела, как это сделать. Я просто... просто надеялась. Я знала, что могу продержать ее немножко у себя, пока ее не отберут... Ведь по закону дают месяц. Целый месяц... всего месяц, а потом необходима регистрация и... я решила воспользоваться этим сроком. Держать до последнего...

— А Генри? — перебила ее мать. — Что Генри говорит?

— Он... он сказал, что мы должны заявить немедленно. Но я не позволила ему... Я не могла! Эмили, я не могла! Ведь это уже третий раз! Я держала ее на руках и молилась, молилась и... надеялась. А потом, когда я узнала, что у тебя преждевременные... и тоже девочка, я подумала...

— Что ты подумала? — холодно и удивленно спросила мать. — Какое это может иметь отношение ко мне? Хоть убей, не понимаю, к чему ты клонишь?

— Я подумала, — еле слышно произнесла тетя, — если бы я могла оставить свою крошку у тебя, а с собой взять твою...

Судя по воплю, который издала мать, она не сумела даже найти слова, которые выражали бы ее омерзение и ужас.

— Да ведь это же только на день-два, не больше! — торопливо взмолилась тетя Харриет. — Только пока я получу Метрику! Ты... ты же моя сестра, Эмили, моя родная сестра! И только ты можешь помочь мне теперь! Помочь сохранить мою дочь! — Она расплакалась.

Некоторое время мать молчала. Потом она заговорила.

— Никогда в своей жизни, — взвешивая каждое слово, произнесла она, — я не слышала ничего более возмутительного! Прийти сюда в надежде, что я... я буду помогать тебе в этом ужасном противозаконном деле!.. Должно быть, ты просто помешалась, Харриет! Подумать, что я могу одолжить... — Она не успела закончить свою речь, как послышались тяжелые шаги отца, прошедшего мимо моей комнатушки и остановившегося на пороге спальни.

— Джозеф! — с пафосом обратилась к нему мать. — Скажи ей, чтобы она ушла отсюда. Скажи ей, чтобы она убралась прочь и забрала с собой это!

— Но ведь... — озадаченно пробормотал отец. — Ведь это же Харриет!..

Тогда мать подробно, не стесняясь присутствием тетки, рассказала ему все.

— Это... Это правда, Харриет? — по-видимому, не до конца поверив, обратился к тете отец.

Та помолчала, а потом заговорила устало и обреченно:

— Это уже третий раз. Они опять заберут мою дочь, как забрали первых двух, а я... я не вынесу этого. И Генри... Я уверена, он выгонит меня и найдет себе другую жену, которая родит ему нормальных детей. И тогда для меня все будет конечно. Я пришла сюда в последней надежде... пришла за помощью или... хотя бы за участием. Если мне и мог кто помочь, так только Эмили... Но теперь я вижу, как это глупо было с моей стороны — прийти к вам!.. Как глупо было надеяться на вас!..

Ей никто не ответил.

— Что ж, я все поняла, — тихо сказала Харриет. — Я... пойду.

Но не такой человек был мой отец, чтобы дать ей просто так уйти. Не мог он упустить случая высказать свое отношение к подобным происшествиям.

— У меня не укладывается в голове, — начал он медленно, постепенно накаляя себя, — как ты могла прийти сюда, в дом, где любят и почитают господа, с такой просьбой! Но мало того! Я не вижу на лице твоем и тени стыда! Тебе и впрямь не стыдно?

— Чего же я должна стыдиться? — неожиданно спокойно спросила, в свою очередь, тетя Харриет. — Я не совершила ничего постыдного. Нет, мне не стыдно — мне больно. Очень больно, но не стыдно.

— Чего стыдиться? — угрожающе переспросил отец. — Не стыдиться того, что ты произвела на свет кощунство? Не стыдиться того, что ты пытались вовлечь свою родную сестру в преступление, сделать ее сообщницей? — Он перевел дыхание и разразился длинной проповедью. — Слуги дьявола среди нас, рядом с нами. Они только и ждут случая, чтобы сбить нас с пути истинного. Нет предела их стараниям искажать представление об истинном образе и подобии творца, и через наши слабые души они стремятся разрушить и осквернить чистоту расы. Ты согрешила, женщина! Загляни к себе в душу, и ты поймешь, как тяжко ты согрешила! Твой грех позорным пятном ложится на нас всех! Ты забыла, что всякое отклонение от образа и подобия божьего есть богохульство! То, что ты произвела на свет, оскверняет...

— Оскверняет? Богохульство? — прошептала Харриет. — Одна несчастная крошка?

— Крошка, которая, случись все так, как ты замыслила, стала бы взрослой и порождала бы себе подобных. Порождала бы их из поколения в поколение, пока вокруг нас не стали бы кишмя кишеть мутанты — поганые и омерзительные! Так случалось в местах, где ослабевала вера людская, но здесь так никогда не случится! Стыдись, женщина!.. Теперь иди, и да восторжествует в твоей душе покорность, а не гордыня! Заяви об этом властям, как того требует закон, и молись, молись, дабы снизошло на тебя очищение!

Послышались два легких шажка. Ребенок захныкал, когда Харриет взяла его на руки. Тетя подошла с малышкой к двери, отодвинула щеколду и внезапно остановилась на пороге.

— Я буду молиться! — с силой сказала она. — Да, я буду молить господа, чтобы он ниспоспал милосердие в этот кошмарный мир! Чтобы он ниспоспал сострадание к слабому и любовь к несчастным, которым просто не повезло! И я спрошу его: неужто это и впрямь его воля, чтобы ребенок страдал, а душа его была навеки проклята из-за крохотного изъяна на его тельце?! И еще я буду молить его о том, чтобы разорвалось сердце... сердца у таких вот праведников!..

Хлопнула дверь, и я услышал, как тетя прошла по коридору. Я осторожно подошел к окну и увидел, как она вышла из дома, подошла к двуоколке и бережно опустила белый сверток на повозку. Несколько секунд она стояла, пристально глядя в одну точку, потом отвязала лошадь от изгороди, взобралась на сиденье и

положила сверток к себе на колени, одной рукой держась за вожжи, а другой — бережно прижимая ребенка к груди.

Она обернулась, и картина эта навсегда осталась в моей памяти: малыш, прижатый к ее груди, расстегнувшись на кицда, открываяшая шею, невидящие глаза на застывшем, как маска, лице...

Она тронула вожжи, и двуоколка покатилась.

Из соседней комнаты доносился голос отца.

— Ересь! Самая настоящая и неприкрытая ересь! — никак не мог успокоиться он. — Попытку подлога еще можно как-то понять — в такой период женщины могут прийти в голову самые идиотские идеи. Но ересь — это дело другое! Она не только бесстыдная, но и опасная женщина! Никогда бы не заподозрил столь явную ересь в твоей родной сестре... И как могла она подумать, что ты пойдешь на это? Ведь она знала, что ты сама дважды была вынуждена... ну, ты понимаешь, о чем я... М-да, так открыто произносить еретические речи в моем... моем доме! Ну нет, это ей даром не пройдет!

— Может, она просто не соображала, что говорить? — пробко попытала возразить ей мать.

— Ну теперь-то ей придется сообразить! И наш долг — проследить за этим, — твердо сказал Джозеф Сторм, мой отец.

Мать попыталась сказать что-то еще, но неожиданно расплакалась. Никогда до сих пор я не слышал, чтобы она плакала, никогда не видел ее слез. Отец, не обращая на нее никакого внимания, продолжал разглагольствовать о твердости веры, чистоте помыслов и особой важности этой чистоты для женщин... Все это я слышал уже не раз и не два, и никакой охоты слушать дальше у меня не было. Никем не замеченный, я прокрался по коридору и вышел из дома.

Честно говоря, мне тогда очень хотелось узнать: что же это была за «малость» у дочки тети Харриет? Может быть, думал я, это был лишний палец на ножке, как у Софи? Но мне так и не довелось узнать, что это было...

Когда на следующий день до нас дошел слух, что тело тети Харриет нашли в реке, никто и словом не обмолвился о ребенке, будто его и не было вовсе...

Глава восьмая

1

Несколько ночей подряд мне снилась Харриет, лежащая на дне реки, прижимающая белый сверток к груди... Глаза у нее были широко раскрыты, волосы струились по течению, лицо белое, как мрамор... Я был очень напуган всем этим. Ведь все случилось оттого, что ребенок был чуть-чуть не такой, как все. У него было что-то лишнее или, наоборот, чего-то не хватало, и это не соответствовало определению человека. Была какая-то «малость», которая делала его...

Отец назвал его мутантом... Мутант!.. Я вспомнил обрывки текстов, которые мне приходилось заучивать в школе. Вспомнил обращение пришедшего к нам как-то раз по какому-то делу священника — ненависть и ярость были в его голосе, когда он произносил: «Будь прокляты мутанты!»

Мутант — значит проклятый... Мутант — исчадие дьявола, постоянно пытающееся разрушить порядок на земле и ввергнуть нас в пучину хаоса. Превратить всю землю в Джунгли, где нет закона, совсем как на юге — в тех землях, про которые мне рассказывал дядя Аксель...

Я молился горячо и усердно много ночей подряд.

— Господи, — шептал я, — сделай меня таким, как все. Я не хочу быть другим, не хочу ничем отличаться от остальных! Сделай так, чтобы завтра я проснулся таким же, как все! Сделай это, ведь тебе же ничего не стоит!..

Но каждое утро я по-прежнему находил Розалинду или еще кого-нибудь из наших и убеждался в том, что мои ночные молитвы опять ничего не дали. Я просыпалась точно таким, каким засыпал, и шел на кухню, и ел свой завтрак, уставившись на испещренную надписями стену, которая перестала теперь быть для меня частью домашней утвари, а превратилась в постоянный укор мне: «Мутант проклят богом и людьми!» Я был очень напуган...

Дней пять спустя Аксель остановил меня после завтрака и попросил помочь ему починить лемех от плуга. Несколько часов мы работали молча, а потом он предложил передохнуть, и мы уселись на крыльце дома, прислонившись спинами к стене. Он угостил меня куском пирога и, когда мы дожевывали последние крошки, сказал:

— Ну, Дэви, выкладывай.

— Что выкладывать? — вздрогнул я.

— Что на тебя нашло в последние дни? Я прекрасно вижу, что ты будто потерял кого-то и никак не можешь найти, — спокойно и неторопливо ответил он. — Говори, говори, не бойся. Может, кто-то узнал?..

Я рассказал ему про тетю Харриет и ее ребенка.

— Ее лицо... когда она уезжала... — бормотал я, всхлипывая. — Я никогда раньше не видел такого... лица. Я и сейчас его вижу... там... в воде!..

Я поднял глаза на дядя. Выражение его лица было мрачным. Углы губ опущены. Таким я его еще тоже никогда не видел.

— Вон оно что... — процедил он сквозь зубы.

— Все это случилось, потому что ребенок был не такой, как все, понимаешь? И так же было с... с Софи... Тогда я не понимал... Но теперь я... Я боюсь!.. Что они сделают со мной, если узнают?

— Никто никогда не узнает! — сказал Аксель, положив руку мне на плечо. — Никто и никогда! — твердо повторил он.

— Был же среди нас один, который вдруг исчез, — напомнил я ему. — Может, про него узнали?

Он отрицательно мотнул головой.

— Тебе не стоит тревожиться о нем, Дэви. Я узнал, что один парень неподалеку отсюда как раз в то время, о котором ты говорил, погиб... Случайно... Его звали Уолтер, Уолтер Брент, лет девять ему было. Не повезло парнишке: слонялся возле лесорубов, ну, его и придавило деревом ненароком.

— А где это было? — спросил я.

— Милья в десяти от нас. На соседней ферме.

Я задумался. Вроде все сходилось, и это мог быть как раз тот случай, когда один из наших неожиданно замолк. Не желая зла этому неведомому Уолтеру, в глубине души я страстно хотел, чтобы погибшим оказался именно он — один из наших.

Аксель помолчал, наблюдая за мной. Потом сказал:

— Вовсе не обязательно, чтобы кто-то узнал про вас. Ведь это не видно... ну, снаружи не видно... Узнать могут только, если ты сам себя выдашь. Поэтому ты должен быть очень осторожен, Дэви!

— Что они сделали с Софи? — спросил я его тихо-тихо, как в первый наш разговор, но, как и прежде, он пропустил этот вопрос мимо ушей и заговорил о другом:

— Запомни то, что я тебе сейчас скажу, Дэви. Все думают, что они созданы по образу и подобию, но никто не знает наверняка. Я твердил тебе это в прошлый раз, но ты... тебя тогда интересовало другое. Пойми, даже если Древние были такие, как я и все мне подобные, что с того? Ну да, я знаю все эти сказки про них: какие они были могущественные, как был великий и прекрасен их мир и как однажды, когда-нибудь мы вернем себе все, что когда-то утратили. Во всем этом, конечно, полны-полно чепухи. Но даже если в этом есть и немало правды, подумай, Дэви, что хорошего в том, чтобы сплошь повторять их путь — идти за ними след в след? Подумай, где теперь этот их прекрасный мир?

— Их постигла Кара, — машинально повторил я слова многих проповедей.

— Ну да, ты запомнил то, что говорил священник. Так написано и в церковных книгах, и это легко повторять, но совсем не просто понять, особенно если ты кое-что повидал своими глазами. Кара не просто буря или там пожар, наводнения, вроде тех, что описаны в библии. Это как будто все, вместе взятое и в то же время... гораздо худшее. Гораздо более страшное. От этого возники и руины, светящиеся по ночам, и Черные берега, и Плохие земли... Чего я не понимаю сам, так это странных вещей, которые это сделало с оставшимися в живых...

— Но ведь Кара... — начал было я.

— Пустое слово, — нетерпеливо отмахнулся Аксель. — Пустой звук, который ни черта не объясняет. Слово это, конечно, очень удобно для священников: ведь если не объяснить все чудом, многие начнут думать. Они могут спросить себя: «Что мы делаем? Чему молимся? Кто на самом деле были эти Древние? Что такого ухитились они сделать? Чем навлекли на мир такую напасть? И, главное, не случится ли так, что, построив в конце концов мир таким, каким он был, мы навлечем на себя, тихо-тихо как Древние, то же самое?»

— Но, дядя, — подумав, сказал я, — если мы не станем стараться быть похожими на Древних и создавать то, что они утратили, что же нам тогда вообще остается делать?

— Стараться быть такими, какими мы родились. Создавать наш мир, а не утраченный кем-то когда-то, — ответил он. — Наш, понимаешь, Дэви?

— Не очень, — честно сознался я. — Ты хочешь сказать, что не стоит придавать значения отклонениям и... вообще чистоте расы?

— Не совсем так, — подумав, ответил он. — Одну ересь ты уже выслушал от своей тетки, ну так выслушай же еще одну и от дяди... Как ты думаешь, Дэви, что делает человека человеком?

Я автоматически начал перечислять определения. Он оборвал меня, не дав произнести и пяти слов.

— Не то, Дэви, совсем не то. Можно сплести восковую фигурку, у которой будет все в точности таким, как ты сейчас сказал. Но ведь она останется всего лишь фигуркой из воска, не так ли?

— Так, — вынужден был согласиться я.

— Значит, то, что делает человека человеком, лежит внутри него!

— Душа? — неуверенно сказал я.

— Нет, — сухо ответил он. — Ты опять повторяешь чужие слова — слова священников и... разных там... Словом, дело совсем не в этом. Постарайся понять и услышать меня: чем лучше работают у человека мозги,

тем большую ценность он представляет как человек. Тем большего он стоит. Понял?

— Нет,—сознался я.

— Ладно, попробую иначе. Видишь ли, Дэви, человек обрел свой внешний облик задолго до того, как он узнал, что он человек. Это внутри у него что-то случилось, что сделало его человеком. Он нашел в себе то, чего нет у остальных тварей, живущих на земле,—разум. Разум поднял его над всеми, как бы... на другую ступеньку, что ли... И вот теперь, как мне кажется, так или иначе, но ты, Розалинда и все в ваши обрели новое свойство, новое... качество разума. И просить бога, чтобы он отобрал у тебя это свойство, все равно что просить его сделать тебя слепым или глухим. Я знаю примерно, что у тебя сейчас вертится на языке, Дэви, но жить в страхе, все время бояться — невозможного. Да и не нужно. Конечно, все не так просто и даже... немного опасно. Но ты должен трезво взглянуть на вещи, мальчик, и должен сам для себя определить: какую пользу для себя и остальных ты можешь извлечь из своего... свойства. Соблюдая при этом, конечно, осторожность.

Разумеется, я не все понял из того, что он мне сказал. Но кое о чем я задумался, а многое стало понятно мне позже.

Вечером, после разговора с Акселем, я рассказал остальным нашим про Уолтера Брента. Всем нам было жаль его, но мы испытывали огромное облегчение, узнав, что это был только несчастный случай — нелепое и случайное происшествие. Кстати, позже я узнал о довольно странном совпадении: этот Уолтер приходился мне дальним родственником — фамилия моей бабки по материнской линии была Брент.

После истории с Уолтером мы решили назвать друг другу наши имена, чтобы больше никогда уже не мучиться неизвестностью.

Теперь нас было всего восемь. Впрочем, восемь тех, кто мог свободно разговаривать. Были и другие, которых мы иногда улавливали, но их попытки были столь слабыми и неумелыми, что в расчет мы их не принимали. Они были... как бы и зрячими, но лишь настолько, чтобы отличать день от ночи.

Кроме меня и Розалинды, были еще: Мишель, живший милях в трех от нас к северу; Салли и Кэтрин, жившие милях в двух от него; и уже почти на самой границе с прилегающим округом — Марк; Анна и Рэйчел — две сестры — жили на большой ферме, отстоявшей от нашей всего на милю-полторы. Анна была самая старшая среди нас — ей недавно исполнилось тридцать. Погибший Уолтер был самым младшим.

Узнав, как кого зовут, мы совершили второй шаг на пути, ведущем нас к сознанию своей обособленности. Этот наш поступок в какой-то мере ослабил нашу боязнь: каждый перестал так сильно ощущать свое одиночество и мог теперь рассчитывать на поддержку остальных. Шло время, и надписи на стенах в нашем доме, обличающие и проклинающие мутантов, перестали вызывать у меня мучительный страх. Они опять превратились в необходимую, хотя и не слишком приятную, часть нашего домашнего обихода. Правда, воспоминания о Софи и тете Харриет не исчезали, но и они перестали быть такими болезненными, как раньше. А вскоре в моей жизни наступили такие перемены, что у меня уже просто не было времени предаваться тревожным воспоминаниям, бередящим душу.

В нашей школе, как я уже говорил, мы в основном выписывали и заучивали наизусть тексты из библии и «Откровений», которые даже не всегда понимали. Очень немного времени уделялось арифметике. Так что знаний в школе мы получали совсем мало. Родителей Мишеля это не устраивало, и они отправили сына в другую школу, в Кентак. Там он начал узнавать о таких вещах, о которых наши старушки, учившие нас простейшим арифметическим правилам, даже и не слыхивали. Естественно, ему хотелось поделиться с нами всем, что он узнавал сам. Поначалу это получалось у нас

неважно — расстояние между нами было теперь гораздо большим, чем то, к которому мы привыкли, и голос его сперва был слышен неясно. Но недели через две все как-то наладилось, и он уже мог подробно рассказывать нам все, что знал сам. Даже кое-что из того, что он сам не вполне понимал и усваивал, становилось яснее и понятнее, когда мы начинали размышлять все вместе.

Это было жутко здорово — узнавать все новые и новые вещи. Я начинал понимать многое из того, что пытался втолковать мне Аксель, но что раньше было для меня почти пустым звуком. Но все это еще в большей степени вынуждало нас таиться и быть постоянно начеку — я чувствовал, что от этого ощущения мне уже не избавиться никогда. Было очень трудно все время помнить, что можно говорить, а что — нет. Стоило огромного труда порой промолчать, слушая безграмотные разглагольствования старших, выслушивая нелепейшие объяснения самых простых и очевидных вещей, делать те или иные вычисления, зная, что есть другой способ добиться того же результата, гораздо более легкий и удобный...

Случалось, мы бывали неосторожны: порой чьи-то соседские брови недоуменно хмурились, когда у кого-то из нас вырывалась непроизвольная реплика, словцо... Но подобных ошибок с нашей стороны становилось все меньше и меньше, потому что чувствительность к опасности росла в нас с каждым днем. И так вот, находясь в постоянном напряжении, всегда начеку, мы прожили шесть лет, не вызывав ни у кого прямых подозрений. Может быть, так продолжалось бы и дальше, если бы в один прекрасный день мы не обнаружили, что нас уже не восемь, а девять.

Глава девятая

1

Самое странное для нас было то, что девятой оказалась моя маленькая сестренка — Петра. Она была такой обычной, такой нормальной, что никому и в голову не могло прийти, что она — одна из нас. Прелестная, жизнерадостная девочка с золотистыми локонами... Я и теперь легко могу представить ее себе такой: чистенькая, всегда нарядная, ни секунды не сидящая на одном месте, носящая по двору и таскающая за собой косоглазую куклу — самую свою любимую, хотя и довольно уродливую игрушку. Она и сама была, как игрушка, чудная, забавная игрушка, как и все дети, немного капризная, с мгновенными переходами от слез к смеху, от обид к радости. Я очень любил ее, да и все, даже отец, готовы были в любой момент оторваться от дел, чтобы приласкать ее. И никогда бы мне в голову не пришла мысль о какой-то ее необычности, если бы не однажды...

Нам всем тогда очень хотелось пить. Мы косили траву в шестером — я и пятеро работников с нашей фермы. Я остановился передохнуть и протянул свою косу соседу, желая поменяться с ним, как вдруг меня ударило... Никогда мне не доводилось испытывать ничего похожего. Всего секунду назад я, не торопясь, выпустил из рук косу и с удовольствием потянулся, а в следующий момент что-то физически ударило меня, словно внутри головы что-то взорвалось. Я буквально пошатнулся от этого удара. Потом пришла боль — сильная боль, неудержимо, помимо моих воли толкающая меня вперед, причем в первые несколько мгновений я даже не думал, иди мне или нет, — я просто подчинялся этой зовущей и толкающей меня вперед боли. Под удивленными взглядами всех, кто был со мной рядом, я стремительно пересек поле и побежал. Я не отдавал себе отчета в том, почему я бегу именно в этом направлении — через овраг, вдоль забора, вниз к пастбищу и к реке...

Продираясь сквозь заросли, краем глаза я видел поле, примыкающее к реке, поле Ангуса Мортона с тропинкой, рассекающей его посередине, которая вела к мостику... По этой тропинке неслась как сумасшедшая Розалинда. Я спустился к реке и побежал вниз по течению — туда, где было много глубоких омутов. Что-то по-прежнему неудержимо толкало меня вперед, хотя сознание мое отказывалось понимать, куда и зачем я бегу. Река в этом месте дважды образовывала небольшие заводи. Я побежал ко второй и с разбегу нырнул в нее. Через секунду я оказался лицом к лицу с Петрой, которая бульхала в воде, уцепившись за растущий на берегу возле самого краешка реки куст. Куст еле-еле держался на земле остатками корней, еще минута, и он сорвался бы в воду. Сделав несколько взмахов руками, я подплыл к Петре и обхватил ее под мышки.

Боль, не покидавшая меня все это время и толкавшая сюда, сразу прошла. Я вытащил Петру из воды и усадил на берегу. Только тогда я оглянулся и увидел рядом с собой Розалинду. Лицо ее выражало сильнейшую тревогу, и она глядела на меня с немым вопросом.

— Кто это был? — выговорила она наконец дрожащим голосом и приложила трясущуюся руку ко лбу. — Кто мог так сделать?

Я коротко объяснил, как было дело.

— Петра? — недоверчиво переспросила она.

Я уложил сестренку на траву. Она была почти без

сознания, но дышала уже ровно. Ничего страшного с ней как будто не случилось. Розалинда подошла к нам и тоже наклонилась над Петрой. Мы молча глядели на вымокшее платье девчушки и потемневшие от воды ее кудряшки. Потом мы отвели глаза от Петры и поглядели друг на друга.

— Я и понятия не имел, — сказал я, — никогда бы не подумал, что она одна из нас.

Розалинда прижала ладони к лицу и неуверенно провела кончиками пальцев по лбу. Потом она покачала головой и посмотрела на меня очень внимательно: в глазах ее еще отражалась боль от испытанного только что удара.

— Она не одна из нас, — прошептала Розалинда. — Она... что-то вроде нас, но... не такая. Никто из нас не сумел бы так приказать. Она... она что-то большее, чем мы...

В это время к нам уже подбегали люди, кто-то заметил, как я сломя голову мчался по полю, кто-то видел Розалинду, выскочившую из дома, как на пожар. Я взял Петру на руки, чтобы отнести домой. Один из наших работников, с которым я был на косовище, озадаченно смотрел на меня, пытаясь что-то сообразить.

— Как это ты узнал, что она здесь? — наконец проговорил он. — Я не слышал ни звука, а ведь был рядом с тобой.

Розалинда мгновенно обернулась к нему. На лице у нее было написано крайнее изумление.

— Не слышали ни звука? — самым естественным тоном переспросила она. — Да она же орала, как будто ее режут! Ее и глухой бы услыхал миль за десять!

Работник с сомнением покачал головой, но мы с Розалиндой уверенно твердили свое, и нам как будто поверили. Я не стал продолжать этот разговор и постарался как можно быстрее уйти.

2

Той же ночью впервые за многие годы я вновь увидел свой старый сон — очищение. Только на этот раз, когда нож сверкнул в правой руке отца, в его левой руке был не теленок, не Софи, а... Петра! Я проснулся в холодном поту...

На следующий день я пытался поговорить с Петрой — поговорить мысленно. Я ужасно хотел объяснить ей, как важно, чтобы она держала свое умение передавать мысли в секрете и ничем себя не выдавала. Я старался долго, но у меня ничего не выходило: никакого контакта у нас с ней не возникало. Ко мне присоединились все наши — старались терпеливо, но безрезультатно. Я хотел было предупредить Петру обычными словами, просто поговорить с ней, но Розалинда была против.

— Скорее всего она сумела сделать это, потому что здорово испугалась, — сказала Розалинда. — Если она сейчас не отвечает нам и вообще никак не реагирует, то, по-моему, она просто не понимает, что с ней произошло... И не помнит. Поймите, в этом случае ее нельзя посыпать в нашу тайну! Не надо! Ей всего шесть лет, и подвергать ребенка такому риску просто нечестно!

В конце концов мы все согласились с этим. Мы знали, как трудно следить за каждым своим словом, даже когда ты уже привык к этому. Мы решили отложить разговор с Петрой, пока какой-нибудь случай не сделает этот разговор неизбежным или пока она не подрастет настолько, чтобы понять, о чем мы хотим ее предупредить. Пока же мы решили время от времени пробовать говорить с ней, и если нам так и не удастся установить с ней контакт, пусть все идет своим чередом.

За последние годы мы многое узнали о людях, живущих рядом с нами, о том, чем и как они живут. То, что раньше казалось забавной игрой, пусть немного опасной, но все же игрой, превратилось для нас в хождение по краю пропасти. Мы твердо знали: для того, чтобы выжить, мы должны ничем не отличаться от остальных — есть, пить, разговаривать и вообще жить точь-в-точь, как они. Мы были наделены особым чувством, которое, как говорил Мишель, можно было бы назвать счастливым даром, но для нас в мире, где мы родились, он был скорее проклятием. Самый тупой и ограниченный человек в округе был счастливее нас — ведь он был таким, как все. Мы же были другими и поэтому были обречены на вечное молчание, скрытность, ложь. Бессперспективность такого существования, невозможность делать то, что было назначено нам природой, вынужденность молчать, когда мы могли сказать гораздо больше, чем другие — все это особенно сильно действовало на Мишеля.

Его более развитое, чем у нас, воображение заставляло его ясно видеть всю бессмыслицу такой жизни, всю невозможность какого бы то ни было выхода, и поэтому ему было гораздо тяжелее, чем нам. Что касается меня, то нынешнее положение дел меня вполне устраивало. Я лишь изредка начинал ощущать всю нелепость нашего прозябания, но когда эти мысли приходили мне в голову, их тут же гасило обостренное чувство опасности, которое с возрастом стало частью моей натуры. В особенности это чувство обострилось

после одного самого обычного летнего дня, примерно за год до истории с Петрой.

Это было скверное лето. Так же, как и Мортоны, мы лишились трех полей, всего же в районе выжгли в тот сезон около тридцати пяти. За последние двадцать лет никто не помнил такого количества отклонений у злаков. Каждую неделю кого-то тащили в суд за умышленное сокрытие урожая с отклонениями или за недонесение о преступлении среди его скота. В довершение ко всему нам пришлось трижды отбиваться от нападений из Джунглей. Как раз после третьего рейда я обратил внимание на старого Джейкоба, выкорчевывавшего что-то у себя в саду.

— Что это? — спросил я, остановившись возле его изгороди.

Он вткнул мотыгу в землю и облокотился на нее. Сколько я его помнил, он все время что-то полол и выкорчевывал в огороде и в саду, и представить его себе за каким-нибудь другим занятием было просто невозможно. Он повернулся ко мне свое морщинистое лицо, обрамленное седыми космами волос, сливающимися с такими же седыми бакенбардами.

— Бобы, — кратко сказал он. — Теперь эти чертовы бобы у меня неправильные. Сперва картошка, потом помидоры, теперь вот эти чертовы бобы. В жизни еще не видел такого лята! Ну, картошка, помидоры — это еще куда ни шло. Но где, черт возьми, видано, чтобы и бобы стали неправильными?

— А вы уверены, что они неправильные? — спросил я его.

— Уверен? — возмущенно фыркнул он. — Что ж, я, по-твоему, в мои-то годы не знаю, какими должны быть настоящие бобы? — Он злобно покосился на свой огород.

— Да, лето действительно неважное, — поспешил с ним согласиться я.

— Неважное! — передразнил он меня. — Да это же черт знает, что такое! Недели работы — кошке под хвост! Свиньи, овцы, коровы жрут за милую душу все, что для них заготовили, и все затем, чтобы породить на свет проклятую богом нечисть. Люди слоняются без дела, того и гляди что-нибудь стащат, и приходится следить за своими же работниками вместо того, чтобы заниматься делом. Даже мой сад — мой — и тот полон отклонений. Что и говорить, худое лето. Но то ли еще будет, помяни мое слово! — выкрикнул он с мрачным злорадством. — То ли еще будет!

— Почему? — спросил я.

— Это неспроста! — твердо выговорил он. — Это кара, и они это заслужили! Ты только глянь — кругом одна распущенность! Взять хоть молодого Теда Норбета: отдался небольшим штрафом за то, что скрыл приплод у овцы — десять ублюдков. Да еще успел сожрать их всех, кроме двух, прежде чем на него донесли. Если бы только его отец увидел такое! Да он бы из гроба встал! Знаешь, что бы он получил за то же самое? Ну, он-то, конечно, никогда такого бы себе не позволил, даже в мыслях — это я тебе так, к примеру... Не знаешь? Так я тебе скажу: его публично проклятия были в недели покаяния и отобрали бы десятую часть всего его имущества! Вот так-то... Поэтому в мое время таких вещей не случалось. А теперь... — Он махнул рукой. — Что им какой-то штраф! И вот так повсюду — распущенность, попустительство, никаких устоев... Но с богом шутки плохи! Нам грозит новая кара, помяни мое слово, и это лето — только лишь начало! Ты знаешь, я рад, что уже стар и, даст бог, умру своей смертью. Но кара грядет, она уже не за горами, помяни мое слово!.. А все горе в том, — продолжал он, переведя дух, — что все правительственные регламенты пишутся слабодушными балabolками там, на востоке. Все эти политики с востока никогда не жили в таких местах, как наши. Что ж они там могут знать? Они и мутанта-то в глаза не видали, вот и сидят и пишут черт-те что! Не-ет, такой сезон, как нынешний, он неспроста! Это — предупреждение всем нам, помяни мое слово! — Он опять махнул со злобой рукой и, отдававшись, вновь разразился тирадой:

— Как, по-твоему, добились мы того, что юго-запад стал богоугодным местом? Как мы справились с мутантами здесь? Как сохранили веру? Не знаешь? Ну, так я тебе скажу: уж, во всяком случае, не какими-то там штрафами... Не-ет! Это делалось по-другому! Твердой рукой искоренялся грех, и если уж кого наказывали, то его наказывали, да так, чтоб другим неповадно было! Когда мой отец был юнцом, женщину, произведшую на свет мутанта, били кнутом. Если же она трижды была повинна в этом, у нее отбирали Метрику, объявляли вне закона и продавали в рабство. Только так можно добиться твердости веры и чистоты расы. Отец мне говорил: в его время было гораздо меньше всякой нечисти, а все потому, что если попадалась такая дрянь, то ее сжигали, как сейчас сжигают отклонения!

— Сжигали?! — ошеломленно воскликнул я.

— А разве не так очищаем мы землю от разной нечисти? — сощурившись, спросил он меня.

— Ну да, — пробормотал я. — Но ведь это землю... То есть я хочу сказать... Разные там растения или животные, а... тут ведь другое...

— Это «другое» еще хуже! — выкрикнул он. — Это же сам дьявол смеется над образом и подобием господина! Их надо сжигать, как это делалось раньше! Но ка-ак

же? — Он издевательски растянул рот до ушей. — Ведь эти слоняя в Риго, которые... Словом, они ведь говорят, что, мол, хоть они и не люди, но выглядят почти как люди, и поэтому их уничтожение будет вроде бы убийством. Дескать, это может многих отпугнуть. Вот из-за них-то, слоняев, которых это, видите ли, может «отпугнуть», у нас теперь новые порядки. Теперь, видите ли, этих «похожих на людей» можно только лишь изгонять в Джунгли, а младенцев просто относить туда и оставлять на волю провидения. Это по-ихнему более милосердно! Слава богу, у правительства хватает ума не давать им размножаться. Но готов спорить на что угодно: есть среди властей такие, которым и это не по вкусу. А в результате — больше набегов из Джунглей, значит, больше денег уходит на все эти рейды! Да-а, то ли еще настанет!.. Какого же черта, хотел бы я знать, тогда орать: «Проклятье мутантам!» — если мы обращаемся с ними, словно они наши родственники? А?

— Но ведь... мутант не виноват, что он родился таким, — попытался возразить я.

— Не виноват?! — рявкнул Джейкоб. — Скажи-ка, а тигр виноват в том, что он тигр? Ведь нет же, но ты убиваешь его, или он убьет и сожрет тебя! Не-ет, по мне лучше старые добрые времена, когда человеку было позволено выполнять свой долг и жить в чистоте. А теперь... — Он махнул рукой в очередной раз. — Мы навлекаем на себя новую кару, помяни мое слово...

Он долго еще бормотал, что-то выкрикивал и размывкал руками, как древний пророк, но я уже плохо вслушивался в его речь. Слишком уж страшно все это звучало. Я уже давно отошел от него, а он все никак не мог успокоиться.

Отыскав в тот же день Акселя и коротко передав ему то, что я услышал от Джейкоба, я спросил, много ли еще таких, как этот фанатик. Аксель задумчиво почесал затылок.

— Думаю, разве что несколько стариков, — ответил он. — Они ведь не забыли еще то время, когда не было никаких инспекторов и каждый сам решал, как ему жить. Правда, есть и помохом... Но большинство вряд ли захочет возврата к прежним временам. Уже многие не так придиричны к отклонениям, как их отцы и деды, да и вообще сейчас мало сторонников крайних мер. Большинству хватает того, что мутантам не дают размножаться, но скажу тебе честно: дай им еще пару таких урожаев, как нынешние, и они уже не будут сидеть сложа руки.

— Но почему? Дядя, почему выдаются сезоны, когда столько отклонений сразу? — спросил я.

— Не знаю, — пожал он плечами. — Говорят, это как-то связано с погодой. Говорят, когда сильная зима и ветер с юго-запада, отклонений больше. Но не в первый сезон после такой зимы, а через один. Говорят, ветер приносит что-то с Плохой земли, но никто не знает, что это такое. Старики думают, будто это знак, вроде как напоминание о каре. Они говорят, что, мол, будет еще хуже, потому что мы свернули с пути истинного. Кстати, следующий год будет и вправду еще хуже, и больше станет людей, прислушивающихся к подобным речам... Будут искать, на ком бы выместить свою злобу.

Последние слова он выговорил медленно и отчетливо, не сводя с меня внимательного и задумчивого взгляда.

Я понял намек и рассказал обо всем нашем. Аксель оказался прав: следующий год был не лучше предыдущего, и люди все ревностнее искали козлов отпущения. К укрывательствам отклонений стали относиться уже не так небрежно, как это было раньше, и все эти события усилили нашу тревогу (а она и так была немалой), тревогу за Петру.

Целую неделю после истории на реке мы в страхе ждали, что начнутся новые расспросы, но вроде бы все обошлось. По-видимому, так как нас было двое — я и Розалинда — и прибежали мы с разных сторон, нам поверили. Это успокоило нас. Но ненадолго. Прошел месяц, и мы столкнулись с новой неожиданностью.

Анна объявила, что выходит замуж...

Глава десятая

1

Когда она впервые сказала нам об этом, мы сразу почувствовали вызов в ее тоне. Поначалу мы не восприняли это всерьез. Трудно было в это поверить, и мы все были уверены, что это всего лишь шутка. Во-первых, ее избраником, как она сказала, был Аллан Эрвин — тот самый Аллан, который донес на Софи. И потом, у родителей Анны была хорошая ферма, немногим меньше, чем весь Вакнук. Аллан же был сыном простого кузнеца, и стать он мог только кузнецом, как его отец. Внешне он вполне подходил для этой работы — был высок и силен, но на этом все его достоинства кончились. Было ясно, что родители Анны не одобряют ее выбор, поэтому сначала мы не особенно беспокоились. Но, как оказалось, напрасно.

Каким-то образом она сумела уговорить мать и отца, и скоро мы узнали, что свадьба Анны и Алана — дело решенное. Это был гром среди ясного неба. Волей-неволей, а мы были причастны к происходящему — нас не

могло не коснуться это событие, и, несмотря на нашу молодость, мы ясно представляли себе, чем все может кончиться. Первым попытался поговорить с ней Мишель.

— Анна, милая, это же безумие! Ты не должна этого делать, хотя бы ради себя самой! — пытался убедить он ее. — Ведь это все равно, что связать свою жизнь с... с калекой. Подумай, мы все просим тебя! Подумай сама, к чему это может привести?

— Я не дурочка! — злоно отозвалась она. — И уж будьте уверены, я хорошо подумала, прежде чем решиться на это. И думала больше, чем все вы! Поймите, я женщина! И я хочу выйти замуж, рожать детей!.. Я имею на это право! Вас трое, а нас, женщин, пятеро. Что же, по-вашему, две из нас так или иначе обречены на одиночество?! Никогда не иметь семьи, своего дома?! Выходит, все равно две из нас должны выйти за нормальных. Я люблю Алана и хочу выйти за него!..

— Нельзя этого делать! — терпеливо убеждал ее Мишель. — Наверняка мы не одни такие. Где-то должны быть еще... Может быть, не в нашей округе... Если бы ты немножко подождала...

— Почему я должна ждать? Я могу так прождать годы, прождать всю мою жизнь! Я нашла Алана, уже нашла, а вы хотите, чтобы я честил знала сколько ждала человека, который, может быть, вообще никогда не появится... И кого, быть может, я возненавижу вместо того, чтобы полюбить, если даже он и придет! Так вот, знайте: этого не будет, потому что я так не хочу! Не моя вина в том, что я не такая, как все. Но у меня, как и у всех, есть право жить!.. Конечно, мне будет нелегко. Но неужто вы думаете, что мне будет легче жить вот так, как сейчас? День за днем, год за годом быть одной... Допустим, вы трое женитесь на трех из нас, а что станет с двумя оставшимися? Они будут и не со всеми остальными, но и не с вами — они... Для них вообще не будет места! Так что же, по-вашему, они должны просто... просто исчезнуть?! Это у тебя, Мишель, неладно с мозгами! Ты сам разучился думать, вернее, вы все. Я-то хоть знаю, чего я хочу и что мне делать, а остальные ведь даже не думали об этом, потому что никто из вас не влюблялся, кроме Розалинды и Дэвида. Вы просто не сталкивались еще с тем, с чем столкнулась я...

Кое в чем она была права. Но если мы и не решали всех проблем, с которыми нам предстояло столкнуться, мы хорошо представляли себе все сложности, с которыми сталкивались уже, причем сталкивались постоянно, изо дня в день.

Смутно, подознательно мы надеялись когда-нибудь избавиться от необходимости постоянно лгать, притворяться. Как? Когда это произойдет? Мы не знали. Но одно мы знали твердо — брак с нормальным, вообще любое близкое соприкосновение с НОРМОЙ станет для любого из нас невыносимой мукой. Наше теперешнее положение, наша жизнь в домах с родными и близкими — все это было очень тяжело. Но жить как... как муж с женой с тем, кто не умеет говорить, стало бы просто невыносимым. Во-первых, любой (или любая) из нас все равно был бы более близким всем на шим, чем «нормальному», с которым бы он (или она) жил. Этот брак неизбежно вылился бы в видимость брака, где люди были бы разделены даже больше, чем говорящие на разных языках.

Это было бы несчастьем, пародией на близость, это вылилось бы в постоянную боязнь выдать себя, ненароком оговориться. А ведь мы знали, что подобные оговорки неизбежны.

Другие люди казались нам такими скучными, такими ограниченными по сравнению с нами... Разве может «нормальный» понять, что значит думать вместе, если на языке слов это даже звучит как-то нелепо? И как он может понять, что два мозга могут сделать то, что никогда бы не смог один? Нам же не нужно подбирать слова — даже если бы мы в разговоре и захотели скрыть что-то друг от друга, в чем-то притвориться, вряд ли у нас бы это получилось. Мы не могли даже как-то неверно понять друг друга, так что же могло выйти, если бы один из нас стал бы привязан к «нормальному», который в лучшем случае может лишь смутно угадать, что чувствует близкий ему человек? Нет, ничего не могло тут выйти, кроме изнурительной замкнутости, невыносимого притворства. И все это неизбежно закончилось бы роковой оговоркой... Несколько незначительными, случайно сорвавшимися с языка словами, которые постепенно начинали вызывать все большее подозрение, и тогда...

Анна понимала все это не хуже нас. Но сейчас она предпочитала обманывать себя. Желая подчеркнуть незыблность своего решения, она перестала вступать с нами в контакт, не отзывалась на обращения. Но мы так и не знали: совсем она «закрылась» от нас или продолжает слушать, не вступая в разговор? Мы склонялись ко второму и поэтому даже не рисковали обсуждать между собой создавшееся положение. Да и что в самом деле мы могли предпринять? Лично я ничего не мог придумать, Розалинда тоже была в растерянности.

Перевел с английского
Феликс САРНОВ.

Продолжение следует.

ОПРОКИНУТЬ

МИР

Евгений ДОДОЛЕВ

Через месяц-другой после нашей встречи Клара вышла замуж и уехала за тридевять земель, на родину своего нового супруга.

Собственно, как выяснилось, Клара тогда искала встречи, чтобы шантажировать разоблачениями мешавших осуществлению ее замысла подруг. Точнее, коллег, работавших с ней в доле. Ведь они были очень тесно повязаны друг с другом своими грязными делами. И вообще в мире ночной охоты за любое неудачное словечко, за всякий неосторожный шаг, за каждое нарушение уговора приходится расплачиваться жестоко. Хорошо, когда дело ограничивается лишь выплатой «неустойки». Неизвестно кем и когда придуманные системы штрафов и всяких прочих наказаний составляют свод неписанных законов, контролирующих отношения современных лореток и их сообщников.

По мнению же Кларинных друзей, «она слишком сладко устроилась», поскольку замуж вышла без хлопот и проволочек, уклонившись от самого разного рода обязательств перед своими товарками. И, главное, муж у нее — едва ли не миллионер, а не просто так. Пусть и за семьдесят ему — «в этом тоже свои плюсы». И даже тени мысли не было ни у кого из них о том, что человек бросил родную землю, родных, близких... В этом мире свои понятия. А те, что дороги нам, распроданы.

Все они готовы выйти замуж по ходу-развращенному расчету. Идет целенаправленная глобальная самопродажа во имя звонкой монеты, «крайней жизни».

Даниэль Дефо в «Радости и горестиах знаменитой Молль Флендерс» недвусмысленно писал, что девушка, разделившая одной корысти ради супружеского ложеснелюбимым мужчиной, вполне способна вследствие отдаваться за чистоган тому, кто готов платить, кто больше даст...

Вступая в брак лишь с целью извлечь из этого союза материальные блага, человек — будь то мужчина или женщина — предает прежде всего самого себя, потому что близость с существом нелюбимым, а то и просто отталкивающим не проходит бесследно. Она день за днем уродует сознание, души. Последствия такого альянса самые печальные.

Сколько жизненных драм разыгрывается за кулисами противоестественной «гонорарной любви»! Даже более или менее терпимое отношение к своему хозяину перерастает в озлобленную раздражительность, а то и просто-таки патологическую ненависть к своему мучителю, который начинает вызывать неприязнь всем своим обликом, каждым жестом, словом, взглядом...

Такие явления — дело обычное в по-

добных семьях. А расстаться с наживой нет сил! Так и хочется урвать еще, побольше! Помните, Остап Бендер предупреждал бедолагу Балаганова, что за каждую скормленную калорию потребует от него массу услуг? А здесь женщины по своей воле изо дня в день выдавливают из себя все, что есть в человеке искреннего, глубокого, настоящего... Расправа над собой идет безжалостная — ведь иначе не выживешь... Жить можно только по законам этого мира.

Латинский глагол *prostituo* означает — позорю, бесчещу... Корыстолюбивые супруги бесчестят не только себя, но и своих партнеров и рады бы обеспечить всех и все вокруг, чтобы все подчинялись их законам, их нормам, их идеалам. Сами проститутки весьма охотно пропагандируют идею о выгодном замужестве без всяких симпатий к своему благоверному.

Не знаю, как в силу национальных традиций относятся к продажной любви, например, в Японии, где издревле процветал институт гейш, или, скажем, в Америке, где бок о бок с оснащенной парком спецмашин и компьютерами полицией нравов функционирует пестрая, как неон бродвейских реклам, разветвленная, как система федеральных скоростных шоссе, и гигантская, как нью-йоркские небоскребы, сеть массажных салонов, «мужских» саун, «кварцевых кабинетов» и заведений, по сути своей представляющих просто бордели.

Но у нас к женщинам легкого поведения отношение всегда было отнюдь не легким и снисходительным. Свидетельством тому — пословицы и приказки по этому поводу, пусть и не всегда ласкающие ухо, приличные по форме, но зато без привкуса ханжества, содержательно-едкие и уничижительные, бывающие не в бровь, а в глаз. Народ всегда ясно осознавал, сколь опасно открытое существование подобных женщин для нравственного здоровья общества.

Помните у Чехова? До чего должен дойти русский человек, чтобы работать в публичном доме?! Сколько же нужно обмельчать и оскудеть душой, изуродовать ум, чтобы сегодня обратиться к такому промыслу!

Вот что произошло с нашей современницей по кличке Сигалина (она же Ирина Сигалина): выйдя замуж за работавшего на строительстве московской гостиницы «Космос» французского инженера, она несколько лет назад уехала с ним в Париж. Супруг по характеру своей работы постоянно в командировках, и Сигалина, время даром не теряя, хаживала подрабатывать на ту скандально известную парижскую площадь, где торгуют не только жареными каштанами и ванильной пастрией... Ее задержали раз, другой и поставили на учет. Теперь она, хочешь не хочешь, определенное количество франков обязана

выплачивать в качестве налога. Там свои законы.

Впрочем, той самой площадью географию своего промысла Ирина не ограничивала — до недавнего времени она с завидным постоянством наезжала в Москву: привозила вещи, выполняя заказы своих бывших подружек, и обдирала их при этом беззрно. Но, по их словам, спекуляция — лишь... побочный приработок Ириных вояжей. Она в каждый свой приезд бралась за старое, «работала за бабки». Остановиться не было ни сил, ни желания.

Печать распутного ремесла, подобно клейму на ладони, коим метили проституток столетия назад в Англии, накладывает на сознание женщины такой же отпечаток, как на ее облик.

Ну, как здесь не вспомнить персонажей «Ямы» Куприна? Посчастливилось одной вырваться из двухрублевого притона Анны Марковны, но «...даже и при спокойной жизни было в лице, в разговоре и во всей манере Любки что-то особенное, специфическое, для ненаметанного глаза, может быть, и совсем незаметное, но для делового чутья ясное и неопровержимое».

Ремесло становится натурой.

Исключения не представляет, видимо, и привычка использовать любой случай, чтобы заработать, пусть иной раз и ценой собственного здоровья.

Другого объяснения приключениям Сигалины и ей подобных (например, москвички Ольги Харагути, промышляющей по гостиницам во время отъездов своего заморского мужа) не найти. Если когда-то женщины вынуждали заниматься проституцией причины социально-экономического характера, а также невежество и порочность нравов, то сегодня разговор может идти о чудовищных провалах в воспитании, об отсутствии нравственной точки опоры внутри себя. Следовательно, выход один — изменение человеческой психологии, переориентация общественного мнения о проституции с фарисейски невидящего, нарочито-ханжеского или снисходительно-благодушного на нетерпимое, жесткое, наступательное отношение к этому социальному злу и нравственному уродству. И цель поставлена одна — искоренение порока полностью и бесповоротно. Чтобы не получалось по Мольеру: «Кто грешит в тиши — греха не совершает».

Отправляясь на вечеринку, где предполагается расплата за съеденное-выпитое подобием любви (а многие нынешние профессионалы начинали именно так), девушка уже переступает внутренний рубеж совести. Можно ли ее остановить? Нужно. И прежде всего заставить ее взглянуть на себя со стороны. И еще растолковать, чем все это рано или поздно закончится. Пусть знают. Пусть попробуют задуматься.

...Среди проституток встречаются

женщины с разными судьбами. Но невольно обращаешь внимание на одну деталь — у нынешних дам полусвета и образование в лучшем случае половинчатое. Дело не только в том, что зарабатывать столь немудреным методом скорее станет женщина недалекая и малообразованная; нельзя не заметить и обратную связь — необразованность проституток есть производная из их занятия.

«Ну зачем мне тратить силы, время и нервы на получение диплома, если я сейчас уже зарабатываю больше, чем буду получать после окончания института!» — так примерно рассуждает горе-студентка, засыпающая на лекциях оттого, что всю ночь «работала». «Из газет только «Известия» читаю... когда там официальный курс валют печатают...» — говорила та же Клара.

Это не преувеличение. На панель подаются в основном «простые девушки, двух слов связать не способные», как именует их ночная охотница со стажем (и с высшим образованием, к слову) Галия «Чиж», сетующая на то, что провинциальные эти девушки с лексиконом Элочки Людоедки подрывают конъюнктуру и отбивают хлеб у высококвалифицированных дам, которые, помимо способности связывать слова на двух-трех языках, могут похвастаться еще и твердой, «непрограммированной» таксой...

Галия «Чиж», если воспользоваться старинной терминологией публичных домов, — мадам. Второй десяток лет приторговывает она не только собой, но и своими молоденькими коллегами, которых она же втянула в ремесло. Поэтому она в курсе всех дел и знает, что говорит. Впрочем, вторят ей и другие матерые лоретки: работать стало труднее. Но не потому, что строже стали швейцары, менее покладисты таксисты или требовательнее милиция, нет, просто возросла конкуренция со стороны этих самых «девушек», которых умудренные проститутки клеймят за то, что «они, соплячки, продаются как следуют не умеют»...

Потому и нельзя нам молчать, что слишком много совсем юных среди 726 женщин, гостивших или пытающихся погостить ночами «в жилых домах для иностранцев, расположенных в г. Москве», в течение одного только года.

Из них 104 иногородних, 62 — жительницы Московской области, остальные — с московской пропиской. Но коренных москвичек среди них совсем немного, в основном приезжие... Те, кто растерялся в громаде столичного города нравственные ориентиры, стремясь любой ценой приобщиться к «сладкой жизни», для кого столица представляется огромным кабаком и ничем больше. Они, как слепые и глухие, ничего не видят и не слышат в водовороте городской жизни, кроме шелеста купюр. Убоги и ничтожны их ин-

тересы и запросы. Мирок «ночной охоты» ничтожен по сути своей, но — увы! — не по масштабам.

Сложилась определенная прослойка дельцов, мнящих себя едва ли не аристократами. В этом «высшем свете», где все нравственные категории поставлены с ног на голову, где превыше всего ценится сытое существование, где «встречаются по одежке», а провожают по значимости заключенной сделки, где модель автомашины определяет тон разговора с ее обладателем, современные проститутки чувствуют себя в своей тарелке...

Растленность мысли подразумевает душевную опустошенность. Посему неудивительно, что дамы полусвета спиваются, попадают в психиатрические клиники, рожают больных детей, заключают фиктивные браки с иностранцами, увлекаются наркотиками, оказываются на скамье подсудимых. Закономерен трагический исход любой преступной карьеры. Даже если деяние это не значится в Уголовном кодексе...

...Широкие черные и белые полоски модной шерстяной кофты подчеркивали глубину испуганных, бегающих глаз, бледность похудевшего лица, на котором явно читались тревога и раскаяние. Узнать Вику было непросто.

Сидевшая с ней бок о бок Инка Рыжая держалась поувереннее и порой улыбалась конвойным. Хотя представить, что это нахальная и решительная проститутка Рыжая, глядя на простоватую, выглядящую старше своих тридцати четырех женщину, было непросто.

Впрочем, проходившие чередой свидетели узнавали женщин и не глядя в их сторону, а только ощущая на себе беспокойные, настороженные взгляды.

Так и сидели они рядом, как, бывало, за столиками ресторанов. Только теперь, выражаясь их языком, «ловить было нечего». Потому что сидели они на жесткой скамье подсудимых.

Верховный суд РСФСР, рассматривая минувшей зимой дело Головецкой Инны Алексеевны и Островской Виктории Валерьевны, учитывал все нюансы противоправной деятельности этих двух проституток, посягнувших на валютную монополию государства, но... способы добычи валюты, цинизм морали этих женщин остались вне компетенции судебных инстанций.

Из документов. «За последние годы в Москве, а также в Ленинграде, Киеве, Сочи и других культурно-исторических центрах, курортных и портовых городах страны отмечаются многочисленные случаи вступления женщин легкого поведения в интимные связи с иностранными гражданами за вознаграждение. Подобные факты служат не только источником нетрудового обогащения, но и способствуют росту числа нарушений правил о валютных операциях, спекуляции и других преступлений. Широкое распространение получила также скрупа у зарубежных туристов иностранной валюты, различных вещей и предметов».

Ну, а что же правоохранительные органы? Что они могут противопоставить хищническому нахрапу ночных охотниц и их пособников, которые с напористой энергией превращают улицы упомянутых городов в «панели»? Неужели руки людей, ответственных за правопорядок, связаны?

Из документов. «Вместе с тем в организации работы милиции по борьбе сukanными правонарушениями имеются упущения и недостатки. Не обеспечивается должный правопорядок в местах размещения и пребывания иностранных граждан. В отношении лиц, вступающих с ними в противоправные контакты, слабо используются предусмотренные законом меры».

Врачи уверяют, что недуг легче предупредить, чем потом лечить.

Социальная язва проституции прогрессирует отчасти еще и потому, что возможны лишь оперативные вмешательства в случаях кризисных, когда масштабы противоправной деятельности ночных охотниц вынуждают пресекать их деятельность длительными сроками заключения в местах, весьма

удаленных от «культурно-исторических центров и курортных городов».

Впрочем, в высказывании о «связанных руках» есть рациональное зерно. В цитируемом документе, подписанном заместителем начальника Главного управления уголовного розыска Министерства внутренних дел СССР Г. А. Алексеевым, прямо отмечено:

«Кроме того, проводимые мероприятия по предупреждению и пресечению этих негативных явлений не дают положительных результатов вследствие несовершенства действующего законодательства. Предусмотренные в кодексах об административных правонарушениях санкции за незаконные валютные операции в незначительных размерах и торговые сделки неэффективны в силу своей малозначительности. Нуждается в изменении и существующий порядок обращения в нашей стране иностранной валюты, что позволит сократить число правонарушений, связанных с иностранными гражданами».

И все же последние абзацы письма внушают надежду, что зло, которое представляет собой нечистоплотный промысел ночных охотниц, зло, не укладывающееся ни в рамки народной морали, ни в наши представления о будущем, обретет юридический статус и потребует конкретных и строгих мер.

«Разработаны конкретные меры по усилению борьбы с проституцией, лицами, занимающимися незаконными сделками, другими противоправными действиями. Принято решение о создании в г. Москве специального подразделения милиции, на которое будет возложен весь комплекс вопросов по борьбе с правонарушениями в отношении иностранных граждан и с их стороны, взаимодействие с ведомствами и учреждениями, ведающими приемом и размещением зарубежных гостей...

В настоящее время... подготовлены и направлены на согласование в Прокуратуру СССР и Министерство юстиции СССР проекты предложений об установлении и усилении уголовной и административной ответственности за незаконные операции с иностранной валютой и платежными документами в небольших размерах, скопку у иностранных граждан промышленных товаров и других предметов».

На Западе свои представления о нравственных ценностях. Популярная американская певица Мадонна пропагандирует торговлю чувственностью в открыто: на своей нашумевшей пластинке она в первой же песне, «Материальная девушка», выкладывает свое кредо открытым текстом: «Мужчины приходят и уходят... хорошо лишь тот, у кого плотно набит кошелек...» Что ж, у них свои законы. И хотя с каждым годом к нам приезжает все больше иностранцев, мы не имеем права поступаться тем, что за века накопила и сберегла народная нравственность, что является моральными устоями нашей жизни.

Легче всего отвернуться от явлений, оскорбляющих чувство нашего национального достоинства, успокаивать себя мыслями о том, что вот у них там... Но отравление происходит, разлагаются юные сердца и души, проституция в атмосфере попустительства стала фактом нашей жизни, который уже нельзя замолчать. Если мы смириемся с ее существованием, то как тогда быть с теми непреходящими ценностями, без которых мы не мыслим своего движения вперед? Ведь они несовместимы. А раз так — надо бороться.

Довелось мне однажды прочитать статью, объясняющую существование древнейшей из профессий генетической предрасположенностью... Рождаются дети с врожденным пороком сердца, но не думаю, что у кого-либо есть право сказать про ребенка: появился на свет с врожденным пороком самопродажи...

Проститутками не рождаются — ими становятся. Когда не возвращены в человеке нравственные начала, когда не воспитаны в нем чувства национальной и человеческой гордости, когда способность существования в грязи становится привычным способом существования.

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ «СМЕНЫ»

НЕ ПОВТОРЯЙТЕ МОИХ ОШИБОК!

ПИСЬМО ИЗ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Задуматься и написать вам меня заставили публикации журнала: «Правда и ложь об алкоголе» и обзор писем в ответ на статьи под рубрикой «Не отступим!».

Да, дорогая редакция, надо бить в набат! Ох, как надо! Но мало только лицезреть и комментировать. Надо по-настоящему бороться за судьбу всего человечества. Алкоголь — это смерть! Да, да — это смерть духовная, нравственная и, чего грех таить, физическая. Это должно быть ясно даже школьнику. И тем не менее... Пьют. И как пьют? Юродствуют, под тост тамады: «За борьбу с зеленым змием». Радует только то, что не все юродствуют, основная масса все же действительно борется или по крайней мере готовится дать настоящий бой «огненной смерти». Вы вдумайтесь в это определение — «огенная смерть». Ведь это совсем рядом со смертью «белой» — наркотиками! На одной шкале безумств и пороков. Лишь я затрудняюсь определить, что есть зло большее из этих двух. Да и не в определении нуждается зло любого масштаба, а в истреблении с лица земли!

Я работал в одном из театре г. Запорожье приемщиком телерадиоаппарата. Я мог попросить мастера взять в ремонт чай-либо телевизор вне всяких сроков и очередей и договориться с ним о высочайшем качестве ремонта потому, что был заинтересован в трешке владельца этого телевизора. Вот уж воистину — сами потакаем и сами от этого страдаем и жалеемся на весь мир, но только не на себя! Эти «трешники» и «плятерки» меня и испортили, и погубили. Я забывал временами про аванс и получку потому, что каждый день имел «чевые». Я научился жить не по средствам, ездить только на такси, ужинать, а иногда обедать только в ресторане высшей или, «на худой конец», первой категории. А рестораны вечера без водки или шампанского, пива и коньяка не проходят. Вернее, у меня не проходили.

И ужинал я в ресторанах не всегда один. Друзья, а иногда и незнакомые девицы слетались, как хищники на падаль, когда я появлялся в дверях этих заведений. Как милы и обходительны были все они, когда я платил за их заказы, поил их там и брал им «на дорожку»!.. А меня все засасывала и засасывала эта трясица. Нет, меня совсем не тянуло выпить, просто я уже привык чувствовать себя этаким царьком, повелевающим ордой друзей и размалеванных девиц, исполняющих все мои прихоти за отбивную и сто граммов водки. Конечно же, я презирал их, но вырваться из порочного круга уже не мог, а вернее, не хотел. Мне нравилось и мое положение, и «любовь» накрашенных матрешек.

Но, как известно, человеку сколько ни дай — все мало. «Доход» мой постепенно уменьшался — то ли делать лучше стали телевизоры, то ли сами их владельцы стали умнее, и я ушел из театра. Где я потом только не работал — и на «Запорожстали» слесарем по ремонту мостовых кранов, и огнеупорщиком, и на «Днепропетровской» газорезчиком, и слесарем по ремонту сталеплавильных печей, но всегда «прирабатывал», как только мог...

В один из осенних дней я встретил девушку. Я зашел в комиссионный магазин и остановился посреди зала как вкопанный. Нет слов, чтобы описать ее красоту...

Я влюбился — раз и на всю жизнь! Целый год я как заведенный ездил встречать ее с работы. Целый год я не отходил от нее ни на шаг, не давал покоя ей ни в выходные, ни после работы. Я боялся ее потерять. Забыл про рестораны и друзей. Носил ей цветы не букетами, а охапками и зимой, и летом.

И Ирина полюбила меня. Мы стали мужем и женой. У нас родилась дочь Кристина. Я стал работать в Запорожской областной филармонии. Работал звукооператором. И вдруг — опять все сначала...

Чтобы пить и гулять, нужны были деньги, и немалые. А ставка только девяносто рублей. Что делать? Ответ пришел неожиданно. Я, разгоряченный дозой спиртного, остановил ночью на проспекте незнакомую девушку и отобрал у нее два золотых кольца и серьги, после чего спокойно отправился домой спать. Утром этот золотой груз жег мне руки, но я не кинулся разыскивать незнакомку, а пошел в скупку и сдал эти вещи.

Так я стал преступником. А фактически еще подонком и сволочью. Но этот шаг не прошел безнаказанно. Девушка опознала меня, и я был задержан. Следствие, суд. И вот я уже скоро год как в местах неуловимых и не столь отдаленных. И впереди еще два с половиной года.

А начиналось все с малого, так красиво и блаженно. Так уютно было в ресторанном кресле. Не сравни с казенной табуреткой. Да, как говорится: «По Сенке и шапка». Что заслужил, то и получил. А ведь алкоголиком и даже пьяницей я не был. Пил, чтобы поддержать компанию, не более. И допился.

Так вот, дорогие мои сограждане! Это говорит вам человек, который испытал лично на себе финал «красивой» жизни с бокалом в руке. Бросьте пить, кто употребляет! Оглянитесь вокруг, ведь в мире так много прекрасного, к чему можно приложить свои руки! Одумайтесь, пока не поздно, пока вы еще не подошли вплотную к той пропасти, из которой я вам кричу! Мне скоро 25, а что я видел и что имею? Ничего! Все святое растерял и разбазарил! Предал и пропил! И теперь моим спутником стал страх. Сумею ли я вернуть себе свою семью?.. Ну, а то, что в жизни я не повторю таких ошибок, в этом уверен, поэтому я хочу предостеречь всех остальных от своей горькой участи! Люди! Не повторяйте моих ошибок! Даже если начинаете с малого, конечным пунктом будет разбитая семья и тюремная скамья! Пока не поздно — оглянитесь на свою прожитую жизнь! Если у вас защемило сердце, значит, еще не все потеряно. Что мне делать дальше, как мне жить без любимого человека, без жены и дочери?

Игорь САФОНОВ 31

Продолжается наш традиционный конкурс юмористических рисунков.
Ищем новые имена, интересные идеи, свежие темы!

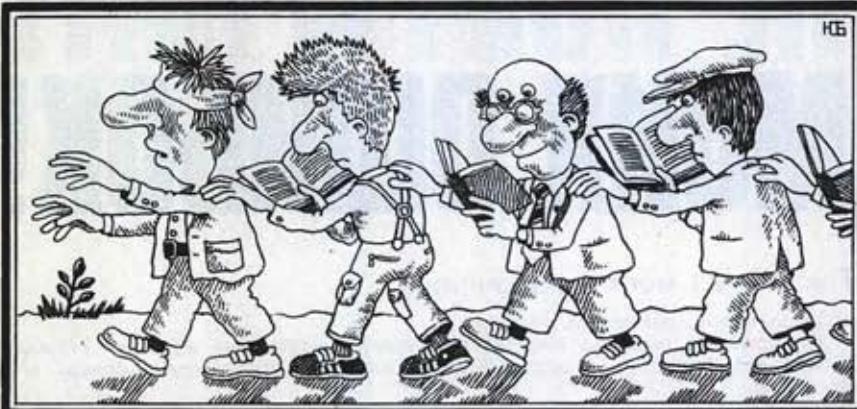

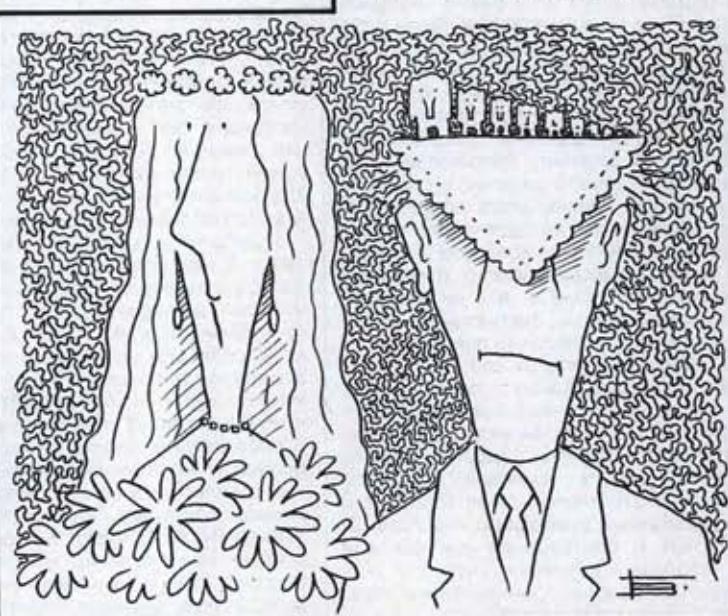
Рисунок Юрия Базюка, Иркутск

Рисунки Вадима Горюнова, Рязань

Рисунок Гали Миргасима, Самарканд

Рисунки Олега Теслера, Москва

Читайте
в ближайших номерах:

Добрые
книги —
ребятам
из детских
домов.

Обком комсомола
и молодежный театр:
вместе или врозь?

Наш корреспондент едет
по письму
молодого рабочего.

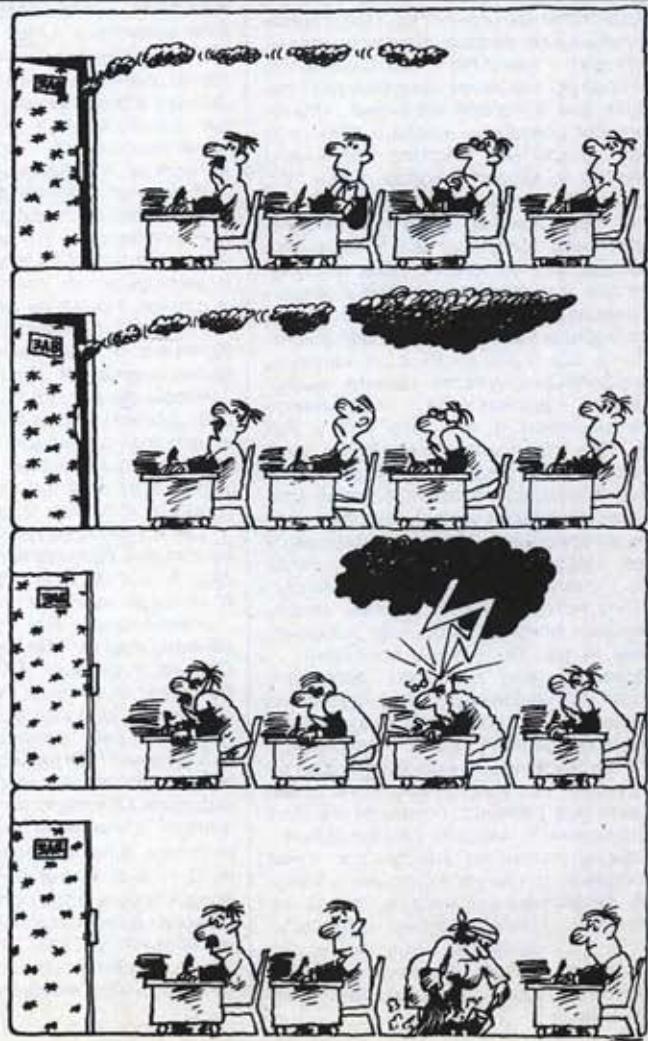
Юрий Нагибин.
Литературный
портрет
Аксакова.

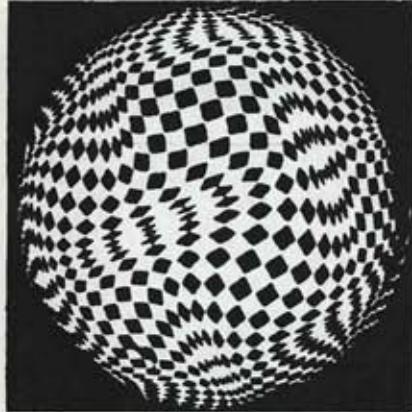
Вениамин Каверин.
«Каким я помню
Зощенко».
Александр Герцен.
Письма дочери и сыну.
Повесть-сказка Аркадия
и Бориса Стругацких.

Уэн
Гретцки —
жизнь
в професси-
ональном
хоккее.

Подписка на «Смену»
не закончилась,
она продолжается.
Вы можете
выписать журнал
в любом
почтовом отделении, в
агентстве «Союзпечати»
до 1-го числа
предподписного месяца.
В розницу журнал
поступает
в ограниченном
количестве.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Требование единственности решения задачи распространяется не на один первый ход, а на все последующие. Если начиная со второго хода к цели ведут разные продолжения, значит, задача имеет **дуали**. Дуали в тематических вариантах считаются **сильными** и приравниваются к побочному решению. Двойственность ходов белых в вариантах, не относящихся к авторскому замыслу, является **слабой дуалю**, которая не лишает задачу права на существование, но может снизить общую оценку задачи. Дуалей надо избегать!

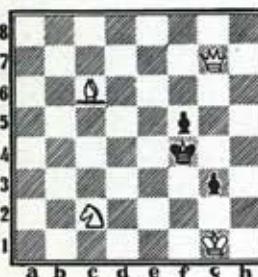
Четвертый тур

I

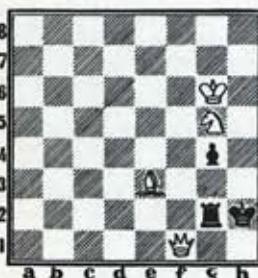
Белые: Кре1, Лс7, Сf8, п. f3 (4)
Черные: Крд3, пп. d5, f4 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Крg1, Фg7, Сc6, Кс2 (4)
Черные: Крf4, пп. f5, g3 (3)
Мат в 3 хода (2 балла)

III

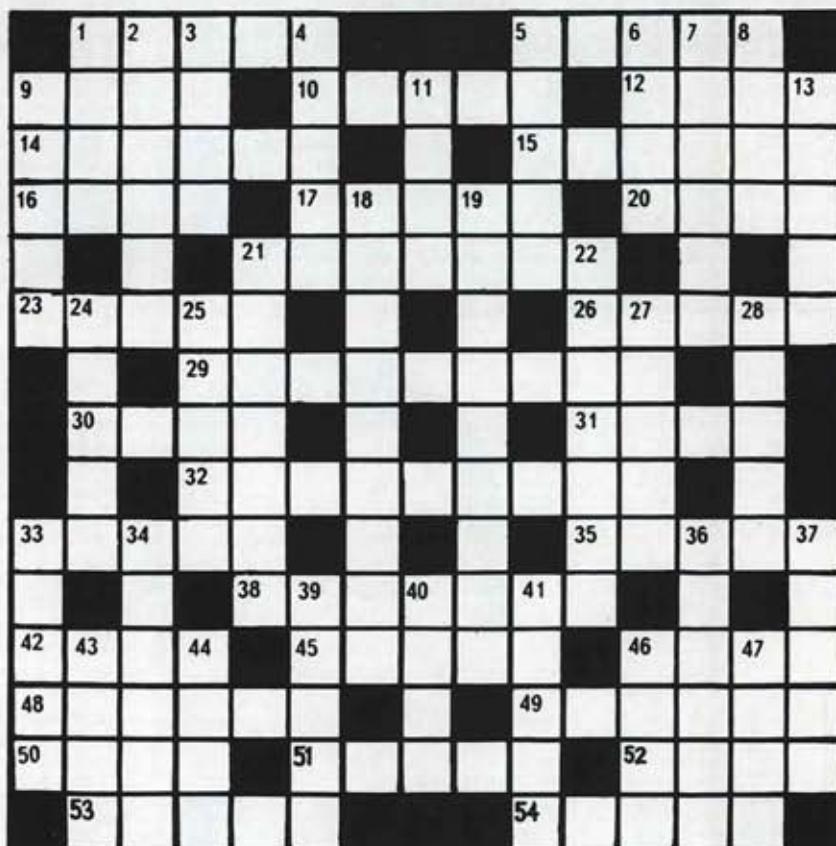

Белые: Крg6, Фf1, Сe3, Кg5 (4)
Черные: Крh2, Лg2, п. g4 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 4-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 1 мая.

КРОССВОРД

Составила А. Тимофеева, Москва

По горизонтали:

- Чей ..., тот и берет (русская пословица).
- Заключительная часть трагедии в древнегреческом театре.
- ... и труд человека дивные дивы творят! (Н. Некрасов. «Дедушка»).
- Пристань на Сухоне.
- Прежнее название — Персия, нынешнее — ...
- Книга с воспроизведением картин художника.
- Лачуга, хижина.
- Грациозный олень, с которым восточные поэты часто сравнивают любимую.
- Родовая ветвь юкагиров.
- Революционер, один из организаторов Российской секции I Интернационала.
- Яма для гашения извести.
- Народная писательница Латвии.
- «... Годунов» — трагедия А. С. Пушкина.
- «Наступил один из тех дней, когда события, ручьями сбегаясь отовсюду, образуют как бы ... некий, охватывающий человека и кружат его в неожиданном хаосе своем до потери разума» (М. Горький. «Лето»).
- Ледовый или снежный парусник.
- Похожая на крапиву китайская конопля.
- Фамилия отца и сына — создателей первого в России паровоза.
- Последний царь Трои (в «Илиаде» Гомера).
- Давление.
- Лама, одомашненная инками раньше X века до н. э.
- Трава с сильным лимонным запахом.
- Способ военных действий.
- Представитель кочевого союза племен, давшего толчок Великому переселению народов.
- Металл, радиоактивный изотоп которого есть в табачном дыму.
- Бруск вдоль наружного борта гребного судна для защиты от ударов.
- Река, впадающая в Гвинейский залив.
- Частица, украшающая ночной костер.
- Опера Д. Верди, премьера которой была в Каире.
- Башня, тур, ...
- Буро-желтая прочная ткань.

По вертикали:

- Древнее государство на юге Индии.
- Лес, который любят маслята.
- Мелкие волны на озере, пруду.
- Болгарский писатель, автор романа «Табак».
- Древнегреческий драматург, по рождению — аристократ, по взглядам — демократ.
- Город на северо-западе острова Калимантан.
- Вития, краснослов (по Даю).
- Язык, на котором писал Омар Хайям.
- Парижская оперетта — канкан, венская — ...
- Советский график, автор знаменитых плакатов.
- Проект отложений в речной долине.
- Подвесная дорога.
- Город в Азербайджане.
- Задача на уроке геометрии.
- Защита.
- Старинное название порохового склада.
- Предмет быта, которому М. Фарадей посвятил целую книгу.
- Трава, выросшая после скосенного.
- Туве — игил, на Алтае — ..., в Хакасии — языхи.
- Один как ... (совсем один).
- Правда.
- Нитевидный вырост, с помощью которого передвигаются бактерии.
- Просо — пшено, пшеница — ...
- Пособие по судоплаванию.
- Самый искусственный ткач в природе.
- Дерево, спиленное для пережигания на уголь.
- Крутой склон.
- Положительный электрод.
- Аптекарская мера веса.
- Курортная местность в Литве с молодежным лагерем «Золотые дюны».

ЛЮБИТЕЛЯМ КРОССВОРДОВ!

Приглашаем вас участвовать в конкурсе кроссвордистов. Правила составления кроссвордов и первое задание конкурса читайте в предыдущем номере «Смены».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 5 (1435)

март 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ.

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНЮШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САОУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Сергей ВЕТРОВ

Художник
Геннадий КОРНЫШЕВ
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки;
212-13-19 — коммунистического воспитания;
251-32-84 — фотоочерка;
250-29-39 — военно-спортивный;
212-21-38 — международной жизни;
251-04-10 — литературы и искусства;
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда»,
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 21.01.87.
Подписано к печати 03.02.87.
А 05023. Формат 70 × 108/16.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд № 391. Заказ № 108.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типолитография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

СВЕТЛАНА АМАНОВА

Фото Валерия Плотникова

Светлане Амановой двадцать пять. Она актриса Малого театра. У нее одухотворенное лицо с тонкими правильными чертами, грудной голос, мягкая естественность манер. Никакой вычурности, позы. Какое-то внутреннее спокойствие.

При очевидной несовременности облика это человек, которого современность вполне устраивает. Другого ритма жизни она себе не представляет.

Она говорит, что с каждым годом профессия нравится ей все больше. Но с детства стать актрисой не мечтала, окончила музыкальную школу по классу скрипки. Однажды просто решила попробовать, что это такое — театр, и случайно поступила в Щепкинское училище на курс М. Царева. В процессе учебы постепенно стала ощущать профессию — когда уходила в восемь утра и возвращалась домой к часу ночи. Теперь, когда пройдены первые шаги в осознании природы актерского творчества, накоплен некий опыт, прожито и

продумано немало (она вообще человек думающий). Светлана спешит сделать новый шаг, который вывел бы ее к новому, высшему рубежу мастерства, на принципиально иную его ступень. Как научиться жить на сцене с такой степенью концентрации воли, мысли, энергии, чувств, чтобы между актером и зрителем возникла словно бы магическая связь. Когда вроде бы ничего не происходит, актер в бездействии молчит, в оторванность от него невозможна... И ты понимаешь, о чем он думает, чувствуешь его душу, как свою. Это и есть таинство театра, актерской профессии, ее суть.

На мой вопрос: «Что преобладает в работе над ролью, строгая расчетливость разум или эмоции?» — Светлана ответила:

— Я не люблю холодных актрис, мне в них не хватает души, я «не дышу» вместе с ними. Я понимаю, как они работают, могу проследить, как выстроен рисунок, но такое искусство меня

увлекает лишь потому, что самой этого не хватает — недостает терпения все продумать от и до. Я сначала стихийно, эмоционально воспринимаю роль и уже потом начинаю рассуждать: это — слюда, а это — сюда, то есть на открытые чувственное ощущение накладывается выверенный рисунок.

Речь зашла о нашем поколении — поколении 80-х, тех, кто сформировался как личность и вступил в профессию в 80-е годы. Мы обе согласились с тем, что на театре молодое поколение себя почти не выразило, а если и выразило, то опосредованно, через классику, ибо в современной драматургии молодые существуют как-то вяло и невнятно.

— Самая яркая черта нашего поколения — нетерпимость ко всем проявлениям неправды. И непримиримость. Если даемся, то до конца. Может быть, бываем в чем-то не правы и пересчур резки, но зато есть своя точка зрения и очевидное желание сделать что-то хорошее... Мы верим в то, что способны

сказать свое слово в жизни, только бы скорей успеть и не сдаваться!

— Сейчас все сбились с ног в поисках молодого героя. Какой вы представляете себе вашу современницу, которую хотели бы сыграть?

— Я не могу точно определить ее. Но хотелось бы в ней увидеть то, чего я сама еще в жизни не знаю, не поняла, не испытала... И чтобы меня это волновало. Хочу сыграть такую героиню, которая была бы неожиданна, непривычна для меня.

Ей нравятся ее современницы с их независимостью, элегантностью, внутренней свободой и раскрепощенностью творческой энергии. Она и сама такая, актриса Светлана Аманова, влюбленная в образ Вивьен Ли. И еще — в Анну Маньянни. Скажете: это же такие противоположности! Но ведь внутреннее богатство и состоит в умении сочетать многообразие свойств души...

Елена ТКАЧ